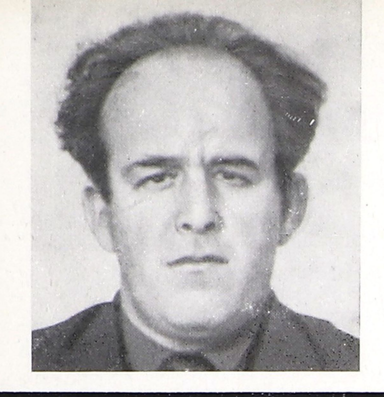
НАБАТЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ЕГО КУЛЬТУРА

И. Ш. ШИФМАН



НАБАТЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

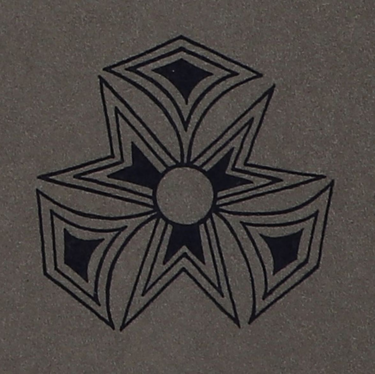
И. Ш. ШИФМАН

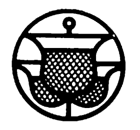


Илья Шолеймович Шифман родился в 1930 г. в Ленинграде. В 1953 г. окончил исторический факультет Ленинградского государственного университета (кафедра истории древней Греции и Рима), с 1961 г. является сотрудником Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. Доктор исторических наук.

Работы И. Ш. Шифмана посвящены социально-экономической и культурной истории древнего переднеазиатского Средиземноморья, а также проблемам семитской эпиграфики. Основные труды: «Возникновение Карфагенской державы» (М.—Л., 1963), «Финикийский язык» (М., 1963), «Финикийские мореходы» (М., 1965), а также серия статей по социально-экономической истории древней Сирии и Палестины.







АКАДЕМИЯ НАУК СССР. ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

КУЛЬТУРА НАРОДОВ ВОСТОКА

материалы и исследования

Издательство «Наука»

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

И. Ш. ШИФМАН

НАБАТЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ЕГО КУЛЬТУРА

Из истории культуры доисламской Аравии

Главная редакция восточной литературы
Москва 1976

37И
Ш 65

Ответственный редактор

А. Г. Лундин

В книге впервые в советской востоковедной литературе подробно освещаются проблемы истории, духовной культуры и быта Набатеи — древнейшего арабского государства на территории Северной Аравии.

Ш $\frac{60103-201}{013(02)-76}$ 246—76

Памяти
Шолейма Хаимовича
Шифмана

ВВЕДЕНИЕ

Набатейское государство, когда-то затерянное в горах и пустынях Южной Палестины и Северной Аравии, малоизвестно и, несмотря на интенсивную археологическую работу, которая ведется уже более полутора столетий, плохо изучено. Такое положение в значительной степени определяется состоянием источников. До нас не дошли произведения набатейских писателей; исторические предания набатеев забыты; города и храмы, построенные набатеями, лежат в развалинах; распаханные ими поля занесены песком; хитроумные приспособления для сбора дождевой воды разрушены. Только в сочинениях греческих, римских и эллинизированных ближневосточных писателей можно встретить случайные упоминания о набатеях, об их удивительном с точки зрения классической древности образе жизни, а также об их взаимоотношениях с соседями. Некоторый, хотя и весьма скудный, исторический материал содержат набатейские надписи.

А между тем Набатейское царство было одним из самых древних и (до возникновения Арабского халифата) значительных арабских государств на территории Передней Азии. Арабских — по единодушному свидетельству античной традиции, арабских потому, что набатеи носили арабские собственные имена, а в языке их письменности (арамейском, как и повсеместно на Ближнем Востоке в I тысячелетии до новой эры и в первые века новой эры) ощутимо влияние повседневной арабской речи. Хотя в середине и второй половине I тысячелетия до новой эры произошла арамеизация набатейского общества, мы, обращаясь к его изучению, обращаемся к наиболее раннему известному в настоящее время этапу истории арабского народа в момент, когда он вступил в тесный контакт с переднеазиатским арамейским и эллинистическим миром. Не удивительно, что история набатеев привлекает к себе все более пристальное внимание исследователей.

В результате огромной исследовательской работы нескольких поколений специалистов [см. 75; 20; 158, 726—744; 60; 15;

102; 97; 61; 163; 164; 126] [1] были установлены основные факты политической истории Набатеи (хотя, естественно, многие проблемы продолжают оставаться дискуссионными); чрезвычайно существен тщательный искусствоведческий анализ памятников набатейской материальной культуры и установление культурных связей набатеев с эллинистическо-иранским миром.

Большое внимание уделялось и изучению хозяйственной жизни набатеев, главным образом торговли [23; 150; 172]. Усиленное внимание к изучению торговых связей Петры привело к тому, что Петра стала рассматриваться в литературе как «караванный город» [151], почти вне связей и контактов с остальными набатейскими территориями. Несомненно, интенсивная караванная и морская торговля должна была сыграть важную роль в развитии набатейского общества, внеся в его облик неповторимые черты. Однако чрезмерное внимание к этой стороне жизни набатейского общества не могло не привести к искажению исторической перспективы. В настоящее время археологическое исследование Негева позволило поставить вопрос о технике и организации набатейского земледелия [123].

Эта большая исследовательская работа является необходимой предпосылкой для разработки ряда общих и специальных проблем истории набатейской и, более того, переднеазиатской культуры. Важнейшими вехами жизни набатеев были переход от кочевого скотоводства к оседлому земледелию, возникновение антагонистических классов и государства. Своеобразие ситуации состояло в том, что набатеи жили в окружении народов с давними и прочными традициями земледельческого хозяйства, классового общества, государственности. Исследование набатейского общества позволяет более точно представить себе эти процессы в подобных условиях. Набатеи испытали влияние арамейскоязычной и эллинистической ближневосточной цивилизации. Изучение истории набатеев на конкретном материале показывает взаимодействие различных культур и связанные с этим этногенетические процессы, оно открывает пути к более углубленному изучению того сложного историко-культурного явления, которое условно называют эллинизмом.

В предлагаемой работе автор стремился представить, по возможности полно, набатейскую культуру во всех ее проявлениях и определить основные этапы и наиболее характерные черты развития набатейской культуры, ее место в истории переднеазиатской эллинистической и арабской культур.

---

[1] Обзор современного состояния науки см. [166].

ГЛАВА I

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ НАБАТЕИ

Основные сведения по истории набатейского общества дошли до нас в трудах и компендиумах Диодора, Страбона и Иосифа Флавия.

В «Исторической библиотеке» Диодора повествование о набатеях раннеэллинистического времени органически связано с рассказом о неудачных походах Антигона (одного из преемников Александра Македонского) на юг Палестины. В настоящее время можно считать установленным, что подробное и, безусловно, достоверное изложение истории диадохов восходит у Диодора к какому-то авторитетному историческому труду, составленному современником этого периода,— возможно, к сочинениям Иеронима из Кардии [159, 684—685]. К этому источнику должны восходить и сведения Диодора о набатейской экспедиции Антигона.

Еще одно описание набатейского общества имеется во второй книге Диодора. Главы, посвященные собственно Аравии, которые следуют здесь непосредственно за отрывком о Набатее (Diod., II, 49—53), обычно возводят к сочинению «Об Азии» известного географа II в. до н. э. Агафархида [159, 672]. Но, если так, нет ничего невозможного в том, что и рассказ о Набатее также восходит к Агафархиду. Однако, если принять во внимание некоторые точки соприкосновения между Diod., II, 48 и Diod., XIX, 94 и сл., можно предложить иное решение вопроса. В обоих отрывках отмечаются пустынность Набатеи, недостаточность водных ресурсов, вольнолюбие этого народа, невозможность вследствие неблагоприятных природных и иных условий одержать над ним окончательную победу. Эта общность идей и концепций дает, по-видимому, возможность предполагать, что и тот и другой рассказ восходят к одному источнику; при этом не исключено, что у Агафархида был также учтен соответствующий материал из источника времени диадохов.

В «Географии» Страбона, где экскурс о Набатее составляет органическую часть рассказа о Сирии, сохранились ценные сведения по экономике, социальной структуре и политической организации набатейского общества. Страбон ссылается на свидетельство, вероятно устное, стоика Афинодора из Каны

(Малая Азия; Strabo, XVI, 21)[1]. Возможно, Страбон воспользовался и рассказами участников похода Элия Галла в Южную Аравию, а также официальными сообщениями по этому поводу.

Значительное место уделено Набатейскому царству в исторических трудах иудейского писателя I в. н. э. Иосифа Флавия, которого история арабов вообще и набатеев в частности интересовала лишь постольку, поскольку они так или иначе входили в соприкосновение с Иудеей. Это, естественно, привело к односторонности изложения, тем более что Иосиф Флавий отнюдь не свободен от апологетической проиудейской тенденции. О внутренней жизни Набатеи имеются только случайные упоминания. Не рассматривая здесь достаточно сложного вопроса об источниках Иосифа Флавия [ср. 158, 78—80], заметим следующее. Как показало открытие надписи [165], содержащей семитское название Петры — Ракму [rqmw], упоминая Рекема, предполагаемого основателя и реального эпонима Петры (Fl. Ios., Antt., 4, 161), Иосиф Флавий обнаруживает несомненное знакомство с набатейской традицией.

Определенное значение для нашей темы имеют немногочисленные и в общем случайные упоминания о Набатее у Плиния Старшего, Помпея Трога (до нас его сочинение дошло в переложении Юстина), Тацита, Плутарха, Диона Кассия, а также в «Перипле Эритрейского моря»[2] и в сборнике «Авторы жизнеописаний Августов» («Scriptores historiae Augustae»). Исключительный интерес представляет упоминание в древнекитайских источниках местности Ли-Кан что соответствует форме Рекем, иначе говоря, Петра) как одного из конечных

[1] См. об этом философе [32, 2045].

[2] Традиционная датировка «Перипла Эритрейского моря» (I в. н. э.) была подвергнута радикальному пересмотру в трудах Ж. Пиренн [137, 441—459; 138, 167—193)]. Основываясь на отождествлениях некоторых персонажей, упоминаемых в этом памятнике, с южноаравийскими и индийскими царями, она предложила датировать «Перипл» концом II в. н. э., исходя из гипотезы, что упоминаемый в § 19 этого памятника царь набатеев Малик, живущий в Петре, правил уже после создания в 106 г. н. э. на землях, принадлежавших Набатее, римской провинции Аравии (аналогичную точку зрения см. также [61, 55]).

Точку зрения Ж. Пиренн поддержали П. Левек [110, 231—235], а также Ф. Альтхейм и Р. Штиль [31, 40—43]. Оставляя в стороне все прочие наблюдения Ж. Пиренн, разбор которых вне нашей компетенции, заметим следующее. Как показывают документы из архива Бабаты, а также надписи из Петры, после образования римской провинции Аравии Петра превратилась в обычный имперский город с традиционной для эллинизированных полисов организацией управления; о царях источники в этой связи не сообщают. К тому же в составе Римской империи сохранение чьей бы то ни было царской власти вообще было немыслимо: царства, зависевшие от Рима, никогда формально в Империю не входили. Поэтому, какова бы ни была датировка «Перипла» в дошедшей до нас редакции, ситуация, представленная в его § 19, не могла иметь место после 106 г. н. э.

пунктов Великого шелкового пути из Китая на Ближний Восток [122, 133—135].

Первые сведения о развалинах Петры и других набатейских поселений поступили в Европу в начале XIX в. от путешественников, изучавших Сирию, Палестину и Заиорданье [45; 95; 40; 153]. Раньше других европейцев долину Вади-Муса посетил летом 1812 г. швейцарец И. Л. Буркхардт; ему принадлежит отождествление развалин, найденных здесь, со столицей Набатейского государства. В середине и во второй половине XIX в. начинают появляться труды, в которых есть попытки научного описания памятников материальной культуры Южной Палестины и Заиорданья, в том числе и набатейских [176; 83; 65]. Исключительную роль в археологическом обследовании территорий, находившихся под властью набатейских царей, сыграли экспедиции Р. Дюссо и Ф. Маклера [59], Р. Е. Брюннова и А. фон Домашевского [44], А. Музиля [124; 125], А. Жоссена и Р. Савиньяка [96]. В 30—60-е годы текущего столетия обширный новый материал был добыт Н. Глюком [68; 73; 74]. Особое внимание уделялось и уделяется Петре, основы научного изучения которой заложил Г. Дальман [55; 56].

В результате этих исследований удалось выявить большое число набатейских поселений (только в Заиорданье — более пятисот), открыть храмы и погребальные сооружения. А это позволило поставить вопрос об особенностях и путях развития набатейской архитектуры, исследовать Петру [133, 5—16; 52; 78а, 29—32], а также набатейские города Хегру, Мампсис и ʿОбодат [128; 118—148; 127] и, наконец, экспериментально определить продуктивность набатейского земледелия на территории Негева (Южная Палестина) [123; 185, 141—154] [3]. Однако самым важным итогом было открытие многочисленных набатейских надписей; особую роль в их копировании и публикации сыграли М. де Вогюе, Ю. Ойтинг, М. Юбер, Ж. Старки [4].

По содержанию набатейские надписи делятся на надгробные, посвятительные, подписи к почетным статуям. Хотя эти источники, как правило, немногословны и их составители скованы рамками трафаретной фразеологии и стандартного построения, они содержат ценный конкретно-исторический материал.

Вторая половина 50-х — начало 60-х годов текущего столетия были ознаменованы важнейшим событием в истории набатееведения — открытием деловых документов, составленных на арамейско-набатейском языке. Первая публикация такого рода принадлежит Ж. Старки [162, 161—168; 1, 123]. В изданном документе, весьма фрагментированном, фиксируется сложная

[3] Публикация проф. Н. Тадмора и его сотрудников нам недоступна.
[4] Историю открытия набатейских надписей см. [48, I, 13—25].

операция по выкупу взятого ранее в счет долга сада. Происхождение документа оставалось издателю неясным; датировка также могла быть только предположительной.

В 1962 г. И. Йадин сообщил о находке в почти недоступной «Пещере писем», неподалеку от населенного пункта Эн-Гедди, у восточного берега Мертвого моря, целой серии документов, названной по имени их владелицы и главного действующего лица архивом Бабаты [190, 227—257; 191, 204—236; ср. 6, 120—130; 106]. Последняя, очевидно, во время разгрома римлянами восстания Бар-Кохбы скрывалась в пещере (напомним, что Эн-Гедди и прилегающий к нему район был важным опорным пунктом повстанцев) и там погибла. Наряду с актами, составленными на арамейском и греческом языках, здесь имеются и набатейские, датированные правлением последнего местного царя Раббэля II; они фиксируют разного рода имущественные сделки. После открытия архива Бабаты стало ясно, что и папирус, опубликованный Ж. Старки, вероятнее всего, принадлежит этому собранию.

Значение этих документов трудно переоценить. Они позволяют не только установить характер деловых операций, о которых в каждом отдельном случае идет речь, но и восстановить историю довольно зажиточной семьи в области, находившейся под властью набатейских царей, а после гибели Набатейского царства под административным контролем Петры. Нужды нет, что в данном случае речь идет об иудеях: судя по публикациям Ж. Старки и И. Йадина, в деловой жизни этих людей нет ничего специфического, что следовало бы объяснить их иудейским происхождением. К тому же собственно набатейские документы составлены, бесспорно, в соответствии с нормами, принятыми набатейской канцелярией, и с законами, действовавшими на территории Набатейского царства.

Эти материалы позволяют также установить формуляр набатейских деловых документов и его происхождение. Наконец, они позволяют по-новому подойти к изучению набатейского языка и палеографии теперь уже не только надписей, но и рукописей. Именно поэтому хотелось бы выразить надежду на скорую публикацию архива Бабаты и сожаление по поводу того, что наши знания о нем пока основываются почти исключительно (если не считать публикации трех греческих документов, выполненной Х. Полоцким) на информационных, правда очень содержательных, статьях И. Йадина и Х. Полоцкого.

Важным источником истории Набатеи являются монеты, позволяющие установить титулатуру набатейских царей, их последовательность, политические симпатии, а также культурные влияния, которые испытало набатейское общество.

ГЛАВА II

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

I

Вопрос о происхождении набатейской этнической группы и времени ее появления на исторической арене до сих пор не решен. Окончательный ответ на него зависит в значительной степени от того, можно ли отождествить набатеев, о которых идет речь в поздних греко-римских источниках и местных надписях, с небайот, предок-эпоним которых упоминается в библейском родословии потомков Измаила, т. е. арабов. Источник (Быт., 25, 13; ср. II Хрон., I, 29) сообщает: «И вот имена сыновей Измаила по именам их, по родословиям их: старший сын Измаила Небайот (nĕḇāyōṯ), и Кедар, и Абдеэль, и Мибсам». Как сын Измаила Небайот упомянут в библейских текстах помимо процитированного отрывка дважды. В одном случае (Быт., 28, 9) рассказывается, что Исав взял в жены Махалат, дочь Измаила, сестру Небайота. В другом повествовании (Быт., 36, 3) излагается иная версия легенды о женитьбе Исава, там его супругой названа Басемат, дочь Измаила, сестра Небайота.

Переводы Библии дают тот же текст, что и Быт., 25, 13, и, что еще более существенно, ту же форму имени первородного сына Измаила; в особенности характерным кажется греческое Ναβαιώθ в Септуагинте, хотя в последней и допущена неточность, лишающая стих смысла: «Первородный Измаил, и Набайот» и т. д. У Иосифа Флавия родословие Измаила также воспроизводит форму Септуагинты: Ναβαιώθης (Fl. Ios., Antt., I, 220). В документах, составленных на аккадском языке, этнониму nĕḇāyōṯ закономерно соответствует nabayātu.

Как отмечал еще Э. Глазер [66, 409], серьезным препятствием для отождествления библейских небайот с набатеями служит то обстоятельство, что в консонантном составе библейского этнонима (nĕḇāyōṯ) имеются звуки y и t, тогда как в самоназвании набатеев (nbṭw) y вообще отсутствует, а вместо t есть эмфатическое ṭ. В связи с этим в исследовательской литературе господствующим стало скептическое, если не прямо отрицательное отношение к подобного рода идентификации [158; 129; 125, 478; 172, 15; 92, 193; 57, 83; 61, 21—22; 135, 252; 184, 99]. Однако филологические затруднения не являются в данном случае непреодолимыми. По данным классического

словаря И. Леви [112, III, 326], в иудейской побиблейской литературе название набатеев встречается в формах: nbṭy, nwṭy, nwty, nwt'h и даже npty. В аккадских текстах также встречается форма awilu na-ba-tu [149, 54] без эмфатического ṭ. Из сказанного следует, что в этнониме набатеев могло происходить и действительно происходило чередование t и ṭ. Отсутствие y в варианте nbṭw может быть объяснено тем, что, находясь между двумя краткими гласными, оно на каком-то этапе развития слова выпало,— явление, широко распространенное в семитских языках, в том числе и в арабском [43, 57; 49, 85]. Таким образом, гипотезу, согласно которой библейские небайот могут быть отождествлены с набатеями, следует признать весьма правдоподобной; развитие этнонима при этом допустимо представить себе от формы nabayat/ṭ^{u} к nabāṭ^{u} [1]. Мысль, будто «в высшей степени невероятно», чтобы в nbyt одновременно был бы утрачен y и произошел переход t > ṭ (184, 99), нуждается, как можно видеть, в определенных коррективах. Но, если так, «начало» набатейской истории приходится перенести с конца IV в. до н. э., к которому относятся сообщения Диодора, на несколько столетий назад.

Приведенное выше библейское родословие, по замыслу его создателя, должно было включить арабские племена в общую генеалогию потомков легендарного Авраама — мифического предка древних израильтян; тем самым устанавливалось кровное родство между теми и другими. Однако в нашем распоряжении имеется и средневековая арабская традиция, до наших дней сохранившаяся у Табари и Абу-л-Фиды. Она дает несколько вариантов преданий о происхождении Набта (nabt^{un}) или Набита (nābit^{un})— эпонима набатеев (кстати, в обоих случаях без эмфатического ṭ): его называют либо сыном Хамала, либо сыном Кайзара, либо сыном Измāйла [171, 1117 и 1131; 29, 192]. Только одна из этих версий восходит к библейскому преданию. Очевидно, две другие воспроизводят различные версии собственно арабской традиции, от Библии не зависимые и восходящие, быть может, к набатейским источникам.

Библейское предание о том, что Измаил был потомком Авраама, делает арабов, в том числе и небайот-набатеев, исконными обитателями пустынных районов Южной Палестины и Сирийской пустыни. Оно исключает какую-либо мысль о том, что они прибыли в этот район извне [2]. Очевидно, если пересе-

---

[1] Ср. в другой (греческой) языковой среде переход от ᾿ΙαϜονία (у семитов соответственно yāwān) к ᾿Ιωνία с выпадением дигаммы Ϝ и стяжением α + ο в ω.

[2] Обычно набатеев считают поздними пришельцами на территории Набатеи, ср. [73, 189—190; 41, 29].

ления арабов и имели место, то происходили они задолго до того, как сложились библейские генеалогические предания [3].

Как можно было видеть, библейская генеалогическая традиция изображает Небайота первородным сыном Измаила. Эта версия должна была отражать либо реальное первенство небайот-набатеев среди известных составителям данного текста арабских племенных образований, либо их претензии на гегемонию. И действительно, некоторые, правда поздние, источники позволяют думать, что уже в относительно глубокой древности набатеи входили в состав каких-то племенных союзов и были там достаточно влиятельны.

Так, в набатейских надгробиях неоднократно упоминаются общие религиозные установления набатеев (nbṭw) и саламиев (šlmw). Речь идет обычно об объявлении того или иного предмета заклятым (ḥrm) — своеобразном местном варианте табу (CIS, II, 197, 199, 206). Эти упоминания становятся понятными в свете прямого указания Стефана Византийского (St. Byz., s. v. Σαλάμιοι), что саламии были союзниками (ἔνσπονδοι) набатеев. В средневековой арабской историографии предок-эпоним саламиев Саламан (ṣālāmān^{un}) считался потомком Набта [29, 192]. Тесный союз набатеев и саламиев, который предполагал общность религиозных установлений и порождал традицию их общего происхождения, сложился, по-видимому, в глубокой древности, не позднее первой половины I тысячелетия до н. э.

Саламии известны и по некоторым другим источникам. В Таргуме Онкелос (Числ., 24, 21) саламии отождествлены с библейским племенем кенитов, но эта идентификация означает только то, что ко времени возникновения памятника саламии жили в Южной Палестине, и, следовательно, могла возникнуть возможность их отождествления с обществом, обитавшим, согласно библейской традиции, там же. Ж. Т. Милик полагал, что местопребыванием саламиев была Южная Сирия, поскольку они дважды упоминаются в надписях из Хаурана [120, 232—

---

[3] Ж. Старки полагает, что арабы происходят из Южной Аравии и в Идумею и соседние страны явились незадолго до конца персидского господства на Ближнем Востоке [166, 22]. М. Линднер пишет, что набатеи пришли с Аравийского полуострова на территорию Идумеи в VI—V вв. до н. э. Аналогичную точку зрения см. [126, 29].

Мы оставляем открытым вопрос о том, можно ли связать с историей набатеев средневековые арабские предания о переселении самудских племен «из Йемена в Хиджаз» [29, 114], поскольку неясно, могут ли быть отождествлены набатеи и Самуд. Традицию, явно враждебную набатеям, сохранил Стефан Византийский (St. Byz., s. v. Ναβαταῖοι): они происходят «от некоего Набата; Набат же по-арабски „тот, кто родился от блуда“ (ὁ ἐκ μοιχείας γενόμενος)».

233]. Однако ничто не мешает думать, что либо племя целиком, либо отдельные его представители, о которых идет речь в надписях, когда-то, сравнительно поздно, переселились в Хауран. Во всяком случае, отождествления в Таргуме Онкелос и в Иер. Шевиит (6,1) — кениты, кенизиты, кадмониты = арабы, саламии, набатеи — говорят в пользу пребывания саламиев, как, впрочем, и набатеев, на юге Палестины. По мнению Ж. Т. Милика, союз саламиев и набатеев возник во второй четверти I в. до н. э. в царствование Ареты III, который предоставил союзникам контроль над Заиорданьем. Однако столь позднее возникновение чисто политического союза делает, на наш взгляд, необъяснимым существование общей для набатеев и саламиев религиозной обрядности, которая должна была уходить своими корнями в глубокую древность.

Другим союзником набатеев Стефан Византийский называет племя дахаренов (St. Byz., s. v. Δαχαρηνοί). Оно, очевидно, тождественно племени дихрани (di-iḫ-ra-a-ni), против «царицы» которого около 675 г. до н. э. совершил поход ассирийский царь Асархаддон [16, 1454]. Вопрос о времени возникновения этого союза остается открытым.

Политическая история небайот-набатеев в доэллинистический период почти не освещается источниками. По словам Иосифа Флавия (Fl. Ios., Antt., 4, 82), арабы считали Петру своей метрополией; однако это значит только, что в конце I тысячелетия до н. э. Петра была крупнейшим политическим и культурным центром Северной Аравии. Когда набатеи овладели Петрой и при каких обстоятельствах, неясно, и проводившиеся здесь археологические работы пока не пролили света на эту проблему. Как уже отмечалось, у Иосифа Флавия (4, 161) сохранилось указание, согласно которому эпонимом — основателем Петры считался мидианитский [4] «царь» Рекем. Как показывает одна поздненабатейская надгробная надпись, которую опубликовал в 1965 г. Ж. Старки [165, 96—97], набатеи на протяжении всей своей истории сохраняли старинное имя города (в данном случае в его арабизированной форме) rqmw. Это название встречается в форме Рекам и в переводах Библии на арамейский язык [164, 897], в жизнеописании Барсаумы [164, 897], а также в «Ономастиконе» Евсевия (Euseb., Onomast., s. v. Ρεκέμ). Так как параллельными библейскими указаниями мы не располагаем, остается допустить, что Иосиф Флавий основывается на местной, скорее всего, набатейской истори-

[4] Мидианитяне — во второй половине II тысячелетия до н. э.— первой половине I тысячелетия до н. э. кочевые племена Южной Палестины и Северной Аравии.

ческой традиции [5]. Если эта традиция в какой-то степени отражает действительность и Петра во второй половине или в конце II тысячелетия до н. э. принадлежала мидианитянам, то в этом случае придется признать, что набатеи либо сами вытеснили их оттуда, либо пришли в Петру после того, как мидианитяне были изгнаны кем-то другим, скорее всего, эдомитянами. Последнее предположение кажется наиболее правдоподобным: дело в том, что, рассказывая о разгроме Эдома иудейским царем Амацией (начало VIII в. до н. э.), Библия (II Цар., 14, 7) ставит в прямую связь с этим захват иудеями Петры (sälaʿ — «скала», откуда и греч. Πέτρα) [6], хотя в предшествующих рассказах о столкновениях иудеев с Эдомом она не упоминается. Объясняется это обстоятельство, вероятно, тем, что во второй половине IX в. до н. э. Петра попала под власть эдомитян. Когда при царе Ахазе (вторая половина VIII в. до н. э.) Иудея утратила контроль над Эдомом и вновь была восстановлена гегемония последнего в Южной Палестине, в сфере его господства оказалась и Петра. Отсюда вытекает, что набатеи отняли Петру у эдомитян.

Однако произошло это сравнительно поздно. Как показывают приводившиеся выше предания о женитьбе Эдома на дочери Измаила, сестре Небайота, первоначально Эдом и набатеи были связаны союзническими узами и лишь со временем отношения изменились. Захват набатеями Петры, судя по всем обстоятельствам, мог произойти не раньше VII в. до н. э. [7]. Изучение культа набатейского бога Душары (см. ниже, стр. 93 — 96) позволяет предполагать, что первоначально культовым и политическим центром набатеев была Гайа; после завоевания Петры все сакральные и административные учреждения были перенесены туда.

В начале VII в. до н. э. набатеи попали под власть Ассирии (ARAB, II, 234, 257, 264, 274). В середине VII в. до н. э., когда арабские племена Передней Азии вели упорную борьбу против ассирийского господства [8], их «царем» был Натну,

---

[5] Г. Дальман [55, 23] связывает семитское название Петры — Рекем — с корнем rqm —«быть разноцветным», «быть пестрым».

[6] В литературе принято отождествление Петры и «Скалы Эдома». Ж. Старки, однако, придерживается иной точки зрения. Он считает, что такая идентификация невозможна. В очень осторожной форме, подчеркнуто гипотетически, он предлагает локализовать «Скалу Эдома» несколько северо-западнее современной Бусейры, неподалеку от Вади-Хунайзира. См. [164, 886—899].

[7] По предположению Р. Дюссо [61, 23], набатеи появились в районе Петры и вытеснили оттуда эдомитян только в первой половине VI в. до н. э.

[8] О взаимоотношениях арабов с Ассирией см. [148; 136, 44—53, 41, 6—11; 21, 75—89]. Возможно, что ^{lú}na-ba-tu упоминались уже при перечислении завоеваний Тиглатпалассара III [185, 120].

который вел сложную политическую игру. В анналах ассирийского царя Ашшурбанапала (ARAB, II, 822) отмечено, что Натну первым из арабских «царей» изъявил покорность Ассирии. Но в то же время он предоставил у себя убежище Йате — «царю» арабского племени кедаритов, злейшему врагу Ассирии (хотя и выдал его впоследствии врагам), и даже вступил в союз с другим предводителем антиассирийского арабского движения — Абиате сыном Тери, также вождем одного из подразделений кедаритов. Поражение, которое Ашшурбанапал нанес выступавшим против него арабским племенам, несомненно отразилось и на набатеях (ARAB, II, 833); ср. [76, 1453—1454; 61, 23]. В близкой по времени корреспонденции ассирийских царей набатеи фигурируют как объект нападения, вероятнее всего, со стороны ассирийцев [180, № 260]) [9].

Взаимоотношения небайот-набатеев с аравийскими обществами частично освещаются опубликованными Ф. В. Виннетом (184, 99—101, № 11, 13, 15) надписями из Джебель-Гунайма (район Таймы в Северной Аравии), которые датируются предположительно VI—V вв. и содержат упоминания о войне с небайот (ḍr nbyt).

После разгрома Ассирии в конце VII в. до н. э. набатеи, очевидно, в той или иной форме были подвластны Нововавилонскому царству, а затем с конца VI в. до н. э. и до последней трети IV в.— Персидской державе.

II

Южная Палестина была одной из немногих ближневосточных стран, которые после походов Александра Македонского в Азию и Египет, закончившихся гибелью Персидского царства, в условиях ожесточенной борьбы между диадохами — преемниками «великого» завоевателя — сумели сохранить свою политическую самостоятельность. Как известно, арабы, вероятнее всего набатеи, принимали решающее участие в длительной обороне Газы от греко-македонских захватчиков. Соперничество двух крупнейших держав эллинистического Ближнего Востока — Птолемеев и Селевкидов, несомненно, способствовало укреплению их независимости.

В 312 г. до н. э. набатейское общество подверглось нападению Антигона Одноглазого. Сам Антигон — один из преемников Александра Македонского, которые вели после его смерти борьбу за господство в Восточном Средиземноморье,— к этому времени пользовался реальной властью в Передней Азии

[9] На этот материал нам любезно указал В. А. Якобсон.

(в том числе в Сирии и Северной Месопотамии). Ему противостояли египетский правитель Птолемей, владыка балканской Греции и Македонии Кассандр, малоазиатский владетель Лисимах и в Южной Месопотамии Селевк — в недалеком будущем основатель огромного, хотя внутренне и непрочного Селевкидского царства.

В этих условиях поход Антигона в Набатею следует рассматривать прежде всего как эпизод в его борьбе за создание и упрочение собственной ближневосточной державы. Не случайно источник, которым пользовался Диодор (XIX, 94, I), полагает, что Антигон считал, будто набатеи противятся его замыслам, и именно по этой причине хотел нанести им удар. Может быть, набатеи, поддерживая контакты с Египтом, были на стороне Птолемея [ср. 152, 455—456]. Тогда, предпринимая попытку подчинить их своей власти, Антигон мог не только иметь в виду эту ближайшую цель, но и стремиться нанести удар по своему противнику в Египте, лишив его важного опорного пункта в Азии. Кроме того, захватив Набатею, Антигон приобретал реальную возможность стать хозяином торговых путей в Южную Аравию [ср. 151, 24—25].

Однако набатейский театр военных действий не мог иметь для Антигона решающего значения. Поэтому он не возглавил экспедицию лично, а поручил командование отрядом (четыре тысячи пехотинцев и шестьсот всадников) Афинею, одному из своих «друзей» (τῶν αὐτοῦ φίλων), т. е. придворному весьма высокого ранга. Как рассказывает Диодор (XIX, 95 и сл.), Афиней воспользовался тем, что набатеи отправились на регулярно проводившуюся ярмарку и покинули Петру, оставив там стариков, женщин и детей. В течение трех дней и ночей он вел своих воинов из Идумеи, пройдя за это время 2200 стадий (около 407 *км*), а затем глубокой ночью с ходу овладел городом.

Но оставался он там недолго. Разграбив Петру, захватив пленных и драгоценности, Афиней, опасаясь атаки набатеев, ушел из города и расположился лагерем в 200 стадиях (37 *км*) от него. В конечном итоге он потерял военную инициативу; его воины были изнурены трудным переходом, а меры по охране лагеря приняты не были. Тем временем набатеи собрали военное ополчение (около восьми тысяч человек), внезапно напали на лагерь Афинея и полностью его разгромили.

Важное известие о столкновении Антигона и набатеев, восходящее к пятой книге «Истории арабов» Урания, сохранил Стефан Византийский. По его словам, Антигон умер в арабском поселении Мото (Μωθώ) «под ⟨ударами?⟩ Рабиля, царя арабов». На первый взгляд, это сообщение не может претендовать

на какую бы то ни было историческую достоверность: Антигон погиб значительно позже и, как отмечалось, в походе на набатеев не участвовал. Поэтому в указании Стефана Византийского имя Антигон исправляют на Антиох (FGH, III, C, I, 343), имея в виду указание Иосифа Флавия (Antt., 13, 391), что один арабский царь разгромил Антиоха XII в битве при Кане и последний погиб в бою. Однако, по мнению Ж. Милика и Ж. Старки, дело обстоит не так просто. Историческая основа традиции, использованной Уранием и сохраненной Стефаном Византийским, рисуется этим исследователям следующим образом. Рабиль был вождем (этнархом) набатеев [10] и победителем Афинея; Мото, очевидно, место, где был разгромлен греко-македонский отряд; оно, как полагают, может быть отождествлено с пунктом Мавта в 85 *км* от Петры. Единственное затруднение при этом — несогласованность в расстоянии между сообщением Диодора и известием Стефана Византийского; впрочем, не исключено, что у Диодора может быть ошибка [164, 903—904] [11].

Как бы то ни было, одержав победу, набатеи отправили Антигону послание на арамейском языке «сирийским», т. е. арамейским, письмом (Συρίοις γράμμασι) (Diod., XIX, 96, I) с протестом по поводу нападения Афинея. В своем ответе Антигон попытался снять с себя ответственность, заявив, будто Афиней действовал вопреки его указаниям. Однако, пока шла переписка, он начал тайно готовить новое вторжение. Теперь отряд, предназначавшийся для нападения на Набатею, насчитывал четыре тысячи легковооруженных пехотинцев и более четырех тысяч всадников. Командиром был назначен сын Антигона Деметрий Полиоркет — один из талантливейших полководцев раннеэллинистического времени.

Очевидно, на этот раз Антигон во что бы то ни стало решил добиться победы. Однако поход Деметрия не привел к желательным для него результатам. Набатеи, которых письмо Анти-

---

[10] Ср. титулатуру набатейских и иных арабских властителей в грекоязычной нарративной традиции у Иосифа Флавия: ὁ τὴν ἀραβαρχίαν ἔχων (15,165), ὁ τῶν Ἀράβων δυνάστης (13,118), ὁ Ἀράβων φύλαρχος (13, 384), II, Коринф., 11, 32: ὁ ἐθνάρχης.

[11] Об истолковании этого источника см. также [61, 51—52], где указана и основная литература. По предположению Р. Дюссо, источник Стефана Византийского имел в виду трагическую гибель Александра Баласа в 146 г. до н. э. от руки арабского династа Забдиэля (I Маккав., 11, 17) или Забэля (Fl. Ios., Antt., 13, 4, 8), что «соответствует», по его мнению, имени Рабиль. С нашей точки зрения, подобная интерпретация, приводящая к тому, что от текста практически ничего не остается, принципиально неприемлема.

гона отнюдь не успокоило, ожидали нового вторжения и выставили на дорогах и в горных проходах сторожевые посты, своевременно предупредившие о появлении неприятеля. Оставив свое имущество в Петре под охраной военного гарнизона, набатеи откочевали в пустыню. Деметрию удалось проникнуть в Петру, но этот видимый успех не принес ему победы. После переговоров с набатеями, по-видимому сознавая бесперспективность своего дальнейшего пребывания в этом городе, он ушел оттуда и расположился лагерем неподалеку от Мертвого моря, а позже и вообще покинул пределы Набатеи.

В 301 г. до н. э. судьба наследства Александра Македонского была, казалось, окончательно решена. В битве при Ипсе (Малая Азия) Антигон потерпел поражение от войск Лисимаха и Селевка и погиб. Селевк после этого сражения подчинил Месопотамию и Сирию, однако южная часть последней, а также Палестина оказались в руках Птолемея. В перспективе уже вырисовывалась длительная, многолетняя борьба Птолемеев и Селевкидов за эти территории.

В этих условиях Набатея, естественно, оказалась в сфере египетского влияния, хотя, видимо, и не утратила политической независимости [50, 33—82]. Во всяком случае, один из папирусов знаменитого архива Зенона (PCZ, 59004) говорит о поставке в 259 г. до н. э. пшеницы «людям Раббэля», находившимся, видимо, к востоку от Иордана. В середине III в. до н. э. набатеи, очевидно, сами не занимались земледелием и нуждались в поставках извне. Показательно, что, хотя египетские власти избегают применять к Раббэлю царский титул, сам факт поставки пшеницы был возможен только при дружеских, союзнических отношениях.

В нашем распоряжении имеется и другой папирус (PSI, 406), в котором речь идет о частных лицах, деловых агентах Зенона, сталкивавшихся с набатеями,— неких Дримиле и Дионисии, занимавшихся скупкой и перепродажей рабов. Один из них решился попытать счастья у набатеев, но безуспешно. «Оттуда (из Хаурана.— *И. Ш.*) вернувшись, он приобрел набатеев (συνεσκεάσατο τοὺς [Ἀ]ναβαταίους)»,— сказано в документе. Имеется в виду, очевидно, захват рабов или приобретение их иным способом. «Но, когда произошел шум (βοῆς δὲ γενομένης), он был отведен в тюрьму и семь дней пробыл в оковах (ἀπάγεται ἡμέρας ζ′ ἐμ πέδας ὤν)». Неудача, постигшая работорговца в Набатее, сопротивление, которое было ему оказано, о чем повествует папирус, наконец, более чем независимое обхождение с агентом влиятельнейшего египетского чиновника — все эти факты говорят о политической самостоятельности набатеев. Трудно, в самом деле, предста-

вить себе, чтобы на территории, подвластной Египту, люди могущественного диойкета Зенона могли бы быть взяты под стражу...

В конце III — первой четверти II в. до н. э. политическое положение на Ближнем Востоке снова изменилось. После битвы при Магнесии (190 г. до н. э.) Рим стал преобладающей силой на Ближнем Востоке, постоянным и решающим политическим фактором. К тому же Селевкидское государство ослаблялось в результате постоянных внутридинастийных распрей, а также народных движений, направленных против чужеземного гнета. Эти движения возникали в ряде районов огромной Селевкидской державы, от которой постепенно отпадали территории, подвластные ей. Самым крупным выступлением, которое подорвало основы селевкидского могущества, было восстание иудеев под руководством братьев Маккавеев в непосредственной близости от Набатеи [12].

Соответственно и возможностей поставить Набатею под свой контроль у Селевкидов практически не было. Наши источники рисуют набатеев III—I вв. (почти исключительно в их взаимоотношениях с иудеями) как независимое общество, ведущее сложную и самостоятельную внешнюю политику. Они занимали в этот период обширные пространства Южной Палестины (Негев), Заиорданье и Хауран. Постепенно у них складывается сильная царская власть.

Если не считать Натну, который, хотя и называется в ассирийских источниках «царем», едва ли был таковым в строгом смысле этого слова (скорее всего, он был вождем данного племени), самое раннее упоминание о набатейском правителе, сопровождающееся более или менее определенной титулатурой, сохранилось в II Маккав. (5.8), где речь идет об Арете, «арабском» или, точнее, набатейском «тиране». Терминология источника свидетельствует о необычности власти Ареты, возможно даже о том, что он пришел к власти в результате какого-то переворота.

По предположению Ф. М. Кросса [цит. по 164, 904], к этому же Арете (если не к какому-то более раннему) относится надпись, найденная в пункте Халаса на пути из ʿОбодата в Газу и палеографически (с учетом близости к арамейскому курсиву III в. до н. э.) датируемая, по его мнению, III—II в. до н. э. Текст этой посвятительной надписи несложен: «Это (znh) место

---

[12] Мы не располагаем сведениями, которые позволили бы утверждать, что набатеи принимали непосредственное участие в борьбе между Птолемеями и Селевкидами на стороне последних (ср., однако, точку зрения М. Линднера в [126, 16]).

(ʼtrʼ) [13], которое соорудил Нутайру при жизни (возможен также перевод: „во здравие“) [14] А[ре]ты, царя набатеев (ʻl ḥywhy zy ḥ[r]tt mlk nbṭw)» [цит. по 48, II, 43, 44]. Архаичность этого текста не вызывает сомнения: помимо характерной формы знаков и отсутствия типичных для набатейского письма лигатур показательно употребление частицы zy вместо обычной для набатейских надписей dy, а также указательного местоимения znh вместо обычного dnh. Однако датировка, предложенная Ф. М. Кроссом, не может считаться окончательно доказанной, как, впрочем, не доказано и суждение Ж. Кантино, который отождествляет Арету данной надписи с Аретой II.

Тем не менее, если Арета данной надписи и Арета II книги Маккавеев тождественны, есть основания думать, что Арета I (по принятым в настоящее время обозначениям) принял царский титул; иудейский источник неточно воспроизводит его титулатуру, руководствуясь, очевидно, реальной ситуацией, существовавшей в набатейском обществе. Показательно, что в надписи из Халасы имя и титул отца Ареты отсутствуют. Время деятельности Ареты I определяется тем, что, по сведениям нашего источника, к его двору бежал изгнанный из Иудеи первосвященник Ясон; это событие произошло в 168 г. до н. э.

Наши источники очень скупы и лишь приблизительно позволяют судить о направлениях внешней политики набатеев в III—II вв. до н. э. Наряду с мирным, если и не просто дружественным отношением к Иудее (I Маккав., 5, 26), источники отмечают и враждебное (II Маккав., 8, 32). По-видимому, уже в этот период набатеи, стремясь прочнее закрепиться в Негеве, создают там свои поселения [129, 54—55; 130, 5]. Однако их основное внимание было, по-видимому, обращено на юг. По словам Диодора (3, 43, 4—5), набатеи жили на берегу «Лихьянского залива», т. е. Красного моря. Источником этой информации является, по-видимому, Агафархид, живший во второй половине II в. до н. э. На аравийском побережье Красного моря набатеи появились до этого времени, вероятнее всего в середине II в., когда им никто не мог помешать в их продвижении по Аравийскому полуострову. На море набатеи столкнулись с птолемеевским Египтом: нападая на корабли и грабя их, они практически дезорганизовали египетскую морскую торговлю.

---

[13] Термином «место» в ближневосточных надписях обычно обозначается культовое сооружение (камера), посвящаемое богу.

[14] Как показывают документы из архива Бабаты, формула ʻl ḥywhy могла употребляться и для обозначения даты («при жизни» такого-то царя). См. [190, 240].

Правительство Птолемеев было вынуждено направить против них морскую экспедицию, нанесшую набатеям серьезный урон [15].

О царствовании Раббэля I почти ничего не известно; он упоминается только два раза. Одно упоминание — в архаической по палеографическим и языковым признакам надписи CIS, II, 349: «[Это ста]туя Раббэля, царя набатеев, [сына Аре]ты, царя набатеев, которую воздвиг ему .... [сын] Хаймананайа, великий, и обновил ее... в месяц кислев, который также шамара, [год] 16/18 Ареты-царя» ([znh [16] ṣlm' zy rb'l mlk nbṭw [br ḥrt]t [17] mlk nbṭw zy hqym lh . . . hymnny rb' wḥdth . . . byrḥ kslw zy hw šmr' [šnt] 16/18 lḥrtt mlk'). Надпись датируется временем около 70 г. до н. э. (царствованием Ареты II); исходя из этого, царствование Раббэля I может быть отнесено к 40-м годам II в. до н. э. [18]. Во всяком случае, надпись определенно показывает, что царская власть в Набатее уже стала наследственной (отец царя также носит царский титул).

Другое упоминание — в надписи CIS, II, 218, текст которой гласит: «Это масгида (msgd'), которую изготовил Шакуху, сын Туры, для Aᶜарры, который в Босре, бога Раббэля, в месяц нисан год первый Малику-царя». В комментариях к тексту надписи выдвигается утверждение, что речь здесь идет о царе Раббэле II и его предполагаемом преемнике Малику III. С нашей точки зрения, эта теория неправомерна: после образования провинции Аравии какой-либо набатейский царь был невозможен; к тому же, если бы в надписи говорилось о Раббэле II, обязательно была бы его титулатура: «тот, кто оживил и спас свой народ». Раббэль интересующей нас надписи может быть только Раббэлем I, а Малику — либо Малику I, либо Малику II. Очевидно, в набатейской среде долго сохранялись представления о том, что бог Aᶜарра, живший в Босре, был династическим богом Раббэля I, претендовавшего на господство и, быть может, осуществлявшего его в Северном Заиорданье.

Его преемник, Арета II [19], известен тем, что он около 100 г.

[15] М. И. Ростовцев считал, что целью политики уже ранних Птолемеев, и в частности Птолемея II Филадельфа, в бассейне Красного моря и на подступах к Аравии были изоляция и подчинение Петры в целях захвата торговых путей на юг. Однако Петре удалось сохранить независимость и свое торговое значение. См. [151, 27—29].

[16] В CIS, а также у Ж. Кантино [48, II, 1] принято восстановление dnh, хотя это и противоречит употреблению частицы zy.

[17] В CIS принято [br ᶜbd]t, однако более правдоподобно [br ḥrt]t, если принять во внимание архаичность текста и последовательность известных царей.

[18] Ср. [61, 54; 164, 905]. См. в надписи архаические формы: zy, hqym.

[19] С Аретой II обычно (см.: [61, 54]) отождествляют легендарного царя Эротима, который, по рассказу Юстина (39, 5), направил семьсот своих сыновей грабить Сирию и Египет. Легендарный характер этого

до н. э. пытался оказать сопротивление иудейской экспансии в Палестине. По рассказу Иосифа Флавия (Antt., 13, 358—363), Газа, осажденная иудейским царем Александром Яннаем, обратилась за помощью к Арете II. Однако Александру удалось занять город до того, как Арета сумел принять эффективные меры. Эта неудача должна была иметь отрицательные последствия для набатейской караванной торговли, поскольку связи между Петрой и эллинистической Газой на какое-то время оказались нарушенными. Как показал А. Негев [129, 54—55; 130, 5—10], это привело даже к тому, что на довольно длительное время опустели набатейские поселения в Негеве, отрезанные от выхода к морю и оказавшиеся в стороне от торговых путей.

Сын Ареты II, ʿОбодат I, предстает перед нами как более удачливый политик, много сделавший для укрепления Набатейского царства. Нанеся около 93 г. до н. э. поражение Александру Яннаю у Гарады в Гавланитиде (Fl. Ios., Antt., 13, 375), он приостановил наступление иудеев в Заиорданье и тем самым предотвратил утрату важных территорий, открывавших доступ в Сирию. В 85 г. до н. э. он сумел разгромить у селения Кана и армию одного из последних Селевкидов, Антиоха XII, пытавшегося восстановить в прежнем объеме государство своих предков (Fl. Ios., Antt., 13, 99—102; BJ, I, 387—391). ʿОбодат I много сделал для повторного освоения Негева; видимо, именно он основал здесь, в глубине пустыни, город ʿОбодат (совр. ʿАвдат). Насколько мы можем судить, именно в царствование ʿОбодата I в Набатею начинают проникать некоторые эллинистические обычаи, в частности обожествление государя. Наши источники (St. Byz., s. v. Ὄβοδα; CIS, II, 354) прямо говорят о культе этого царя и сохранили по отношению к нему эпитет «бог» (ʾlhʾ). Как показывает надпись RES 1423 (соотв. DNPF, 73), в Петре существовала коллегия почитателей «бога» ʿОбодата (mrzḥ ʿbdt ʾlhʾ); надпись составлена в память Убайду сына Вакихэля и его коллег (ḥbrwhy) по этому объединению [20].

Политику ʿОбодата I пытался продолжать Арета III Филэллин, добившийся на первых порах определенных успехов. Он основал на пути от Петры к Эйлату город Авару (St. Byz.,

---

предания, которое стоит особняком в литературе о Набатее, очевиден. Ср. [173].

[20] М.-Ж. Лагранж [108, 357] думал, что набатеи поклонялись ʿОбодату I потому, что он носил имя одного из их городов, в связи с чем возникло представление о боге-ойкисте (основателе города). В действительности здесь, по-видимому, имело место прямое влияние эллинистического культа царей.

s. v. Αὔαρα), а в собственно Сирии одержал блестящую дипломатическую победу: по просьбе властей Дамаска, опасавшихся нападений со стороны тетрарха Халкиды (в Антиливане) Птолемея сына Меннэя, он присоединил Дамаск к своим владениям. Здесь Арета III выпускал бронзовые монеты по местному стандарту [69, 3—8; 61, 55; 164, 907—908]. В результате Александр Йаннай оказался в кольце набатейских владений. Около 82 г. до н. э. Арета III вторгся в Палестину и разгромил иудеев в битве при Адиде (Fl. Ios., Antt., 13, 392—398), однако некоторое время спустя Йаннаю удалось восстановить свое положение и укрепиться как в Южной Сирии, так и на юго-восточном побережье Средиземного моря (Fl. Ios., Antt , 13, 393—397). В 72/71 г. Арета потерял Дамаск, захваченный армянским царем Тиграном II, который владел городом до 70/69 г. до н. э.

Враждебные отношения между набатейскими и иудейскими царями превратили Набатею в естественное убежище для всех или почти всех политических изгнанников из Иудеи (Fl. Ios., Antt., 13, 414). После смерти Александра Йанная и его вдовы Александры Арета III получил возможность вмешаться в борьбу между претендентами на власть в Иудее — Гирканом и Аристобулом. Гиркан, свергнутый с престола Аристобулом, бежал в Петру. Здесь он сумел убедить набатейского царя выступить против узурпатора. Аристобул потерпел поражение и заперся в Иерусалиме. Накануне пасхи 65 г. до н. э. началась осада города.

Тем временем на территории Сирии произошли существенные изменения: страна была оккупирована римскими войсками; со дня на день ожидали, что она будет объявлена провинцией и «добычей римского народа». Римляне вмешались и в события, происходившие в Палестине. Они приняли сторону Аристобула, предложили Арете III прекратить осаду Иерусалима и отступить. Последний не мог не подчиниться: в противном случае он был бы объявлен врагом римского народа, а это означало в самой ближайшей перспективе столкновение с римлянами и гибель. В результате Аристобул получил возможность перейти в наступление и у Папирона в долине Иордана нанес поражение набатейской армии (Fl. Ios., Antt., 14, 14—33; BJ, I, 114—130).

III

В 64 г. до н. э. Сирия стала римской провинцией, и Набатея сразу же почувствовала резкое изменение своего политического положения. Если раньше относительная слабость соседей, и прежде всего селевкидских правителей Сирии, позво-

яла набатейским царям не только сохранять политическую самостоятельность, но и активно участвовать в жизни сирийско-палестинского региона, вмешиваясь в дела других государств, расширяя свои владения, стараясь укрепить свое господство, то теперь само существование Набатейского царства оказалось под угрозой. Оно могло сохраниться лишь постольку, поскольку Рим его терпел. Степень его самостоятельности зависела от волеизъявления римского правительства.

Уже в первые годы существования провинции Сирии стало ясно, что Рим будет стараться в той или иной форме подчинить себе Набатею. Завоеватель Сирии, Гней Помпей, замышлял поход против набатеев, однако его внимание отвлекла борьба в Иудее между Гирканом и Аристобулом (Fl. Ios., Antt., 14, 46—48). Это намерение осуществил первый римский проконсул Сирии Марк Скавр. Успешным наступлением на Петру он заставил Арету III признать римское верховенство (Fl. Ios., Antt., 14, 80—81). Вернувшись в Рим и заняв должность курульного эдила, Скавр выпустил в 58 г. до н. э. денарии, на которых был изображен рядом со своим верблюдом Арета III, с мольбой простирающий руки к победителю. Преемник Скавра, Авл Габиний, в 55 г. до н. э. также успешно продемонстрировал набатеям силу римского оружия (Fl. Ios., Antt., 14, 103). По-видимому, новый царь, Малику I, пришедший к власти около 56 г. до н. э., отказался признать господство заморских захватчиков; в другой ситуации поход Авла Габиния едва ли был бы нужен.

В период Гражданских войн Малику I, насколько об этом можно судить, не был в состоянии вести последовательную политику; его действия во многом определялись общей ситуацией, складывавшейся в каждый данный момент на Ближнем Востоке. Так, он оказал своей кавалерией помощь Юлию Цезарю во время пребывания последнего в Египте (Caes., B. Alex., I). Победоносное на первых порах парфянское вторжение в конце 40-х годов I в. до н. э. вселило в него некоторые надежды на избавление от римского владычества, и Малику отказывает в убежище стороннику Рима, иудейскому правителю Ироду (Fl. Ios., Antt., 14, 379—380; BJ, I, 267, 274—285), ясно продемонстрировав тем самым свои симпатии и антипатии. Эти его настроения дали основание римскому военачальнику Вентидию, изгнавшему парфян из Сирии, обвинить Малику, может быть и не без оснований, в том, что он оказывал помощь парфянам, и наложить на него контрибуцию (Cass. Dio, 48, 41, 5).

В 34 г. до н. э. Антоний, сосредоточивший к тому времени в своих руках власть на Ближнем Востоке, подчинил значи-

тельную часть Набатеи, вероятнее всего побережье Красного моря, египетской царице Клеопатре (Plut., Ant., 36, 2; Cass. Dio, 49, 32,5; Fl. Ios., Antt., 15, 92; BJ, I, 360—361). Продолжая выполнять административные функции, Малику I должен был выплачивать Клеопатре ежегодную дань в размере 200 талантов. Этот налог по ее поручению взимал иудейский правитель Ирод, что привело в конечном счете к длительным столкновениям между ним и набатейским царем (Fl. Ios., Antt., 15, 96—160).

2 сентября 31 г. до н. э. битва при Акциуме положила конец Гражданским войнам. Антоний был разгромлен, власть над огромной Римской державой перешла к Октавиану, приемному сыну Цезаря, впоследствии принявшему имя Август. Это резкое изменение политической ситуации поставило в трудное положение восточных правителей, до того активно поддерживавших Антония. Среди них был и Малику I, который даже прислал к Антонию для участия в этом решающем сражении свои вспомогательные (по римской терминологии) войска (Plut., Ant., 61, 2). Теперь он всеми средствами помогает новому властителю: набатеи сжигают египетские корабли в Суэцкой гавани (Plut., Ant., 69, 2—3; Cass. Dio, 51, 7, I) и тем самым не дают Клеопатре бежать от победителя.

Гибель Антония и Клеопатры не изменила сколько-нибудь существенно положения Набатеи. Она, правда, избавилась от египетского господства, навязанного Антонием, однако римское верховенство ложилось на страну еще более тяжелым бременем. «Союз» с Римом не только обязывал набатейских царей выплачивать подати и лишал их возможности вести самостоятельную внешнюю политику, он принуждал их вопреки собственным интересам способствовать римлянам в освоении торговых путей на юг Аравийского полуострова. Уже в царствование преемника Малику I, ʿОбодата II, по приказанию Августа на юг Аравии была снаряжена военная экспедиция, во главе которой был поставлен префект Египта Элий Галл. Ее сопровождал отряд набатеев под командованием «брата царя» Силлая, выступавшего в роли проводника. Римско-набатейские войска добрались до Мариба, однако нехватка воды побудила Элия Галла прервать осаду и возвратиться в Египет. Не исключено, что неудача похода, сопряженного с большими трудностями, объясняется в немалой степени скрытым противодействием Силлая, не заинтересованного в его успехе (Strabo, 780—781) [21].

[21] В литературе высказывалась точка зрения, согласно которой Силлай вел римлян в Йемен обычным путем и «не виноват» в неудаче римлян, которые не перенесли трудностей похода, а обвинения в адрес набатейско-

Зимой 9/8 г. до н. э. ʿОбодат II умер, и в Набатее обострилась внутридинастическая борьба. Наши источники обвиняют Силлая в том, что он совершил многочисленные убийства в среде набатейской аристократии (Fl. Ios., Antt., 17, 52—57; BJ, I, 374—377). Разбор этого дела взял на себя сам император, и в конце концов Силлай был обезглавлен (Strabo, 782). Тем временем набатейским царем был признан Арета IV (8 г. до н. э.— 40 г. н. э.). Ему удалось несколько расширить свои владения в Заиорданье; по-видимому, в период его царствования под властью набатейских государей снова находился Дамаск (Деян., 9, 23—25; II Коринф., 11, 32).

Как показывают надписи (CIS, II, 199, 201, 354) и легенды на монетах его времени [80, 811], Арета IV принял титул rḥm ʿmh «тот, кто возлюбил свой народ», «друг народа». Не исключено, что принятие такого титула должно было свидетельствовать о существенном изменении в политическом строе Набатейского царства: теперь царь устанавливает между собой и своими подданными отношения «дружбы» (титул Ареты IV точно соответствует эллинистическому φιλόδημος «друг народа», «любящий народ»). Напомним в этой связи, что в эллинистической Сирии «друзья царя» были царскими придворными, хотя и очень высокого ранга, но тем не менее фактически зависимыми от него [39, 40—42]. Устанавливая между собой и всеми набатеями отношения «дружбы», т. е. по эллинистическо-сирийским представлениям, клиентелы [22], царь ставил набатеев в непосредственную зависимость от себя, минуя демократические органы власти. Возможно, что перед нами — свидетельство о попытке царя укрепить свое единодержавие.

В царствование Малику II (40—70 гг. н. э.) Набатея потеряла свои владения на севере Заиорданья. По-видимому, в этот же период, в середине I в. н. э., набатейские города Негева подверглись нападениям кочевников (самудцев и сафатенцев; их присутствие в этом районе засвидетельствовано многочисленными надписями) и были разрушены [130, 10—14], что ликвидировало набатейское господство в этом районе и полностью дезорганизовало торговлю через Газу. Однако во время Иудейской войны (66—73 гг.) Малику II в качестве со-

---

го проводника, содержащиеся в источнике, должны были оправдать постыдный провал Элия Галла в глазах императора и общественного мнения [138, 118—120]. С нашей точки зрения, источники не дают оснований для подобной концепции, во всяком случае, действия Силлая, как их изображает античная традиция, легко объяснимы интересами Набатейского царства (ср. также [30, 175—178]).

[22] Показательно употребление термина rḥm для обозначения патрона в пальмирских надписях. См. [28].

юзника предоставил римлянам вспомогательные войска (Fl. Ios., BJ, 3, 68).

Последним царем Набатеи был Раббэль II (71—106 гг.)· О его политической деятельности в общем ничего не известно· По-видимому, он перенес свою резиденцию в Босру [59, 67] (RES, 83). Для этого поступка могли быть две причины. Во-первых, царь хотел избавиться от опеки набатейских демократических органов власти, функционировавших в Петре, и таким способом утвердить свое самовластие. Во-вторых, он мог рассчитывать еще прочнее закрепить свою власть на торговых путях, ведших через Заиорданье в Сирию. Показательно стремление именно Раббэля II перечислением в надписях (RES, 1434) и деловых документах (архив Бабаты, 2) всех членов царской семьи подчеркнуть династический характер своей власти. Впрочем, это явление наблюдается и в царствование Ареты IV (CIS, II, 354). Интересна и титулатура Раббэля II: «тот, кто оживил и спас (вариант перевода: „освободил“) свой народ» (RES, 83, 1434; архив Бабаты, 2; dy ʼḥyy wšyzb ʻmh). Близость этого титула к эллинистическому σωτῆρ — «спаситель» очевидна. Как полагает А. Негев, эта титулатура связана с тем, что Раббэлю II удалось восстановить набатейское господство в Южной Палестине и заново отстроить здесь ранее погибшие города [130, 14; 129, 54—55; 126, 17].

По-видимому, Раббэль II выступал во всех отношениях как прямой продолжатель политики Ареты IV. Титулы того и другого обнаруживают стремление к созданию сильного государства, организованного по эллинистическому образцу.

Однако долголетнее правление этого государя закончилось тем, что формальная самостоятельность Набатейского царства была ликвидирована. В 106 г. н. э. на его территории император Траян создал римскую провинцию Аравию. Судя по тому что сафатенские надписи говорят о войне между Римом и Набатеей [62, 94], а также по указаниям Диона Кассия (68, 14, 5) и Аммиана Марцеллина (14, 18, 3), можно предположить, что римлянам было оказано сопротивление.

Причины, заставившие Траяна аннексировать Набатейское царство, очевидны. Римляне рассчитывали взять целиком в свои руки торговлю с Южной Аравией. Создание новой провинции позволяло им собственными силами и гораздо более эффективно, чем прежде, обеспечить безопасность своих сирийско-палестинских границ, что было особенно важно в условиях возможного конфликта с Парфией и волнений среди иудейского населения Ближнего Востока. Могло показаться опасным и стремление Раббэля II усилить свою власть.

ГЛАВА III

ОБРАЗ ЖИЗНИ

I

Насколько об этом можно судить по рассказу Диодора (XIX, 94, 2 и сл.), в конце IV в. до н. э., когда с ними впервые столкнулись греки, набатеи вели кочевой образ жизни. «Они живут,— пишет Диодор,— под открытым небом, отечеством называя страну, не пригодную для жизни, не имеющую ни рек, ни богатых источников, из которых вражеское войско могло бы снабжаться водой. У них есть закон (νόμος) — зерно не сеять, не сажать растения, не пользоваться посаженными плодоносными деревьями, дом не строить. Если найдется кто-нибудь, делающий вопреки этому, наказание ему — смерть. Живя в пустыне, некоторые из них выращивают верблюдов, а другие — мелкий скот». Источник Диодора объясняет подобный образ жизни вольнолюбием набатеев.

Эти сведения Диодора обычно не подвергаются сомнению [31, 31—39]. Однако в 1908 г. Г. Дальман, полагая, что невозможно представить себе народ, в IV в. до н. э. кочевой, а уже через сто лет оседлый, пришел к выводу, согласно которому Диодор, рассказывая о набатеях, использовал, фантастически переосмыслив, ходячие представления об арабах, живущих в шатрах [55, 44—45]. Между тем исторический опыт показывает возможность (в связи с изменениями условий хозяйственной деятельности и политической ситуации) быстрого перехода от кочевого образа жизни к оседлому и обратно [17, 39—42]; подобные явления, несомненно, могли иметь место уже в древности. В 1969 г. гипотеза Дальмана была повторена без сколько-нибудь существенных отклонений: описание Диодора недостоверно, поскольку оно построено в соответствии с каноном, применявшимся античными авторами ко всем кочевым обществам [9]. Слов нет, в описании Диодора чувствуется известная идеализация кочевой жизни. Но сам литературный шаблон не мог возникнуть иначе, как из наблюдений за жизнью кочевников, и потому должен был отражать объективную реальность. Кроме того, у писателя должны были быть причины, заставившие его обратиться именно к данному литературному штампу. Наконец, как уже отмечалось выше, источником Диодора в данном отрывке послужили записки современников изображаемых событий. Картина, которую рисует Диодор, могла

возникнуть только в том случае, если греко-македонские воины столкнулись с чисто скотоводческим обществом. В пользу достоверности Диодора свидетельствует и еще одно поразительное обстоятельство: образ жизни набатеев конца IV в., как его изображает историк, напоминает быт современных «настоящих бедуинов» Северной Аравии, которые, как, например, племена аназа, еще в 1921 г. не занимались земледелием, ведя исключительно верблюдоводческое хозяйство [17, 33].

По-видимому, и в более поздний период кочевое скотоводство играло в жизни набатейского общества очень важную роль. Кочевыми были, насколько об этом можно судить, оставившие набатейские надгробные надписи племена Синайского полуострова. Кочевой образ жизни вели, судя по распространению культа бога Шай' ал-Каума (см. подробнее ниже, стр. 97—99), и некоторые набатейские по своей культуре общества Хаурана. Можно, вероятно, говорить о сосуществовании двух типов хозяйства — оседлого и кочевого, однако мы не располагаем статистическим материалом для того, чтобы установить их соотношение.

II

В III—II вв. до н. э. значительная часть набатеев, по-видимому, переходит к земледелию. В Южной Палестине (Негев) обнаружены многочисленные (по словам Н. Глюка, несколько сот) набатейские земледельческие поселения [73, 211—215]. Лёссовые почвы здесь достаточно плодородны; при умелом орошении они, как показывают сравнительно поздние, правда, документы из Неццаны, обеспечивали урожай сам-семь и сам-восемь; высевались пшеница и ячмень. Эти результаты в общем подтверждены и археологическими экспериментами, проводившимися под руководством проф. Н. Тадмора [123, 50—55].

Повсюду, где имелась возможность создать пригодный для обработки клочок земли, набатеи его создавали, привнося высококачественный гумус, обрабатывали и засевали. Они восприняли и усовершенствовали издавна развитую в Южной Палестине технику террасного земледелия [73, 211—215; 12—14; 72, 23]. Значительный интерес для характеристики набатейского земледельческого хозяйства представляют данные, полученные И. Кедаром при обследовании сельскохозяйственных округ, прилегавших к городам Шивта (Субейта) и 'Ободат.

Культивированные земли в окру́ге Шивта [98, 178—183] находились в долинах следующих вади: Шейзаф (66,2 *га*), Корхан (118,19 *га*), Зейтан (51,17 *га*), Дрорим (Умм-Тейран)

(44,4 *га*), Лаван (64, 55 *га*) и вдоль южного притока Лавана (около 150 *га*). Всего, по подсчетам Кедара, земельный фонд Шивты составлял 494,5 *га*. Эти поля разделяются на две группы. Одни из них находились непосредственно в руслах вади; они размещались последовательно друг за другом (однако уровень каждого последующего участка был выше предыдущего); от потока воды их отделяли дамбы; имелись и водосливы. На границах участков возводились каменные стены. Другие поля располагались вдоль берегов вади. Они находились (так было, в частности, в долине Лаван) на двух уровнях. «Верхние» участки получали воду от стока, который доставлял дождевую воду с вершин холмов; «нижние» поля орошались непосредственно от вади при помощи системы каналов (в долине Лаван — три канала), каждый из которых подводился к определенной группе полей. Длина каналов достигала иногда полутора километров, ширина — до трех метров, максимальная глубина — два с половиной метра. Имелись каналы шириной 12 *м*. Стены, которыми закреплялись террасы, достигали четырех метров, а иногда и четырех с половиной. Воздвигая их, земледельцы получали возможность укладывать на полях огромное количество аллювиальной почвы; на одно поле размером 11 *га* было доставлено и уложено около 0,5 млн. *куб. м* гумуса.

Окру́га ʿОбодата [101, 203—229] имела 677,2 *га* пригодной для обработки земли. Из них в долине Цин находилось 167,33 *га*, в долине ʿОбодата — 449,22 *га*, в долине Давшон — 47,65 *га* и на плато — 13 *га*. Как и в районе Шивты, обрабатываемые участки помещались здесь на берегах вади, а также в их руслах. Устройство полей и система их орошения также принципиально не отличались от того, что наблюдалось в округе Шивты.

Важной отраслью набатейского сельского хозяйства было садоводство. Оно отмечено, в частности, в долине Вади-Араба: в пунктах ат-Тела и Каср-Фейфе были, по выражению Н. Глюка, «города-сады» [73, 201]. Древнее описание Петры (Strabo, 779) говорит о садоводстве (κηπεία) в этом на первый взгляд чисто торговом городе, расположенном в горах. Наконец, документы из архива Бабаты свидетельствуют о разведении плантаций финиковых пальм.

Выше мы уже упоминали о некоторых способах орошения полей и садов, которые применяли набатеи: подведение воды из вади, сбор дождевой воды в специальных резервуарах на вершинах холмов и доставка ее на поля через стоки. Везде, где было возможно, они рыли колодцы, добывая грунтовую воду [195, 141—154]. Как-то связаны с орошением и загадочные телейлат ал-ʿанаб — небольшие кучи камней, располага-

ющиеся рядами на некотором расстоянии одна от другой; они обнаружены на значительной части территории Южной Палестины. Вероятнее всего, их складывали древние земледельцы, периодически очищая землю от камней; расположенные в определенном порядке нагромождения камней способствовали лучшему стоку дождевой воды на участки земли; кроме того, дождевая вода смывала верхний слой гумуса, который при помощи телейлат ал-ʿанаб направлялся в русло вади, там собирался и использовался при устройстве террас [71, 12—14, 73, 216—217] [1].

В течение всего времени, пока существовало Набатейское царство и, несомненно, позже, в рамках провинции Аравии, на территории Набатеи господствовала частная собственность на землю, которая служила объектом разного рода сделок. Среди документов из архива Бабаты, относящихся ко времени Раббэля II, привлекает внимание в связи с этим документ № 2, в котором определены права, приобретаемые покупателем: продавать, отдавать в залог, передавать по наследству и вообще делать со своим имуществом все, что пожелает. Иными словами, представление о собственности, существовавшее в набатейском обществе, практически соответствовало тому, которое было выработано римским правом.

Как показывают исследования И. Кедара, размеры участков, которыми владели древние жители данной территории, были, как правило, относительно велики. Данные по окрýге Шивты (по долине Шейзаф они не представлены) он обобщил в следующем виде [98, 184—188]:

---

[1] К точке зрения, близкой к позиции Н. Глюка (телейлат ал-ʿанаб как система, предназначенная для орошения), пришел и Н. Тадмор со своими сотрудниками, однако их публикация [100, 31—43] нам недоступна.

Д. Шарон подчеркнул другую сторону дела. Расчистку земли от камней набатеи должны были проводить регулярно, так как ее каменный покров как бы «самовозрождался»: очистка почвы вызывала в конце концов эрозию и вследствие разнообразных внешних воздействий камни снова появлялись на почве и покрывали ее. После уборки камней начинался новый цикл [155, 194—202]. Совершенно другую точку зрения по вопросу о назначении телейлат ал-ʿанаб высказал Ф. Майерсон. По его мнению, они возникли в результате того, что земледельцы вырывали ямы и траншеи, в которых высаживали виноград и оливковые древья, телейлат ал-ʿанаб могли использоваться в качестве подпор для винограда [116, 19—31; 117, 27—37].

По существу Ф. Майерсон возродил концепцию И. Х. Пальмера — первооткрывателя телейлат ал-ʿанаб [132, 367]. Против теории Ф. Майерсона выступил И. Кедар [99, 47—49], по мнению которого географические условия Негева (засоренность почвы камнями, высокое содержание солей, нехватка воды) не позволяют здесь заниматься виноградарством. Изложение материалов дискуссии см. также [195, 141—154].

Долины вади	Участки площадью (га)						Число участков
	до 0,5	0,5—1	1—1,5	1,5—3	3—10	от 10	
Корхан	8	1	3	3	6	—	21
Зейтан	9	5	5	5	1	—	25
Дрорим	1	3	4	5	1	—	14
Лаван	1	1	6	1	1	5	15
Южные притоки Лавана	1	1	—	2	4	—	8
Итого	20	11	18	16	13	5	83

Приведенный И. Кедаром материал позволяет составить аналогичную, хотя и не полную сводку сведений (по долине Давшон они не представлены) по окру́ге ʿОбодат [101, 203—229]:

Долины вади	Участки площадью (га)						Число участков
	до 0,5	0,5—1	1—1,5	1,5—3	3—10	от 10	
Цин	1	2	2	4	9	8	27
ʿОбодат	1	1	2	7	5	7	23
Итого	2	3	4	11	14	15	50[1]

Бросается в глаза сравнительная немногочисленность хозяйств в Шивте и в ʿОбодате (даже с учетом того, что в первом случае сведений по долине Шейзаф, а во втором — Давшон нет). Если принять, что каждое хозяйство соответствует одному участку (а это не вполне точно), можно заключить, что как в Шивте, так и в ʿОбодате имелось около ста хозяйств, и тогда население этих городов должно было составлять от пятисот до тысячи человек. Однако в действительности положение, очевидно, было иным, поскольку, как показывает изучение хронологически близкого сирийского материала, возникновение крупного землевладения в странах Переднеазиатского Средиземноморья в I—III вв. н. э. происходило путем концентрации в одних руках нескольких участков. Во всяком случае, эти данные показывают, что земледелие не могло поглотить все население Набатеи, а поэтому, учитывая наличие ремесла, можно тем не менее считать, что значительная часть набатеев и во II в. до н. э. — II в. н. э. продолжала заниматься кочевым скотоводством.

Обращают на себя внимание также следующие данные (более обобщенные по сравнению с предыдущими):

Долины вади	Участки площадью (га)		
	до 1,5	1,5—10	от 10
Шивта	51	29	5
ʿОбодат	9	25	15

[1] Размеры одного участка в долине ʿОбодат И. Кедар не указал.

2 Заказ № 1865

Иначе говоря, в Шивте относительно бедные хозяйства составляли приблизительно 61,4% всех учтенных хозяйств, тогда как относительно богатые — только около 6%. По округе ʿОбодата с теми же оговорками это соотношение следующее: около 18,4% и около 30,6%. Полученные данные позволяют (хотя и весьма приближенно) представить себе уровень социальной дифференциации в этих двух набатейских городах и соответственно во всем набатейском обществе.

Не менее интересны и данные о размерах отдельных участков. По данным все того же И. Кедара [98, 187], в округе Шивты наибольший участок превосходил наименьший в 300 раз. Примерно такое же соотношение наблюдается и в округе ʿОбодата [101, 203—229]. Среди участков наименьших размеров здесь встречаются поля площадью 0,75 *га*, 0,6 *га*, 0,4 и даже 0,35 *га*. В то же время наибольшие участки достигали 40,3 *га*, 50 *га*, 51,5 и 75,8 *га*. Наибольший участок превосходит наименьший почти в 217 раз.

Исследование набатейских надгробных надписей [24, 16—24] показало, что в Набатее были известны различные типы имущественных сделок, объектом которых наряду с прочим могла быть и земля: купля-продажа, заклад, аренда и предоставление во временное пользование, дарение.

Само собой разумеется, возможность покупать, продавать или иным способом отчуждать и приобретать землю создавала благоприятные условия для ее концентрации в руках немногих представителей зажиточной верхушки. Этот процесс наглядно иллюстрируют документы из архива Бабаты. Хотя архив и относился к иудейской семье, однако к семье, жившей на территории Набатейского царства, а позже провинции Аравии в набатейском окружении; целый ряд документов составлен на арамейско-набатейском языке; среди действующих лиц здесь имеются и набатеи. Поэтому мы остановимся несколько подробнее на истории жизни Бабаты [190, 235—248; 192, 149—167].

Эта женщина происходила из поселения Махозы. Ее отец, Шимеʿон, подарил своей жене Мириам, матери Бабаты, все имущество, в том числе и то, которое он рассчитывал приобрести в будущем. Документ № 6 гласит: «По своему желанию я, Шимеʿон сын Менахема, живущий в Махозе, [отдал] тебе, Мириам, жена моя, дочь Иосифа сына Менашше, все, что есть у меня в Махозе»; перечислив свое имущество, он добавляет: «со всем тем, что я куплю и что будет моим с этих пор, я отдал тебе в качестве дара на будущее». При этом он оговорил, во-первых, для себя право владеть и пользоваться подаренным
 имуществом, а также жить в своих владениях до смерти; во-

вторых, что Мириам останется его женой, как и прежде; в третьих, что их дочь, Бабата, овдовев, получит право на один из подаренных домов и что ее имущественные права вообще останутся неприкосновенными. В документе подробно перечисляются все земельные владения Шиме'она сына Менахема, указываются границы и характерные особенности каждого земельного участка (как видим, и в Набатее имела место концентрация в одних руках нескольких участков), который ему принадлежал. Публикация этого акта позволит с достаточной ясностью представить себе хозяйство крупного (по местным масштабам) землевладельца на рубеже I—II вв. н. э. Вероятнее всего, эта операция должна была обеспечить имущественные права Мириам и оградить их от каких-то претензий со стороны родственников мужа.

Первым мужем Бабаты был Иошуа сын Иосифа. Судя по тому, что ее сын от этого брака носит имя отца (Иошуа сын Иошуа), она потеряла супруга еще до рождения ребенка. Как показывает один из документов на греческом языке (выписка из актов совета Петры), сироте были назначены два опекуна — набатей 'Абд'ободат сын Иллуты и иудей Иоанн сын Иосифа сына Эглы. Один из них, по-видимому последний, уклонялся от выплаты ежемесячного пособия на содержание ребенка, в связи с чем Бабата сначала обратилась в суд, а затем, неудовлетворенная его решением, предложила опекунам своего сына следующую сделку (док. № 12 на греч яз.): они передают ей деньги сына, находящиеся у них, под заклад ее имущества, а она обязуется выплачивать опекунам процент в размере 1 денария за каждые 100 денариев (практически речь идет, конечно, о займе, который Бабата делает у собственного сына) [139, 260; 140, 46—49]. Х. И. Полоцкий упоминает [139, 260] о декларации Бабаты римским властям в Раббатмоаве (ἐν Ραββαθμωβοῖς), датированной 2 декабря 127 г. н. э., в связи с цензом, который в этот момент проводился. Однако отсутствие публикации лишает нас возможности определить, из чего складывалось достояние этой женщины после смерти ее первого мужа. Судя по некоторым другим изложениям [6, 123—124], основным владением ее были четыре плантации финиковых пальм, а также, по-видимому, пахотные земли. Их она сдавала в аренду, получая фиксированную плату.

Овдовев, Бабата вторично вышла замуж за жителя Эн-Гедди Иуду сына Эле'азара, который переехал в Махозу, но сразу же после заключения брака умер. Бабата осталась владелицей сравнительно большого состояния, но одновременно оказалась вовлеченной в длительное и запутанное судебное разбирательство, потому что претензии на наследство предъявили и родст-

венники умершего. Положение осложнялось тем, что до женитьбы на Бабате Иуда сын Эле῾азара был женат на Мириам дочери Бе῾айана из Эн-Гедди, от которой имел дочь по имени Шелемцийон. Последняя, будучи также замужем за Иудой сыном Ханании сыном Саилы, наследовала после смерти отца часть его имущества. Документы, касающиеся этих обстоятельств и разнообразных имущественных споров, и составляют архив Бабаты. В качестве ее процессуальных противников выступают первая жена Иуды сына Эле῾азара, Мириам дочь Бе῾айана (обе женщины обвиняют друг друга в незаконных действиях по отношению к имуществу Иуды), и сироты Иисуса сына Эле῾азара — племянники Иуды. Их опекун, Бэса сын Иисуса, обвиняет Бабату в насильственном присвоении плантации финиковых пальм, принадлежащей, как сказано в соответствующем документе, этим детям (...*κήπου φοινικῶνος ἀνήκοντα* (sic!) *τοῖς αὐτοῖς ὀρφανοῖς ὃν βία⟨ι⟩ διακρατῖς*) [139, 261]. Набатейские документы этой группы [190, 238—241] относятся к тем имуществам, которые позже перешли в руки Бабаты и уже поэтому представляют исключительный интерес. Они показывают,— впрочем, это ясно и из назначения набатея одним из опекунов сына Бабаты,— что иудеи и набатеи были тесно связаны между собой личными и имущественными отношениями. Не менее важно и их содержание.

Документ № 1 (набатейский по языку и письму) был составлен «восьмого элула, в двадцать третий год Раббэля-царя, царя набатеев, который оживил и спас свой народ», т. е. в 94 г. н. э. Он выдан некоей женщине по имени Аматиси дочери Камну сына ῾Амру῾амми ее супругом Мукайму сыном ῾Авватуллахи сына Халифуллахи и поручителем ῾Абд῾амру; речь идет о суммах, подаренных невесте накануне свадьбы (donatio ante nuptias), а также о закладе имущества.

Другой документ, № 2, совершен «третьего кислева, в двадцать восьмой год Раббэля-царя, царя набатеев, который оживил и спас свой народ», т. е. в 99 г. н. э. Он был выдан Ибна῾уном Архелаю сыну ῾Абд῾амру и содержит акт о продаже плантации финиковых пальм, которая впоследствии была приобретена Шиме῾оном сыном Менахема, отцом Бабаты. Границы плантации определены следующим образом: «с юга плантация господина нашего Раббэля-царя, царя набатеев, который оживил и спас свой народ, а с севера — болото». В документе подробно перечисляются все имущества, находящиеся на плантации и приобретаемые покупателем (к сожалению, эта часть документа не излагается в сообщении И. Йадина), указывается цена плантации (132 села῾ серебра), отмечаются собственнические права покупателя, а также даются гарантии покупателю

на случай вчинения виндикационного иска. При обнаружении недобросовестности продавца последний обязан выплатить возмещение убытков покупателю и штраф в пользу набатейского царя.

Документ № 3 датирован вторым днем месяца тебет двадцать восьмого года царствования Раббэля II, т. е. также 99 г. н. э. Здесь речь идет о том, что плантацию финиковых пальм, о которой говорилось в документе № 2, покупает отец Бабаты Шимеʿон. В этом папирусе указаны границы проданного участка: «на западе — дома Хабибы дочери... ллахи и дома Техи дочери ʿАбдухаретата»; продавец гарантирует покупателю отсутствие каких-либо претензий со стороны третьих лиц.

Другие набатейские документы, о которых упоминает И. Йадин, также имеют своим предметом деловые операции с разнообразными имуществами.

Как уже говорилось, к этому архиву, по-видимому, относится и документ, опубликованный Ж. Старки [162, 161—181]. Издатель считал возможным восстановить его датировочную формулу во фрагменте А следующим образом: «[В... элу]ла, год двадцат[ый Манику (т. е. Малику.— *И. Ш.*)-царя, царя набатеев]». При этом имеется в виду, насколько об этом можно судить, палеографическая близость данного памятника к надписям из Хегры времени Малику II, а также упоминание Малику во фрагменте С, которым документ, по-видимому, завершается. Однако палеографические сопоставления папируса и надписей едва ли могут иметь решающее значение. Что же касается упоминания царя Малику, то его контекст следующий: речь явно идет о другой сделке, заключенной «[в день дв]адцатый тебета, [го]д четвертый Манику-царя, царя набатеев». Ничто, следовательно, не мешает отнести документ, который опубликовал Ж. Старки, к другому времени. К тому же, по словам И. Йадина [190, 228—229], в «Пещере писем» были найдены «внутренняя часть» этого документа, а также фрагмент «наружной части», позволяющие дополнить издание Ж. Старки. До сих пор, насколько нам известно, эти материалы не опубликованы, так что полностью документ пока не издан. Тем не менее сведения, сообщенные И. Йадином, позволяют с большей долей вероятия датировать папирус Ж. Старки царствованием Раббэля II, и, следовательно, 91 г. н. э.

Несмотря на то что документ дошел до нас в поврежденном состоянии (Ж. Старки составил его из нескольких фрагментов), ситуация, нашедшая в нем отражение, кажется более или менее ясной. Йамлик сын ʿАбдайа дал в долг братьям Никарху и Банайу, сыновьям Небомы, на четвертом году царствования Малику II, т. е. в 43 г. н. э., 400 серебряных денариев. Как

полагает Н. Рабинович, исследовавший некоторые клаузулы документа и сопоставивший их с нормами талмудического права [142, 11—14], после того как был совершен арест имущества должников и составлен соответствующий документ (šṭr ʻdwʼ), а также после публичного объявления (ktb krwzʼ), иначе говоря, после того как были выполнены все необходимые формальности, Йамлик приобрел в счет погашения долга сад, т. е., вероятно, плантацию финиковых пальм, принадлежавшую должникам. Их наследник, Элеʻазар сын Никарха (отец второго мужа Бабаты?), выкупает плантацию, выплатив кредитору сумму долга и проценты с момента наложения ареста на имущество. Долг был возвращен частично деньгами, а частично натурой: кредитор получил принадлежавшие должникам дом и две лавки на рыночной площади в Махоз ʻАгалтайин.

Рассмотренные выше археологические материалы и документы позволяют более или менее живо представить себе фигуры набатейских или иудео-набатейских крупных землевладельцев (среди них и царя), их хозяйственную деятельность, деловые операции, постигавшие их экономические катастрофы и т. п. Легко представить себе и фигуру бедняка, который либо имел крошечный клочок земли, либо не имел ее вовсе и арендовал, нанимался в батраки и был озабочен только одним: где разыскать горсть ячменя на сегодня.

III

Само собой разумеется, в набатейских городах существовало и развитое ремесленное производство: иначе жизнь оказалась бы попросту невозможной. Людям нужны были жилища, а после смерти — гробницы, богам — храмы, городам — оборонительные стены, дамбы, дороги, — и широкое распространение получает строительное ремесло, а на базе его возникает и такое своеобразное явление, как набатейская архитектура. Люди хотели увековечить память о себе и своих близких на камне — и появляются специалисты, высекавшие разного рода надписи. Люди нуждаются в обуви и одежде — и, хотя прямых свидетельств этого нет, можно смело утверждать, что в набатейских городах жили и работали профессиональные ткачи, портные, сапожники. Люди не могли обходиться без посуды — и в Набатее развивается оригинальное керамическое производство. Люди стремились лечиться от болезней — и появились профессиональные врачеватели. Уже в IV в. до н. э. набатеи добывали открытым способом битум на побережье Мертвого моря (Diod., II, 48, 7; XIX, 99, 1—3) и продавали его в Египет, где
 он использовался для изготовления мумий [77, 40—48; 12,

465—471]. Как показали раскопки ʻОбодата и Мампсиса, в набатейских городах было распространено изготовление золотых украшений — кругообразных серег из цельного листового золота; круг прикреплялся к проволоке, продевавшейся через мочку уха. Известны и кольцеобразные серьги, в том числе и с изображением богини, вокруг которого помещались полудрагоценные камни, а также серьги, предназначавшиеся для носа [126].

Значительный интерес для характеристики технологии набатейского керамического производства представляют результаты испытаний, проведенных Ф. С. Хэммондом [79, 259—268]. В частности, испытания на нагрев показали, что температура обжига, которую предпочитали набатейские ремесленники, равнялась 725—775° Цельсия, а крашеные изделия обжигались при температуре около 800° Цельсия; при раскраске использовались неорганические красители. Испытания на пористость выявили наименьший уровень абсорбции влаги для внутренней поверхности крашеной керамики — 2,5% и наибольший — 18,5%. Этот же показатель при аналогичных испытаниях изделий из Хирбет-Кумрана составил 3%. Испытания на излом позволили обнаружить прочность в пределах от 4,5 до 11 единиц. Разница объясняется различием в способах подготовки поверхности к обжигу. Толщина стенок изделий — от 1 до 4 *мм* при диаметре до 30 *см*.

Занимались набатеи также добычей и выплавкой железа и меди. В семи километрах от Петры, в пункте ас-Сабра, найден большой центр выплавки меди, а в километре от него — залежи медной руды [68, 74—75].

Хотя мы недостаточно осведомлены о том, кто и как работал в ремесленных мастерских, нам известны имена весьма талантливых набатейских архитекторов. А вот каков был социальный состав набатейских ремесленников, к каким слоям общества принадлежали хозяева предприятий и работники, об этом можно только догадываться. Открытая в ʻОбодате керамическая мастерская с обширной печью для просушивания готовой продукции имела только один гончарный круг [33, 380; 126, 48—51]. Видимо, она была рассчитана на одного мастера, и в этой роли выступал, надо полагать, сам хозяин предприятия. Тем не менее по самому характеру производства ясно, что наряду с работами, не требовавшими сколько-нибудь значительной концентрации рабочей силы, имелись и отрасли, где кооперация была необходима. Можно с большой долей вероятия утверждать, что в ремесле были заняты и свободные наемные рабочие и, возможно, рабы.

Существовала ли профессиональная организация ремеслен-

ников? Параллельный материал, происходящий из других переднеазиатских обществ, позволяет думать, что и в набатейских городах имелись коллегии, объединенные почитанием единого бога-покровителя, с совместными трапезами и общими денежными средствами. Во всяком случае, культовые сообщества, обозначавшиеся характерным термином mrzḥ («совместное пиршество», «совместная трапеза»), в Набатее существовали (RES, 1423). В связи с этим привлекает внимание и надпись из ʿОбодата, опубликованная А. Негевом [127, 1961, № 3, 135—136]: «Это дамба (skrʿ), которую построил Гарму и его товарищи (wḥbrwhy). Год восемнадцатый господина нашего Рабб[эля], который оживил и спас [свой народ]». Гарму и его «товарищи» едва ли составляли коллективную магистратуру: в этом случае, конечно, магистратура была бы названа. Скорее, они — члены какой-то коллегии, работавшие в порядке оказания коллегиальной взаимопомощи. В другой надписи из этой же серии упоминаются «и товарищи его, сыны Сарута ʿАрат» (wḥbrwhy bny srwtʾ ʿrt). Вероятно, здесь корпорация оформлена как братство с предполагаемым общим предком; аналогию этому составляют библейские рехавиты (см. стр. 97—98). О том, что «сыны Сарута» были сакральной корпорацией (mrzḥ) почитателей Душары, у нас есть и другие свидетельства [127, 1963, № 2, 113—117].

Такие коллегии, отдаленно напоминавшие западноевропейские средневековые цехи, позволяли ремесленникам не только обеспечивать благосклонность божества, что само по себе казалось немаловажным, но и защищать свои интересы, устанавливать цены, не допускать конкуренции и т. п. Существовало и еще одно обстоятельство. Ремесло повсеместно в древности (и Набатея едва ли составляла в этом отношении исключение) считалось занятием второго сорта, признаком общественной деградации; в ряде случаев оно даже препятствовало быть магистратом в своем родном городе (приходилось доказывать, что ты не ремесленник). Истоки таких представлений очевидны: они восходят к глубокой, даже для того времени, древности, когда единственным занятием, достойным свободного человека, считалось земледелие. Естественно, ремесленники нуждались в организации, которая позволила бы им защищать свои права от возможных покушений.

IV

Исключительно выгодное географическое положение (на торговых путях, ведших из Южной Аравии в Сирию, Палестину и Египет) позволило Набатее уже в IV в. до н. э., а может

быть, и ранее, принимать активное участие в торговле пряностями и благовониями, которая велась из Южной Аравии, а через нее — из Индии (и, возможно, из Малайи и Индонезии). Мы не располагаем сведениями о том, каковы были прямые связи набатеев на востоке; что касается западного направления, то эпиграфический материал позволяет установить присутствие набатейских купцов в Италии и Египте. Очевидно, набатеи не только пропускали купеческие караваны через свою территорию, взыскивая с купцов огромные пошлины, но и перекупали товар, чтобы самим доставить его западным потребителям сухопутными и морскими путями.

О масштабах набатейской торговли уже в IV в. до н. э. можно судить хотя бы по тому, что войска Антигона Одноглазого во время налета на Петру захватили в этом городе много благовоний (точное количество наш источник не указывает) и около 500 талантов серебра. По свидетельству Диодора (XIX, 95, I), набатеи регулярно устраивали на некотором расстоянии от Петры ярмарки (πανήγυρις), куда имели обыкновение приходить окрестные жители, одни, «чтобы продать свои товары, а другие — чтобы приобрести то, что им было нужно». Очевидно, и внутринабатейская торговля к этому времени приобрела какие-то упорядоченные формы.

В Южную Аравию (район Сана') из Набатеи вел старинный караванный тракт через оазис ал-Ула, Йатриб и Мекку (ср. Plin., NH, 6, 23 и 101; 12, 8 и 34). Использовалась и морская дорога — вдоль аравийского побережья Красного моря с погрузкой на суда в Эйлате, который еще в доэллинистический период был крупным центром транзитной торговли [68, 122]. Обладание Эйлатом [172, 9—25; 22, 225] позволяло набатеям удерживать (или по крайней мере пытаться завоевать и сохранить) свое господство в Красном море. До нас дошли сведения, восходящие к Агафархиду, что набатеи «грабили плывущих из Египта» (Strabo, 777; ср. Diod., III, 43, 4), т. е. практически делали невозможным для египтян эллинистического времени нормальное мореплавание.

Положение несколько изменилось после того, как по приказу египетского царя Птолемея II Филадельфа около 280 г. до н. э. Аристон исследовал побережье Аравийского полуострова (Diod., II, 42,1), а в 278 г. египтяне совершили поход в Аравию, чтобы поставить под свой контроль пути, ведшие на юг Аравийского полуострова. В особенности существенным для египтян было основание на аравийском побережье Красного моря наряду с другими греческими городами Ампелоны и порта Беренике в непосредственной близости от Эйлата (Fl. Ios., Antt., 8,163; Pomp. Mela, 3,70). Получив возможность достав-

лять свои товары непосредственно в Египет, минуя на подступах к этому емкому рынку один из самых нежелательных (набатейских) перевалочных и таможенных пунктов, мореплаватели, шедшие из Южной Аравии и более далеких стран, не преминули ею воспользоваться [ср. 150, 298—315; 34, 77—78]. Поток товаров отклонился от Набатеи, хотя сухопутная торговля еще оставалась в ее руках.

Тяжелые политические поражения Египта во II—I вв. до н. э. позволили набатеям восстановить прежнюю ситуацию: захватить Ампелону и превратить ее в собственную гавань Левке-Коме [22, 225]. Набатеи направили туда весь морской грузопоток — здесь товары перегружались на верблюдов и доставлялись в Петру (Per. mar. Er., 19; Strabo, 780—781). Набатейский царь, по-видимому, держал в этом городе свой гарнизон под командованием сотника и собирал там пошлину в размере одной четверти товара [3].

В особенности выросло значение морского пути вокруг Аравийского полуострова, когда во II в. до н. э. возникло Парфянское царство, включавшее также и Месопотамию. В китайских источниках Великий шелковый путь получал в Передней Азии неожиданное завершение: вместо того чтобы везти свой товар прямо в Сирию через Пальмиру или Эдессу, китайские купцы направлялись на юг, в низовья Тигра и Евфрата, затем, обойдя морем Аравийский полуостров, попадали в Ли-Кан (т. е. Рекем, Петру), а уже оттуда — в Да-Цинь (Сирию) [122, 133—135]. Причины столь странного направления торгового пути неясны. Очень соблазнительно было бы думать, что парфяне стремились захватить посредничество на Великом шелковом пути и не допустить прямых контактов между китайскими торговцами и селевкидской, а позже римской Сирией. Но ведь пальмирские купцы в I—II вв. и, вероятно, раньше вели очень оживленную караванную торговлю с Южной Месопотамией, а Пальмира — неотъемлемая часть эллинистическо-римской Сирии. Они, конечно, могли так или иначе общаться с китайцами, посещавшими этот район.

Петра, где сходились морские (через Левке-Коме) и сухопутные пути из Южной Аравии, предстает перед нами как завершающий пункт Великого шелкового пути, иными словами, как

---

[3] Текст «Перипла Эритрейского моря» в этом месте (§ 19) неясен. Вообще говоря, в сотнике (ἑκατοντάρχης), возглавлявшем местный гарнизон, можно видеть и римского центуриона. Нам, однако, такое заключение кажется маловероятным. Содержание римского гарнизона на территории Набатеи возможно было только после утраты ею политической самостоятельности, между тем «Перипл» имеет в виду безусловно время до 106 г. н. э.

один из важнейших и значительных центров мировой торговли своего времени. Едва ли приходится удивляться тому, что она привлекала внимание любителей наживы и один из путешественников «нашел поселившимися (в этом городе.— *И. Ш.*) многих римлян и многих других чужеземцев» (Strabo, 779).

По-видимому, рано обосновавшись в Хауране и Заиорданье, набатеи стремились закрепиться и на местных торговых путях, связывавших Аравийский полуостров с Сирией. В особенности важно то обстоятельство, что Соада, очевидно, была основана ими (здесь господствовал культ Душары-Диониса, а уже в III в. н. э. город носил название Дионисиада; кроме того, согласно надписи Wadd., 2309, здесь существовало представление о Дионисе как об основателе — κτίστης — Соады). Постепенно в набатейский эмпорий превратилась и Босра, где также был широко распространен культ Душары [59, 21 и 67—68]. Как показали исследования Н. Глюка, набатеи строили на караванных путях караван-сараи и резервуары для воды. Такие «станции» обнаружены, в частности, в ат-Тела, Бир-Мазкур (на восточном берегу Вади-Араба), Хирбет-Тайиба и ʿАйн-Гарандель [68, 50—73].

Из Петры караванные пути вели также в Египет, в направлении на Риноколуру, и через Синайский полуостров в долину Нила. Набатейские надписи из Египта [115] показывают, что соперничество в бассейне Красного моря не мешало набатеям оседать в Египте и торговать там. Основная масса этих текстов — надгробные надписи, палеографически датируемые временем после гибели Набатейского царства. Тем более интересна надпись № 81 [51, VIII, 229—257] из Телль аш-Шукафийа, бесспорно датируемая II—I вв. до н. э. В надписи речь идет о строительстве храма богини ал-Кутба. Здесь упоминается жрец (ʾ[pklʾ]) Цийу с титулом «господин наш» (mrʾn) как лицо, «во здравие» (или «при жизни») которого составляется текст; в датировочной формуле наряду с годом правления царя указан и год нахождения этого жреца в должности. Очевидно, жрец именно в данном своем качестве (другая титулатура отсутствует) играл важную, по-видимому решающую, роль в жизни тех набатеев, к которым принадлежал и составитель надписи. Если сказанное верно, можно присоединиться к основному выводу Э. Литтмана: набатеи в Египте составляли общину, которая имела собственный храм и возглавлялась жрецом [4].

[4] В свете исследований Ф. М. Кросса, о которых сообщает Дж. Страгнелл, а также самого Страгнелла, оказывается несостоятельным предшествующее понимание этого текста как фиксирующего торговую сделку. См. [168, 31—35].

Исключительный интерес в этой связи представляет набатейско-греческая билингва с острова Кос (10 г. н. э.) от имени Аушаллахи сына Руаху сына ʿИлкана [111, 137—141].

Община набатеев со своим храмом и культом имелась и в Италии, в Путеолах. Из этого города до нас дошли две надписи. Одна из них (CIS, II, 157) сообщает об экзотическом, с точки зрения жителя этого города, жертвоприношении: «Вот два верблюда, которых принесли в жертву (qrbw) Хайду и ʿАбдэльгэ, сыновья Ханиу, Душаре, который... [г]од 20 (?) А[реты...]». Наиболее правдоподобным кажется, что надпись датирована 20-м годом царствования Ареты IV, т. е. 12 г. н. э. Текст другой надписи (CIS, II, 158; 48 г. н. э.) также сохранился плохо; он повествует о событиях, для общины значительно более важных: «Это святилище (mḥrmtʾ), [которое об]новили... и ʿАлимедник... и Мартай, который прозывается Забдат... Цайду сын ʿАбата на свои средства при жизни Ареты, царя на[батеев, и Ху]лду, жены его, царицы набатеев, и сыновей его в месяц аб, год четырнадцатый [его царствования]... после того, как было разрушено святилище прежнее, которое соорудил Бенхубалу сын Бам... [в год] 8-й Малику, царя набатеев, принесли в святилище это»... В надписи упоминаются цари Арета IV (14-й год его царствования — 6 г. н. э.) и Малику II (8-й год его царствования — 48 г. н. э.). Как можно видеть, набатейская община в Путеолах испытала серьезные потрясения: в первой половине I в. н. э. ее храм был уничтожен и сама она, по-видимому, подверглась каким-то репрессиям. Однако постепенно ей удалось оправиться от перенесенного. Жили набатеи и в Риме (CIS, II, 159).

Создавая в пунктах, где они обосновывались, свои религиозные организации, набатеи не были оригинальны. Подобные общины создавали и финикияне — на Делосе, в Афинах, в Испании, в тех же Путеолах, и пальмирцы — в Дура-Европос и в некоторых пунктах Южной Месопотамии. Они давали возможность объединяться на чужбине, совместно защищать общие интересы, представительствовать перед местными властями, помогать соотечественникам и т. д.

Приведенный выше материал свидетельствует об исключительном размахе набатейской торговли [5], в частности о том, что набатеи сами вели торговые операции в странах Средиземноморья, в том числе в Египте и Италии, поддерживали контакты с финикийскими портами (ср. CIS, II, 160) и, конечно же, с палестинскими и сирийскими обществами.

---

[5] О караванных путях набатеев см. также [61, 24—31].

Римляне, уничтожив в 106 г. н. э. Набатейское царство, рассчитывали взять торговлю с Южной Аравией целиком в свои руки. Разумеется, прежде всего для военных целей (охрана пограничных районов от нападений кочевников), но также и для торговых нужд по приказанию Траяна была построена дорога из Заиорданья в Левке-Коме, в обход Петры. Мы, правда, не знаем, стала ли после 106 г. н. э. более интенсивной торговля через Южную Палестину и Заиорданье с Южной Аравией, однако ясно одно: избавиться от посредничества южноаравийских, а может быть, и северо-арабских купцов римляне не смогли, да, видимо, и не пытались. Для них гораздо важнее было захватить доходы от перевозки и транзита товаров. Поэтому переход власти от набатейского царя к римскому наместнику означал только замену одних сборщиков пошлин другими, и не более того.

V

Наши представления об образе жизни набатеев не будут полными, если мы не скажем, как и в каких домах жили набатеи, каков был внешний облик набатейского города. До известной степени судить об этом мы можем на основании материалов из Хаурана, Заиорданья и Негева, из «провинциальных» центров, таких, как Хегра, Умм адж-Джамаль, ʻОбодат и Мампсис, а также из Петры — столицы Набатейского царства.

Опубликованные в начале текущего столетия материалы из Хаурана датируются уже временем римского господства; к тому же неясно, принадлежат ли они местным или набатейским мастерам. Можно поэтому только предполагать, что жилая архитектура Хаурана отражает (в той или иной форме) приемы, распространенные и в набатейской среде или к ним восходящие.

Как отмечает С. А. Кауфман [10, 174—193], наиболее простым и типичным для Хаурана был дом, основную часть которого составляло почти квадратное помещение с поперечной аркой. Оно поднималось обычно на высоту двух этажей; по двум или трем сторонам этого главного зала в два этажа размещались жилые комнаты. Судя по зданию из Субхие [47, II, 111], по этой же схеме строились и помещения для скота. В центральный зал шириной 7,05 *м* с аркой, пролет которой составляет 6,2 *м*, открывались в нижнем этаже длинные узкие стойла (размер некоторых 2,20 × 0,65 *м*); в небольшом квадратном помещении на северо-западном углу находилась, по-видимому, лестница на второй этаж, где размещались либо жилые помещения, либо сеновалы и кладовые (Х. С. Батлер считает это наиболее правдоподобным).

Известны и двухсекционные дома, образцом которых С. А. Кауфман считает одноэтажное жилище из Луббена (на плоскогорье ал-Леджа) [47, VII, 422]. Главным помещением и здесь является большой зал, перекрытый по поперечным аркам базальтовыми плитами. На первом этаже левой секции в зал открывались шесть стойл; в правой секции четыре стойла были расположены отдельно от главного помещения. Спальни размещались на верхних полуэтажах; доступ к ним был возможен по внутренним открытым лестницам, ступени которых вделаны в стену [ср. 10, 177]. Аналогичный дом открыт и в Саме (Южный Хауран) [47, II, 86—87]. Очевидно, в таких домах жили если не члены одной семьи, то, во всяком случае, родственники.

Особый интерес представляет архитектурный комплекс в Маджале — группа зданий, имеющих общие наружные стены и общие выходы за пределы комплекса. Здания с четырех сторон окружены улицами. В северной части блока расположены три изолированные секции, обращенные фасадом к югу. В стенах, которые их разделяют, двери отсутствуют. Перед этими помещениями находился общий двор с небольшими одно- и двухэтажными постройками, а также вместительные, по-видимому, общие для всех жильцов хлев и пекарня. Три секции на юге комплекса также выходили в небольшой двор, которым завершалось с юга все сооружение. Комплекс состоял, следовательно, из шести жилых помещений, каждое из которых имело с фасада два этажа. Нижний этаж северных секций представлял собой вместительный низкий зал с тремя арками; за ними находились стойла для скота. На втором этаже архитектор устроил обычный для набатеев высокий арочный зал и длинные помещения в два полуэтажа над стойлами, очевидно спальни. Доступ со двора наверх создавали наружные консольные лестницы; из зал верхнего этажа к антресолям также вели открытые консольные лестницы. Южные секции отличаются от северных наличием большого арочного зала только в одном этаже и, кроме того, третьим этажом, поднимающимся над арочным залом [47, II, 122—123; стр. 10, 177].

Для Умм адж-Джамаля типичен был дом, зарегистрированный Х. С. Батлером под номером XIX, находящийся в восточном углу небольшого двора (южная и западная стороны последнего были заняты другими домами, ныне разрушенными); планы верхнего и нижнего этажей этого дома полностью совпадали. Основу квартиры (думается, что мы вправе употребить здесь этот современный термин), занимавшей целый этаж, составлял высокий арочный зал, к которому примыкали шесть комнат, расположенных по три в два ряда. Доступ в верхние

комнаты обеспечивали внутренние консольные лестницы, а также лестница вдоль наружной стены.

Близок к этому и план дома III, расположенного на северной стороне большого двора в юго-западном квартале города. Первоначально его основу составляли два высоких арочных зала, помещенных один над другим, и примыкавшие к ним небольшие комнаты в три «этажа» с одной стороны и в четыре «этажа» — с другой. Пол на первом «этаже» четырехэтажного комплекса ниже уровня главного помещения. Этим достигалась необходимая высота комнат верхних этажей. Нижняя комната «трехэтажного» комплекса имела дверь наружу, а также выход в нижний арочный зал. В ней была ниша с отверстием в стене,— вероятно, очаг; эта комната, надо полагать, являлась кухней. Имелись в Умм адж-Джамале и блоки домов, состоявшие из двухэтажных секций (если принимать в расчет только арочные залы). Таков, например, комплекс XVIII с консольными лестницами, расположенными симметрично к оси фасада. На площадке около дома находился большой общественный резервуар и полукруглая цистерна. Всего в Умм адж-Джамале насчитывалось, по данным Х. С. Батлера, 150 таких комплексов, в каждом из которых проживали, по его мнению, 8—10 семей; как он полагает, население Умм адж-Джамаля могло насчитывать 10—15 тыс. человек [47, III, 194—205].

В жилых комплексах Бусана секции с большим арочным залом повторяются как по горизонтали, так и по вертикали. Как справедливо отмечает С. А. Кауфман, сочетание одинаковых, почти стандартных секций позволило максимально унифицировать элементы строительной техники [10, 177—179].

Среди жилищ, распространенных в Хауране, особое место занимают дома с оборонительными башнями высотой от 15 до 22 *м* [10, 180]. По сообщению Х. С. Батлера, среди развалин Сабхи обнаружены не менее семи башен высотой в два-три этажа. Башня, которой Батлер уделяет основное внимание, была трехэтажной и примыкала к полностью разрушенному зданию. Она сложена из великолепно отесанных блоков; этажи отделены один от другого немного выдвинутыми вперед рядами кладки. На нижнем этаже имелась наружная дверь, а на третьем — отверстие, ведшее к крыше соседнего дома. Внутренние лестницы в помещения второго и третьего этажей отсутствовали [47, II, 115]; очевидно, попасть туда можно было только по приставной лестнице.

Две такие же башни, соединенные с жилыми помещениями, открыты и в Бураке [47, II, 127]. Из них особый интерес предста-

вляет одна, увенчанная расположенными по углам зубцами в виде ступенчатых полупирамид. Она позволяет с необходимой точностью установить связь подобных элементов композиции на скальных гробницах Петры и Хегры (см. ниже, стр. 107—121) со стилем набатейской и — шире — переднеазиатской архитектуры. Четыре башни Х. С. Батлер наблюдал в Самме [47, II, 135]; имелись дома с башнями в ас-Сафие [47, II, 126].

Пример усадьбы, принадлежавшей местному богачу,— вилла в Джамаррине [47, V, 300—304]. На северной ее стороне находился высокий жилой корпус, а по бокам двора (или по трем его сторонам) размещались служебные помещения. Комплекс был окружен высокой стеной, которая образовывала прямоугольник размерами 80 × 60 *м*. Оба этажа средней части северного корпуса занимали два сравнительно больших (шириной 9,3 *м*) арочных зала с двускатным покрытием во втором этаже. В боковых частях главного корпуса размещались в три этажа жилые комнаты, а между боковыми и средней частью стояли трехэтажные башни. Как и повсеместно, во внутренние помещения здесь вели наружные консольные лестницы, окна находились над дверьми, а над окнами — теневые каменные навесы. В средней части корпуса были устроены два круглых окна; теневые навесы здесь уже чисто декоративные. Вход в верхний, центральный зал открывался через два парадных зала второго этажа башен. В нижнем этаже главного корпуса архитектор предусмотрел помещения для скота.

Итак, жилой дом в Хауране, восходящий к набатейской традиции, представлял собой своеобразное здание, в котором под одной крышей размещались и собственно жилые помещения, и помещения для скота, и, по-видимому, кладовые. Такое расположение облегчало оборону в случае нападения бедуинов. Специалисты отмечают высокое качество отделки, характерное для Хаурана.

Другая группа жилых зданий была обнаружена в Негеве при раскопаках Мампсиса (Курнуба) [131, 17—22; 126, 29—31]. От раннего периода застройки (первая половина I в. н. э.) остались здесь лишь немногочисленные следы. Основной материал относится к началу II в. н. э. Здания Мампсиса представляли собой вытянутые сооружения площадью от 700 до 2000 *кв. м*. У каждого дома был один выход; наружу были обращены мощные стены без окон. Внутри каждого дома — один или несколько дворов. В самом большом жилом доме находился огромный зал с арками при входе, откуда на западной стороне можно было попасть в комнаты, а на южной — во двор, вокруг которого располагались другие помещения. Через небольшой
 переход из большего двора шли в меньший (первоначальное

ядро дома), вокруг которого с трех сторон размещались комнаты. Здесь по западной и южной стенам поднимались лестницы на верхние этажи. Во двор выходили и балконы. В юго-восточной части дома находился обширный хлев. Другие дома, в том числе и «дворец» местного правителя, были построены по этой же схеме. Подобного рода комплексы, безусловно, могли быть рассчитаны только на совместное проживание группы родственников, что само по себе достаточно показательно для характеристики общественного строя набатеев. Материалы Мампсиса обнаруживают самостоятельную линию развития набатейской жилищной архитектуры; здесь имеются детали, отсутствующие в Хауране.

Как выглядел набатейский город? На этот вопрос трудно дать однозначный ответ уже по той причине, что известные в настоящее время материалы весьма неполны.

А. Жоссен и Р. Савиньяк, оставившие наиболее подробное и до сих пор не устаревшее описание Хегры, высказали ряд более или менее обоснованных предположений по поводу ее облика [96, 301—306]. Они считали, что каменные дома в Хегре вообще были редкостью. С этим, однако, трудно согласиться. Авторы сами говорят, что на руинах древнего города добывался камень для постройки поздней крепости Медаин-Салех. К тому же на лихьянских граффити из Хегры, которые воспроизводят А. Жоссен и Р. Савиньяк, изображены трехэтажные дома с окнами на всех этажах и купольные башни [96, 121]. Едва ли такие здания можно было возвести из необожженного кирпича. Сам по себе город состоял, по мнению французских ученых, из многочисленных скоплений домов, беспорядочно разбросанных по равнине. Насколько это мнение правдоподобно, трудно сказать; пока, во всяком случае, следы правильной планировки города не обнаружены. Хегру окружали многочисленные плантации финиковых пальм, орошавшиеся водой из колодцев, разбросанных по равнине. Оборону города от нападений бедуинов обеспечивала крепость, находившаяся на крайнем юге. На вершине одного из холмов обнаружены остатки стены толщиной в 1 *м*; она была сложена из хорошо обработанных камней размерами 0,25 × 0,45 *м*.

Столица Набатейского царства Петра [44, I, 124—136; 55, 1—25] была расположена в долине Вади-Муса, в центре более или менее плоской, орошаемой несколькими горными потоками террасы, которая на востоке примыкает к горной стране Джебель аш-Шара, на западе постепенно опускается к Вади-Араба; на севере ее ограничивает Вади-Немела, на юге — Вади-Сабра. Здесь повсеместно в одиночку и группами разбросаны скалы красного песчаника; из них две особенно высокие гряды

замыкают террасу с востока и запада. Река Вади-Муса, вытекающая из источника ʿАйн-Муса неподалеку от современной деревни Эльджи, пересекает долину и ряды скал и делит ее на две части — северную и южную. С востока доступ к Петре открывает глубокий и узкий проход Сик, через который Вади-Муса и втекает в долину. Путь к городу с юга от Вади-Араба также вел через узкое ущелье.

Несмотря на сравнительную труднодоступность Петры (по существу более или менее открыта только северная сторона — с высокогорного плато здесь возможен спуск к террасе, на которой расположен город), набатеи, естественно, принимали меры для ее защиты. Центром оборонительных сооружений был акрополь на скалах ал-Хабис у выхода Вади-Муса из котловины Петры, недалеко от стратегически важного источника Сийар. От этой крепости вокруг долины была возведена мощная оборонительная стена ко «дворцу-мавзолею» и к плато Зибб Атуф, где находилась важнейшая святыня набатеев. Неподалеку от Сика через русло Вади-Муса была построена еще одна стена, на вершине ал-Хубта — наблюдательная башня, а на Зибб Атуф — укрепление с оборонительной башней и три изолированно стоящие башни [55, 33—36].

Наиболее древние до сих пор известные следы набатеев в Петре — остатки домов с небольшими прямоугольными комнатами, со стенами из камней и глины и глиняными полами, открытые вдоль Вади-Муса, расположенные непосредственно на материке. Керамика, найденная здесь, позволяет датировать эти жилища II и даже III вв. до н. э. [164, 943—944; 36, 233—243]. Мы не имеем, однако, данных о расположении улиц и, следовательно, о плане города в этот период.

В I в. до н. э.— I в. н. э. город приобретает эллинистическо-ближневосточные черты. Основные сооружения и здания размещаются вдоль Вади-Муса, течение которого определяло и направление улиц. Даже после аннексии Набатеи в 106 г., когда Петра стала принимать облик типичной римской колонии, cardo maximus был проведен [6] параллельно руслу реки ко входу в театрон (открытый двор) «Замка фараона» — одного из важнейших эллинистических храмов Петры.

Минуя Сик, путник, решившийся посетить набатейскую столицу, оказывался перед Хазне — грандиозным погребальным сооружением, создававшим у зрителя наглядное представление о величии и мощи набатейских царей. Идя далее по левому берегу Вади-Муса, он оставлял слева «высоту» Зибб Атуф и при-

---

[6] Д. Киркбрайд датирует cardo maximus Петры царствованием Траяна. См. [103, 117—122].

ходил сначала к большому на левом, а затем к малому на правом берегу театрам и после этого, продолжая свой путь далее, видел на правом берегу Нимфей, царский дворец и гимнасий (наличие гимнасия — важный признак распространения эллинской образованности), а на левом — агору, периптер, и «Замок фараона». Здесь, очевидно, был центр города.

Раскопки ʿОбодата [128, 118—148], хотя и позволили открыть на городской свалке материалы, относящиеся к весьма древнему для Набатеи периоду (монета и керамика вплоть до IV в. до н. э.), пока не дают возможности восстановить план этого города. Более того, остатки домов, найденные здесь, на севере территории набатейского поселения, принадлежат, как подчеркивает А. Негев, архитекторам позднеримского и византийского времени, которые находили на развалинах собственно набатейских жилищ необходимый для них строительный материал. Все же А. Негев считает, что в ʿОбодате было всего 50—70 домов. Раскопки акрополя ʿОбодата — открытие некоторых архитектурных деталей и набатейских надписей — показали, что на его территории в набатейское время находились храм и другие общественные здания. Интересно тем не менее, что в посвятительных надписях времени Ареты IV упоминается посвящение театрона (tyʾṭrwn); очевидно, расположение набатейского храма в ʿОбодате было аналогичным расположению храма в Си ʿ(Хауране), Хирбет-Таннуре и в самой Петре (см. стр. 121—123). На акрополь вели два входа — юго-западный (к храму?) и северо-восточный. К первому из них вела небольшая камера, через которую посетители попадали в башню с винтообразными лестницами, оттуда в более просторную камеру и из нее в помещения храма (?). Второй вход — крытые ворота — вел непосредственно на территорию акрополя.

Наконец, планы Мампсиса (насколько можно судить по схеме, приложенной к статье А. Негева [131, 17—22]) и поселения Умм адж-Джамаль (согласно чертежу в публикации Х. С. Батлера [47, III]) сводятся к тому, что здесь дома и комплексы домов образуют узкие кривые улочки, расположенные без какой-либо определенной системы. Очевидно, наряду с распространением эллинистических принципов градостроительства в Набатее наблюдалось и стремление строить без учета достижений эллинской градостроительной мысли. Видимо, эта сфера набатейской культуры (архитектура и градостроительство) в наименьшей, насколько об этом можно судить, степени была подвержена собственно эллинским влияниям; здесь прочнее, чем в других доступных для изучения сферах, сохранялись местные традиции.

ГЛАВА IV

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА

I

Уже древние наблюдатели (Strabo, 783) отмечали как характерную черту набатейского общества сравнительную малочисленность рабов (ὀλιγόδουλοι δ'ὄντες). Тем не менее понятие о рабстве набатеи имели (об этом говорят хотя бы многочисленные теофорные имена с компонентами ʿbd и ṭym — «раб»), рабы у них были, хотя, вероятно, и в небольшом количестве, и до нас дошли надписи, в которых рабы упоминаются. Положение рабов у набатеев, видимо, в своих наиболее существенных чертах не отличалось от того, которое наблюдалось у их соседей. Рабы находились в полной собственности господина, утрачивая какие-либо права на свою личность. Не случайно отчество раба обычно не упоминается, но подчеркивается: «такой-то раб такого-то». Однако и у набатеев рабы могли скопить некоторое (пусть даже небольшое) состояние на погребение или, может быть, для выкупа. Надгробные надписи рабов очень кратки. Вот одна из них (JS, 53; Хегра): «Мир! Тайму, раб (ʿlym)) Халифу»[1]. Другая надпись, также происходящая из Хегры (JS, 85, соответствует RES, 1116): «Да будет помянут Шаʿадуллахи, раб (ʿlym) Заабу, и Шайкат, мать его (? — ʾmḥnw?). Мир!»

Обращают на себя внимание термины, которыми в набатейских надписях обозначаются рабы. Слова ʿbd и ṭym употребляются только в составе собственных имен, тогда как рабское состояние в собственном смысле слова передается термином ʿlym [2], который точно соответствует классическому арабскому ġūlām^{un} — «юноша», «слуга», «раб».

В набатейских надписях упоминаются и вольноотпущенники. Наиболее значительный текст этого рода — CIS, II, 161 (Адмедера недалеко от Дамаска; 25 г. н. э.), где речь идет о сакральном сооружении ([m]sgdʾ), которое воздвиг «[Ха]ниу,

---

[1] Нами принято чтение А. Жоссена и Р. Савиньяка. CIS, II, 276 дает иное чтение: «Мир! Тайму. Мир! Халифу». По словам указанных исследователей, их чтение более точно соответствует копии, которую изготовил Юбер.

 [2] Сводку материала см. [48, II, 131].

вольноотпущенник (br ḥry) Гадлу дочери Баграта» и т. д. В другой надписи читаем только: «Габхат, вольноотпущенник (br ḥry)»; имя манумиссора отсутствует. Еще несколько текстов: CIS, II, 990 (Синайский полуостров): «Да будет помянут Му ʿайну, вольноотпущенник (br ḥry) Ханталу, добром» (ср. CIS, II, 1705); CIS, II, 1296 (Синайский полуостров): «Мир! Фарпду сын Ваилу сына Шаʿадат, который прозывается вольноотпущенником (br ḥry) Кальбу».

Как видим, в надписях отсутствует (за одним исключением) отчество вольноотпущенника, зато упоминается манумиссор. Вероятно, у набатеев, как и у их соседей, существовало правило, по которому вольноотпущенник был обязан оставаться при господине и выполнять его поручения; сооружение, которое воздвиг Ханиу в честь своей хозяйки и ее высокопоставленных сыновей, предстает как проявление обязательной со стороны вольноотпущенника почтительности. Интересна и ситуация, отраженная в надписи CIS, II, 1296: здесь человек, упоминающий своего отца и даже деда, «прозывается» вольноотпущенником. Значит ли это, что в тексте нашла отражение зависимость одной семьи от другой? Такое предположение нельзя считать исключенным.

Наши источники почти не позволяют судить об имущественном положении набатеев. Страбон (783) пишет, что «мудры набатеи и богаты (κτητικοί), так что и по государственным установлениям (δημοσίᾳ) уменьшающему имущество (τῷ μὲν μειώσαντι τὴν οὐσίαν) полагается наказание, а увеличивающему (τῷ δ'αὐξήσαντι) — почести». Нетрудно, конечно, увидеть у Страбона элементы идеализации, однако его слова в какой-то степени отражают реальную действительность — бросавшееся в глаза благосостояние верхних слоев набатейского общества и общественный и государственный контроль над тем, как каждый обращается с собственным имуществом.

Можно заранее предположить, что в набатейском обществе имела место отчетливо выраженная социальная дифференциация среди свободных, предпосылкой которой было развитие частной собственности на землю (и, следовательно, возможность ее отчуждения и концентрации в руках немногочисленных представителей верхних слоев общества) и другие средства производства, а также интенсивное развитие торговли. И действительно: приведенный выше материал, характеризующий землевладение и землепользование в набатейском обществе, позволяет, как уже говорилось, представить себе, хотя и приблизительно, соотношение между различными имущественными группами и ту пропасть, которая отделяла бедняка от богача. В документах из архива Бабаты действуют владельцы плантаций

финиковых пальм и других имуществ; они продают и покупают земли и дома в своем поселении и его окрестностях, стараются сосредоточить в своих руках недвижимость, беспощадно разоряя своих контрагентов, вступая в конфликты с родственниками, заботясь только о своем благосостоянии. Не менее примечательна и погребальная практика. Наряду с огромными и роскошными фамильными склепами, высеченными в скалах, склепами, возведение которых требовало больших затрат, мы сталкиваемся со значительно более многочисленными скромными надгробными надписями, очевидно сопровождавшими непритязательные захоронения выходцев из бедноты и средних слоев общества.

Как характерную черту набатейского общества, Страбон (783) отмечает сохранение здесь родовой и в меньшей степени соседской взаимопомощи, а также использование личного труда: «имея мало рабов (ὀλιγόδουλοι δ'ὄντες), они (набатеи.— *И. Ш.*) обслуживаются родственниками (ὑπὸ τῶν συγγενῶν) более, чем чужими (ὑπ' ἀλλήλων), или обслуживают себя сами (αὐτοδιάκονοι), так что даже до царей простирается этот обычай». Употребленный Страбоном глагол (διακονέω) показывает, что речь идет об оказании разного рода личных услуг, однако отсюда открывается путь к эксплуатации труда свободного человека в хозяйстве его могущественного сородича или соседа и установлению прямой зависимости первого от вторых.

В связи с этим значительный интерес представляет один из терминов, употребленных в погребальной надписи JS, 12 (соответствующей CIS, II, 205), происходящей из Хегры и датируемой 43-м годом царствования Ареты IV, т. е. 35 г. н. э. Интересующий нас отрывок гласит: «Это мавзолей (kpr'), который построили Васух дочь Баграта, и Кайну, и Нашкуйа, ее дочери из Таймы (tymnt'), каждая для себя, и для ʿАмират, и ʿАцранат, и Эльʿанат, сестер их, дочерей Вас[у]х этой, и для их геров (grhm) всех, чтобы были погребены Васух и дочери ее, ⟨упомянутые⟩ выше, и геры их (grhm) все в мавзолее этом. И установлено (qym), что Вас[у]х и дочери ее эти, и геры их (grhm) все, мужчины и женщины, что они не продадут» и т. д. Для характеристики правового положения геров существенно, что они могут быть погребены в том же мавзолее, что и женщины, при которых они находятся; предполагается также, что они располагают такими же правами на этот мавзолей или его часть, что и Васух и ее дочери: во всяком случае, на тех и на других распространяются одинаковые запреты.

Кто же такие геры? Этимология слова дает лишь приблизительный ответ на этот вопрос. В еврейском языке глагол g̅ār имеет значения «проживать», «селиться», а термин gēr обозначал

неполноправного поселенца, который находился под защитой и покровительством отдельных граждан и всего гражданского коллектива; обычно такие поселенцы, стоявшие вне родо-племенной организации, были эксплуатируемыми [25, 75]. В то же время арабское ǧārun, несомненно близкое к интересующему нас термину, переводится «сосед»; соответственно это слово может применяться к людям, находящимся на положении клиентов [13, 106]. Исходя из этого, можно было бы согласиться с А. Жоссеном и Р. Савиньяком, которые и набатейских геров считали клиентами [ср. 24, 16—24]. Во всяком случае, геры, бесспорно, не были членами данной семьи: в противном случае была бы упомянута степень родства или же был бы использован обычный для Передней Азии термин «сыны дома». Тем не менее разрешение быть погребенными в семейной гробнице, которое им дано, позволяет признать наиболее вероятным, что они являлись сородичами своих хозяев, и поставить употребление термина gr в прямую связь с процитированными выше словами Страбона.

В целом наиболее характерными признаками набатейского общества можно считать заметную имущественную дифференциацию в среде свободных и сохранение форм эксплуатации, восходящих к архаическому доклассовому периоду его истории (родовая и соседская взаимопомощь).

II

Об административно-политической организации набатейского общества имеется недостаточно данных, однако то, что мы знаем, позволяет говорить, во-первых, об исключительной живучести древних родо-племенных традиций и, во-вторых, о постепенном развитии государственности в строгом смысле этого слова, что выражалось, в частности, в усвоении эллинистических форм, титулатуры и т. п.

Как уже отмечалось, судя по формулам, которыми тот или иной предмет объявлялся заклятым (CIS, II, 197, 199, 206), Набатейское царство сложилось на основе союза собственно набатеев и саламиев (ср. St. Byz., s. v. Σαλάμιοι); у них существовали общие религиозные обычаи, свидетельствующие о давности и прочности взаимных связей.

Главою Набатейского государства был царь. Как можно было видеть по предшествующему изложению, царская власть у набатеев имелась еще в доэллинистический период. По сведениям Стефана Византийского (s. v. Μωθῶ), борьбой набатеев против греко-македонского нашествия руководил «Рабиль (т. е. Раббэль), царь арабов». Однако в рассказе Диодора (а это наш важнейший источник) действуют только арабы или на-

батеи, как некий коллектив. При большой осведомленности, которую обнаруживает источник Диодора, трудно допустить, чтобы отсутствие у него сведений о царях набатеев объяснялось случайными обстоятельствами. Показательны и его слова о вольнолюбии набатеев. Все эти факты позволяют предполагать, что еще в IV в. до н. э. царь не играл (если и был) сколько-нибудь заметной роли в жизни набатейского общества. Окончательное решение этой проблемы возможно только в будущем, при обнаружении дополнительных источников, однако, если данное предположение справедливо, появление в Набатее в III в. до н. э. сильной династической власти следовало бы рассматривать как результат политического переворота. Показательно, что во II Маккав. (5, 8) набатейский правитель Арета назван тираном (τύραννος) вместо ожидаемого «царь»), βασιλεύς), что, как полагал еще Э. Шюрер [158, 730—731], свидетельствует о необычности его власти и функций; к этому можно добавить, что подобная власть, как правило, приобреталась если не насилием, то, во всяком случае, в обход законной процедуры [3].

Диодор (XIX, 97, 6) говорит и о посольстве набатеев, которое состояло из старейшин (τοὺς πρεσβυτάτους), т. е., очевидно, членов совета.

В надписях царь обычно обозначается западносемитским термином mlk, что совпадает с арабским malik^{un}. Страбон (783) сохранил интереснейшее свидетельство о поведении набатейских царей: «Царь в большом доме постоянно устраивает многочисленные пиршества (ἐν οἴκῳ μεγάλῳ πολλὰ συμπόσια), но никто не пьет больше одиннадцати кубков, каждый раз из другой золотой чаши. Царь настолько демократичен, что сам обслуживает себя и, кроме того, предоставляет свои услуги для обслуживания других. Часто на народном собрании (ἐν τῷ δήμῳ) он приносит отчет, а бывает, что и проверяется ⟨его⟩ жизнь (τὰ περὶ τὸν βίον)». Таким образом, Страбон отмечает три бросающиеся в глаза и наиболее характерные черты: царь систематически устраивает пиршества; царь участвует в работе на себя и на других, царь отчитывается перед народом не только в своей политической деятельности, но и в своем образе жизни. Каждый из этих моментов представляет исключительный интерес.

Параллельные историко-этнографические материалы [11, 120—153; 3, 37—49] показывают, что пиршества, устраивавшиеся правителем, имели в условиях становления классового общества исключительное значение, далеко выходящее за рам-

---

[3] М. Хвостов [23, 254] полагал, что до II в. до н. э. во главе набатеев стояли шейхи — племенные вожди, а царской власти у них не было.

ки обычного гостеприимства: их можно рассматривать как своеобразные совещания царя (князя и т. п.) с его дружинниками, восходящие к пиршествам — совещаниям мужских союзов — периода, когда государства в собственном смысле слова еще не существовало. На таких пиршествах обсуждались и решались важнейшие политические проблемы, происходил суд, чествовались храбрые воины, принимались послы. По-видимому, подобный характер носили и пиршества, которые устраивал набатейский царь. При этом обращают на себя внимание два обстоятельства. Местом трапезы служит «большой дом», а не царский дворец (в противном случае Страбон и его информатор воспользовались бы соответствующей терминологией), — по-видимому, дом, в котором происходили совещания царской дружины, а может быть, собирался мужской союз, возглавлявшийся набатейским правителем. Во всяком случае, устройство пиршества за пределами царского дворца говорит о том, что царь исполняет обычай, не вытекающий непосредственно из его личной власти, но регламентирующий деятельность того древнего политического организма, главою которого был царь. Обращает на себя внимание и регламентация пиршества, — она показывает ритуальный, обрядовый характер этой церемонии.

С этим же связана и «демократичность» царя, выступающего, по словам Страбона, в сфере взаимоотношений и обслуживания как равный среди равных. Очевидно, «самообслуживание» царя и, что еще более характерно, предоставление другим его услуг (хотелось бы отметить, что на Ближнем Востоке подобная деятельность считалась рабской; ср. Мехильта Мишпатим, I) восходили к тому времени, когда царь не пользовался среди свободных соплеменников личными привилегиями.

Наконец, обращает на себя внимание и подотчетность царя народному собранию и в особенности проверка его образа жизни. Думается, что этот странный, с точки зрения образованного грека эпохи принципата, обычай связан с представлениями о царе как о сакральной фигуре, образ жизни которой оказывает магическое воздействие на судьбу и благополучие общества в целом. Естественно, возникала необходимость быть осведомленными о всех деталях поведения царя, а не только о его политической деятельности, дабы в случае необходимости могли быть приняты меры для предотвращения беды.

Характерно, что с этим Страбон связывает и сохранение в набатейском обществе народного собрания.

Таким образом, есть основания полагать, что царская власть в Набатее развилась из власти предводителя боевой дружины (т. е. мужского союза), который олицетворял собой

общество и от образа жизни которого зависело благополучие общества. Ситуации, изображенные Страбоном, представляют собой пережиток того времени, когда царь был первым среди равных, устроителем и, надо думать, председателем пиршеств, на которых его дружинники (члены мужского союза) решали важнейшие вопросы жизни общества.

В I в. до н. э. — I в. н. э. происходят некоторые изменения, свидетельствующие о становлении у набатеев государственности в собственном смысле слова: придание царской власти династического характера; принятие набатейскими царями титулатуры, близкой к эллинистической; обожествление некоторых царей; попытка создания эллинистического аппарата и территориального деления страны; попытка создания новой царской резиденции.

Уже Страбон (779) говорил, что Набатея «управлялась всегда кем-нибудь из царского рода». Многочисленные надписи показывают, что царская власть обычно передавалась в пределах данного рода по наследству; как правило, царь — либо сын, либо брат своего предшественника (ср. CIS, II, 182, 349, 442; RES, 1432, 1434). Однако надписи сохранили и иные сведения, проливающие некоторый свет на взаимоотношения внутри царского рода. Так, надпись времени Ареты IV (CIS, II, 354; 20 г. н. э.) содержит следующую формулу: «При жизни Ареты, царя набатеев, возлюбившего свой народ, и [Шукайлат, се]стры его, царицы набатеев, и Малику, и ʿОбодата, и Раббэля, и Пацэля, и Шаʿудат, и Хагру, детей его, и Ареты сына Хаг[ру, внука его]». Царицы набатаеев, царские сестры Хулду, Шукайлат и Гамалат, упоминаются и на монетах Ареты IV. Для характеристики положения Шукайлат в царской семье Ареты IV существенно важна надпись CIS, II, 351, хотя до нас и дошли только две ее начальные строки: ʿУнайшу, брат Шукайлат, царицы набатеев, сын...» Если бы ʿУнайшу принадлежал к царскому роду и на этом основании был братом Шукайлат, ему не нужно было бы отмечать в надписи это обстоятельство, да еще перед отчеством; достаточно было бы сказать: сын такого-то, царя набатеев. Однако текст CIS, II, 351, получает свое объяснение, если Шукайлат была взята в царский дом извне, не принадлежа первоначально к правящей династии, и, следовательно, браком с царем способствовала возвышению своей семьи. Но если так, можно предполагать, что, по крайней мере первоначально, в набатейском царском роде практиковались кровнородственные браки: сестры царя естественно становились его женами. Впоследствии, когда в царском роде стала обычной экзогамия, царские жены приобретали, как это произошло и с Шукайлат, титул сестер.

Аналогичные формулы дошли до нас и от Раббэля II. Документ № 2 из архива Бабаты датирован не только годами правления этого царя, но и временем жизни «ʿОбодата, сына Раббэля-царя, царя набатеев, который оживил и спас свой народ, и Гамалат, и Хагру, его сестер, цариц набатеев, дочерей Манику(т. е. Малику. — *И. Ш.*)-царя, царя набатеев, сына Ареты, царя набатеев, возлюбившего свой народ». Надпись RES, 1434 воздвигнута «при жизни Раббэля-царя, который оживил и спас свой народ, и при жизни Гамалат и Хагру, его сестер, цариц набатеев, дочерей Малику-царя, царя набатеев, сына Ареты, царя набатеев, возлюбившего свой народ, и при жизни Кашму сына Шаʿудат, сестры его, царицы набатеев». Как видим, формула довольно устойчива, хотя имеются и некоторые существенные различия. В док. № 2 упоминается на первом месте царский сын, тогда как в RES, 1434 о нем нет и речи; в RES, 1434 назван царский племянник, отсутствующий в док. № 2. По-видимому, титул цариц приобретали и те сестры царя, которые не были его женами. Очевидно также, что ко времени написания RES, 1434 Кашму сын Шаʿудат располагал какими-то династическими правами, которых он лишился, видимо, в тот момент, когда совершалась сделка, зафиксированная в док. № 2, может быть, в связи с рождением ʿОбодата, сына Раббэля II.

С этими явлениями связано еще одно любопытное обстоятельство. По словам Страбона (779), «царь имеет некоего управителя (ἐπίτροπον) из друзей, именуемого братом». Из текста Страбона следует, что так называемый брат далеко не всегда был его фактическим родственником; тем не менее его рассказ свидетельствует о сохранении представлений более ранних лет, когда подобным управителем мог быть только брат [4]. В источниках довольно подробно освещена деятельность одного из таких «братьев» и управителей царя — Силлая, который известен также по надписям RES, 675 и 1100 из Милета. Он принимал активное участие в экспедиции Элия Галла и, видимо, в организации ее провала (Strabo, 780—781). Он обвинялся в преднамеренном убийстве царя ʿОбодата (Fl. Ios., Antt., 16, 296), а также многих знатных набатеев (там же, 17, 54).

Каково значение всех этих явлений? Г. А. Меликишвили, разбирая аналогичную ситуацию в древней Грузии, когда вторым лицом в Картлийском царстве был царский брат, усматривал здесь свидетельство примитивности государственной организации, когда царская семья, царский род смотрят на

[4] Интересно, что в древнеегипетских надписях с Синайского полуострова неоднократно упоминается «брат князя Ретжену», служивший, кстати, проводником египетской экспедиции.

царство как на коллективное, родовое владение [14, 59, а также 320 и 455, 456]. Набатейский материал позволяет согласиться с этим выводом, сделав, однако, существенное, на наш взгляд, дополнение: перечисления членов царской семьи в надписях и деловых документах, т. е. в официальном формуляре, должны были означать, что эти люди не только принимают участие в управлении государством, но и имеют полное право на власть. Тем самым подчеркивался династический принцип наследования царского венца.

Другой признак того, что набатейские правители стремились изменить свое положение в обществе, добиться полной и в общем неограниченной власти по эллинистическому образцу, — это титулатура, которую принимали некоторые из них. Как уже отмечалось выше, Арета IV присвоил себе титул «тот, кто возлюбил свой народ» (rḥm ʿmh), точно соответствующий греческому φιλόδημος (ср. CIS, II, 199, 201, 354, а также надписи на монетах [180, 811]).

Мы говорили и о том, что принятие подобного титула имело далеко идущие последствия: царь включал себя в ряд эллинистических владык и одновременно ставил (или пытался поставить) народные массы в положение своих клиентов и соответственно подданных в собственном смысле слова. Аналогичный смысл приобретают и действия Раббэля II, носившего титул «тот, кто оживил и спас свой народ» (dy ʾḥyy wšyzb ʿmh; RES, 83, 1434; док. № 2), несомненно близкий к эллинистическому σωτήρ — «спаситель» (титул многих эллинистических царей).

Третий признак — обожествление некоторых царей. Источники позволяют определенно говорить об обожествлении ʿОбодата I (St. Byz., s. v. Ὄβοδα; RES, 1423; CIS, II, 354). Не исключено, хотя прямыми доказательствами мы и не располагаем, что был обожествлен и один из царей, носивших имя Арета. Во всяком случае, в Набатее широко было распространено имя ʿbdḥrtt — «раб Ареты» [5]; Арета, упоминаемый здесь, несомненно, бог.

Выше, говоря о положении «брата» царя, мы видели, что он обычно избирался из среды царских «друзей» (τῶν ἑταίρων; Strabo, 779). Это замечание Страбона позволяет думать, что двор набатейских царей был устроен по эллинистическому образцу: как и при дворе Селевкидов [39], здесь имелись «друзья» и «родственники» царя различных рангов.

В набатейских надписях неоднократно упоминаются стратеги и гиппархи, несомненно выполнявшие административные функции. Правда, о последних надписи не дают определенных

[5] Надписи указаны [48, II, 126].

указаний, поскольку соответствующие термины появляются, как правило, в надгробиях в качестве титулов. Представляет интерес тем не менее надпись CIS, II 196 (Мадаба, 37 г. н. э.): «Погребение (mqbrt') и два памятника (npšt') над ним, которое соорудил 'Абд'ободат-стратег ('srtg') для Айтибела-стратега, отца его, и для Айтибела, начальника лагеря (rb mšryt'), который в Лахиту и 'Абарте [6], сына 'Абд'ободата этого, в месте, где они осуществляли свою власть (bbyt šltwnhm), которую они осуществляли (dy šltw) два раза, тридцать шесть лет, в годы Ареты, царя набатеев, возлюбившего свой народ». Функции стратега и обладание властью обозначены здесь глаголом šlt; из этого должно следовать, что функции стратега были связаны с обязанностями правителя. Наконец, стратегами были отец и сын; представители данного рода были стратегами дважды, в общей сложности тридцать шесть лет. Сын лица, соорудившего погребение и надгробные памятники, стратегом не является. Это обстоятельство, впрочем, может быть объяснено тем, что был еще жив отец.

Сосредоточение функций стратега в руках одного рода засвидетельствовано и некоторыми другими надписями. Неподалеку от Мадабы, в Умм ар-Ресае, в 39 г. н. э. был воздвигнут памятник (npš) 'Абдумалику сыну 'Абишу-стратега, который построил брат умершего, стратег Йа'амару (CIS, II, 195).

Однако в принципе должность стратега не была наследственной. Уже отмечалось, что в CIS, II, 196 особо оговорено: представители данного рода дважды были стратегами. Сама необходимость введения подобной формулы, которая должна была подчеркнуть особое положение именно этого рода, показывает, что последний мог и не иметь дважды в своих руках должности стратега. И действительно, в RES, 1104 (Хегра, около 39 г. н. э.) упоминается Шуллай-стратег сын Айду-гиппарха. В другой надписи из Хегры, датируемой 39 г. н. э. (CIS, II, 214) фигурирует Магайу, сын гиппарха Евфрония. Должность гиппарха, видимо, также не была наследственной. В CIS, II, 207 (Хегра, 28 г. н. э.) некий Арус, сын гиппарха Фарвана, сам не является таковым. Еще в одном тексте из Хегры (CIS, II, 221; 50 г. н. э.) упоминается гиппарх Айду, сын 'Убайду, не носящего этого титула.

---

[6] А. Жоссен и Р. Савиньяк предложили локализовать Лахиту в пункте Хирбет ал-Махаййат неподалеку от Мадабы, где среди холмов найдены остатки крепостных стен, цистерн и других «древних» сооружений. С их точки зрения, взаимозаменяемость в начале слова сог ых l и m не является «слишком ненормальной»; замена t и ṭ, как они считают, составляет трудность. 'Абарта, по их мнению, холм Ма'абарат [96, 1909, 18—20]. Если сказанное верно, Лахиту и 'Абарта охраняли стратегически важную дорогу от Мадабы к Иордану.

Исходя из этого, едва ли можно считать названных стратегов и гиппархов местными шейхами, присваивавшими себе пышную эллинистическую титулатуру. Конечно, на территории, подвластной набатейским царям, жили, по-видимому, кочевые племена, однако сведениями об их взаимоотношениях с царями, сидевшими в Петре, мы не располагаем. Наиболее правдоподобным представляется следующее. Рассмотренные выше надписи свидетельствуют о попытке набатейских царей создать административно-территориальную систему. Кстати, в документах архива Бабаты упоминается территориально-административная ячейка — Маḥоз ʿАгалтайин. Во главе управления подобными административными единицами должны были стоять назначавшиеся царем чиновники двух рангов, обозначавшиеся терминами, заимствованными из эллинистической практики: стратег и гиппарх. Мы не располагаем набатейским материалом, который позволил бы судить об их соотношении в местной «табели о рангах». Как бы то ни было, переход этих должностей от отца к сыну не представлял собой, по-видимому, наследования в строгом смысле этого слова: речь шла, скорее, о назначении. Оно было, как кажется, следствием компромисса, определявшегося реальным соотношением политических сил на данной территории: царь не мог обойтись без поддержки данных родов, а они нуждались в царской власти для закрепления своего господства.

Наконец, градостроительство обожествленного ʿОбодата и переезд Раббэля II в Босру, несомненно, свидетельствуют о том, что эти цари пытались избавиться от опеки набатейских демократических органов власти, устройства регулярных совещаний-пиршеств и отчетов перед народным собранием.

Особый интерес представляет вопрос о внешнеполитическом статусе набатейских царей в условиях римского верховенства в Переднеазиатском Средиземноморье. Набатеи были союзниками римлян. Еще Юлий Цезарь потребовал, чтобы Малику I выполнил свой союзнический долг — прислал вспомогательные войска, и эти войска были ему доставлены. В древности (и особенно в представлениях Рима о международных связях) союз являл собой своеобразную форму подчинения слабого сильным. Римские союзники были обязаны признавать верховенство Рима, согласовывать с ним свою внешнюю, а подчас и внутреннюю политику, доставлять ему войска. Однако при этом сохранялся формальный суверенитет союзного государства; находясь вне юрисдикции римских провинциальных властей, Набатея могла вести сложную самостоятельную политику.

Римское правительство настойчиво добивалось, чтобы набатейские цари получали свою власть из его рук и тем самым

признавали его верховную власть. Иосиф Флавий (Antt., 16, 294—297) рассказывает, что Арета IV стал царем, не сообщив об этом предварительно Августу и не дождавшись волеизъявления императора. Этот поступок вызвал гнев Августа, и римский властитель даже отказался принять дары нового набатейского царя, обоснованно полагая, что своим поведением Арета IV стремился продемонстрировать независимость Набатеи от Рима. Иосиф Флавий (Fl. Ios., Antt., 16, 353) пишет, что Август был неблагосклонен к Арете, взявшему власть «не через него» (μὴ δι' ἐκείνου), но «самостоятельно» (καθ' αὑτόν), и намеревался передать Набатею под власть иудейского царя Ирода. Только нежелание последнего остановило императора. Надо полагать, провести такое решение в жизнь едва ли было возможно, и в конце концов Август был вынужден утвердить власть за Аретой IV, что явилось не более чем формальным признанием прав набатейского царя. Фактически был достигнут компромисс: верховная власть Рима над Набатеей как будто признавалась, но в то же время она являлась не больше чем простой формальностью.

Самостоятельность набатейских царей по отношению к Риму в немалой степени объясняется их удаленностью от основного ядра римских владений в Сирии и сравнительной труднодоступностью Петры — важнейшего политического центра Набатеи. Немалую роль сыграло и то обстоятельство, что между римскими областями собственно Сирии и Набатеей лежала Иудея, до разгрома восстания 66—73 гг. пользовавшаяся некоторой самостоятельностью. Наконец, существование Набатейского царства до поры до времени избавляло римлян от непосредственного соприкосновения с кочевниками Синая и Аравийского полуострова. Провинция Аравия была организована тогда, когда независимость Набатеи начала, казалось, угрожать римским интересам.

ГЛАВА V

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ НАБАТЕЙСКОГО ПРАВА

Набатея «имеет очень хорошие законы (σφόδρα δ'εὐνομεῖται),— писал Страбон (799). — Афинодор, философ и наш друг, побывавший в Петре, рассказывал, изумляясь: он нашел, дескать, что там живут многочисленные римляне и многочисленные другие чужеземцы; он видел, что чужеземцы часто судятся друг с другом и с туземцами, из туземцев же никто не вчиняет друг против друга судебных исков, но соблюдают по отношению к своим ненарушимый мир». Трудно сказать, насколько в этом описании отразилась характерная для современной Страбону греческой литературы идеализация малоизвестных обществ, которые меньше, чем римляне и греки, подверглись «развращающему» воздействию цивилизации. Противопоставление «добродетельных» варваров-набатеев римлянам и прочим чужеземцам, этим сутягам, не умеющим жить спокойно и дружелюбно, слишком очевидно и внушает серьезные сомнения в том, что картина, нарисованная Страбоном со ссылкой на Афинодора, соответствует объективной реальности. И, разумеется, возникает вопрос: что собой представляли набатейские законы, восхищавшие Афинодора?

До нас не дошли какие-либо сборники набатейских законов или хотя бы свидетельства их существования, и мы вынуждены поэтому оставить открытым вопрос, имела ли место и если да, то в какой форме кодификация набатейского права. Мы можем судить о нем только на основании упоминавшихся выше деловых документов и некоторых клаузул в надгробных надписях; они рисуют картину, значительно более сложную, чем это представлялось Страбону и его информатору.

Право, отраженное в набатейских документах и надгробных надписях, целиком соответствует ситуации, существовавшей в обществе с развитыми частнособственническими отношениями. Документ № 2 из архива Бабаты показывает, что, несмотря на отсутствие (насколько мы в состоянии об этом судить) у набатеев понятия «частная собственность», они имели достаточно ясное и отчетливое представление о правомочиях собственника: покупатель приобретет право «продавать, и закладывать, и передавать, и отдавать, и делать с купленными этими (предметами.—*И. Ш.*) все, что пожелает Архелай (покупатель.—

И. Ш.) этот со дня, когда написан документ этот и навечно». И. Йадин отмечает, что подобная формулировка имеется и в акте о дарении из архива Бабаты. Близкая клаузула — и на это И. Йадин обращает особое внимание читателя — имеется в известном сборнике образцов деловых документов, принадлежащем перу рабби Хай-гаона, а также в других собраниях деловых документов, которые восходят к древним прототипам [190, 241, прим. 17]. К этому следует добавить, что аналогичные формулы имеются в греческих документах из Дура-Европос (DEPP, 26), составленном на сирийском языке акте о продаже рабыни, происходящем из Эдессы (DEPP, 28), а также в еврейском документе из Вади-Мурабба'ат (Мур. 30).

Выше мы уже отмечали, что изучение набатейских надписей позволило выявить у набатеев следующие типы имущественных сделок: продажа, дарение, сдача в наем, предоставление во временное пользование, заклад (rhn и mškn; различие между этими двумя последними видами сделок пока неясно) [24, 16—24].

Предстоящая публикация архива Бабаты даст возможность, очевидно, установить формуляр и структуру набатейских деловых документов, а также ту юридическую традицию, к которой они восходят. Пока же, судя по предварительному сообщению И. Йадина, положение можно представить себе следующим образом. Документ о купле-продаже (№ 2 из архива Бабаты) составлялся, очевидно, как заявление продавца о совершении сделки. И. Йадин пишет: «Этот документ, точно так же, как и № 3,— заявление о продаже, выданное Ибна-'уном Архелаю сыну Менахема» (по следующей схеме: датировочная формула; указание, кто совершает сделку; характеристика объекта сделки, в том числе его границ и имеющихся в этих пределах предметов; указание цены; констатация прав, приобретаемых покупателем; заявление о гарантиях против эвикции и возможности возбуждения виндикационного иска со стороны «любого человека, дальнего или близкого»; указание о штрафах в случае невыполнения контракта).

Основываясь на этой характеристике, которую нельзя пока считать окончательной, можно говорить, как нам кажется, о близости набатейской письменной традиции к той, которая положена в основу документов о купле-продаже земли из Вади-Мурабба'ат (ср., в особенности, Мур. 30, содержащий те же самые пункты, что и док. № 2) [27, 91—106]. Документ из Дура-Европос (DEPP, 26) составлен по несколько иной схеме — как декларация: «купил такой-то у такого-то», без протоколирования заявлений участников сделки, однако с указанием всех основных клаузул.

3 Заказ № 1865

Надпись CIS, II, 204 говорит о дарении: некий Таймуллахи сын Хамлата соорудил мавзолей (kprʾ) для себя и передал его (yhb) своей жене Ама дочери Галхаму, причем эта передача была скреплена дарственной записью (šṭr mwhbtʾ); последняя разрешала Ама дочери Галхаму: «пусть она делает все, что пожелает», т. е. предоставляла ей все правомочия собственника. Вероятно, таким же šṭr mwhbtʾ был и документ № 6 из архива Бабаты — также дарственная мужа жене. Этот документ, относящийся непосредственно к иудейской семье, составлен на арамейском языке и после гибели Набатейского царства; однако, судя по близости документов, в том числе и набатейских, из архива Бабаты к документам из Вади-Мурабба'ат, можно предположить, что и в данном случае имелась общая юридическая традиция.

В целом кажется наиболее правдоподобным, что набатейское право, нашедшее свое отражение в деловых документах, касающихся имущественных отношений,— это, собственно, право всей Передней Азии, восходящее, очевидно, к нормам ахеменидского времени, засвидетельствованным документами из Элефантины [194, 178], а также к правовым нормам, развившимся в среде греческих колонистов и их потомков в период эллинизма, до римского завоевания.

Дошедшие до нас письменные памятники позволяют составить некоторое представление и о семейном праве набатеев.

Обычно в надписях наряду с собственным именем указывается имя отца того или иного упомянутого в ней персонажа. Тексты, в которых патронимы вообще отсутствуют, крайне редки. Исходя из этого, можно полагать, что в набатейском обществе был распространен счет родства по мужской линии. Интересно, что в одном случае (CIS, II, 354) действуют даже не перечисляемые поименно сыновья домовладыки: «Это статуя 'Ободата-бога, которую изготовили сыновья Хунайну сына Хутайшу сына Патмона»; надпись происходит из Петры и датируется 20 г. н. э. Мы вынуждены оставить открытым вопрос, имеем ли мы дело с неразделенной семьей, возглавлявшейся несколькими братьями, или же перед нами складчина. И в том и в другом случае показательны прочность семейных уз и мужское родословие. Весьма часто предки перечисляются до третьего (см., например, CIS, II, 157, 163, 164, 332 и др.) и четвертого поколений (CIS, II, 182, 183, 184, 354 и др.), а в надписи, опубликованной Ж. Т. Миликом (184, 144, № 16) из ал-Джауфа (26/27 г. н. э.), даже до седьмого поколения. Иначе говоря, в набатейском обществе сохранялись родовые традиции, хотя появление надписей, где назван только отец действующего лица (например, CIS, II, 164, 170 и др.), свидетельствует о суще-

ствовании семей, где этим традициям не придавалось должного значения и они постепенно забывались.

Надгробные надписи из Хегры и других пунктов Набатеи позволяют уточнить эту картину. Как и следовало ожидать, в роли организатора постройки обычно выступает мужчина, причем предполагается, что владельцами мавзолея будут его потомки по мужской линии (ср., например, CIS, II, 197, 206; так же и в 184, 144, № 16). Однако засвидетельствованы и такие случаи, когда женщина либо выступает как организатор строительства, либо (обычно это сестра или дочь строителя) получает право на погребение. Так, согласно CIS, II, 198, мавзолей построили Камкам дочь Валат дочери Хураму и Кулайбат, ее дочь, для себя и своих потомков. Судя по тому что в тексте засвидетельствована матрилинейная система родства, можно признать вероятным, что и потомки исчислялись по той же системе. В другом случае речь идет о мавзолее, построенном Хинат дочерью Вахабу для себя, своих детей и потомков (CIS, II, 223). Согласно CIS, II, 224, Хинат дочь ʿАбдʿободата построила мавзолей для себя и своих потомков. Наконец, в CIS, II, 216 речь идет о мавзолее, принадлежащем Шукайнат дочери Марат из Мазны (mznytʾ), ее сыновьям, дочерям и их потомкам. Женщины, имеющие вместе со своими потомками право быть погребенными в данном мавзолее, упоминаются неоднократно. В CIS, II, 213 говорится о том, что некий ʿАбдʿободат построил мавзолей для себя, своей дочери Валат и ее потомков. Мавзолей, принадлежавший Шабайу сыну Мукайму, принадлежал и его дочери Нубайкат, а также их детям и наследникам (CIS, II, 215). Мавзолей, построенный Хаушабу сыном Бафиу сына Алкуфа, происходившим из Таймы (tymnyʾ), принадлежал не только ему и его детям, но и его матери, а также его сестрам и их потомкам (CIS, II, 199).

Все изложенное показывает, что в набатейской среде встречались браки sine manu, т. е. такие, в которых женщина не оказывалась под патриархальной властью мужа; она сохраняла экономическую самостоятельность (в особенности характерна возможность составления дарственной записи от имени мужа в пользу жены и, следовательно, совершения между ними иных имущественных сделок) и принадлежность к тому кровнородственному объединению, к которому они принадлежали по рождению. В этой ситуации возможен был и матрилинейный счет родства.

Среди тех, кто имел или получал право быть погребенным в мавзолее, особое место занимают лица, обозначенные термином ʾṣdq — «законный наследник» (CIS, II, 206), или ʾṣdq bʾṣdq — «законный наследник по праву законного наследника» (CIS,

II, 201, 206, 207, 208, 209, 210, 213, 219). В литературе термин 'ṣdq рассматривается как имя, образованное с префиксом 'a- (может быть, тип * 'aqṭalu) [48, I, 88; II, 139]. То обстоятельство, что эти «законные наследники» упоминаются в одном ряду с потомками строителей мавзолеев, свидетельствует, по нашему мнению, о том, что набатейское право знало передачу по наследству того или иного имущества людям, не бывшим родственниками завещателя по прямой линии. Однако более подробными сведениями на этот счет мы не располагаем.

ГЛАВА VI

НАБАТЕЙСКИЙ ЯЗЫК И ПИСЬМЕННОСТЬ

I

Хотя источники в общем единодушно говорят об арабском происхождении набатеев (ср. Diod., 2, 28, I: «арабы, которых называют набатеями»; Иосиф Флавий систематически чередует этниконы «набатеи» и «арабы»; только Страбон (760) считает набатеев идумеями, вероятно, потому, что набатеи занимали территории, ранее принадлежавшие идумеям) [147, 91; 135, 251], дошедшие до нас набатейские документы составлены на арамейском языке. Последнее обстоятельство могло бы свидетельствовать о забвении в набатейском обществе собственно арабского языка, если бы не имена собственные и некоторые специфически арабские выражения в надписях. Они показывают, что именно арабский язык служил здесь, по крайней мере у части населения, средством устного общения; они дают возможность, далее, выявить некоторые характерные его черты в I—III вв. н. э., т. е. в период, когда он не засвидетельствован каким-либо другим источником.

К сожалению, объем сведений, которые могут быть извлечены из дошедшего до нас материала, крайне ограничен. Он определяется, во-первых, тем фактом, что набатеи пользовались арамейским письмом, не отражавшим, по-видимому, с достаточной точностью фонемный состав арабского языка (здесь нет специальных знаков для обозначения гайна (ġ), а также ряда эмфатических и щелинных звуков, имеющихся в арабском языке классического периода; неясно далее, соответствует ли известное нам арамейское произношение некоторых знаков тому, как их читали набатеи); кроме того, арамейское письмо было плохо приспособлено для передачи гласных звуков, и поэтому модели, по которым строились отдельные типы слов, не всегда поддаются реконструкции. Объем этот определяется, во-вторых, спецификой самого материала: в собственных именах, как правило теофорных, сохранилось до наших дней очень немного слов, связанных с определенной сферой общественной жизни — религиозной — и характеризующих взаимоотношения человека с богом; этим же определяется и набор известных нам грамматических моделей. Наконец, приходится иметь в виду и возможность того, что в текстах могли быть слова и обороты, общие как для арамейского, так и для арабского

языка; не исключено, что в ряде случаев мы читаем по-арамейски то, что следовало бы читать по-арабски. Таким образом, наши представления оказываются далеко не полными, хотя в целом то, что удается извлечь, не лишено интереса для лингвиста, изучающего историю семитских языков [1].

В области фонетики обращает на себя внимание чередование звуков n и l, например, mnkw в набатейских документах и mlkw — Малику, ṣnm (JS, 159) и ṣlm — «статуя».

Безусловно арабским является сохраненный в многочисленных собственных именах артикль ʾl (ʾal): например, в сочетаниях ʾlʾḥršw — «немой» (ср. арабское: ʾaḥrašu), ʾlʾwytyw — «авитиец», ʾlmbqrw (греческая передача: ʾΑλμοβαχκέρου) — жрец, определяющий доброкачественность жертвоприношений (?) (корень bqr — «рассматривать, изучать»), ʾlqynw (варианты: ʾlqyn и ʾlqyny) — «кузнец» и т. д. Артикль встречается с топонимами (например, ʾlḥgrw — Хегра), а также в ряде случаев и со словами, по-видимому общими для арамейского и арабского языков: ʾlqbrw — «мавзолей», ʾlʾtr — «место».

Как известно, в классическом арабском языке произношение артикля имеет свои особенности: звуки ʾa здесь произносятся только в начале фразы; в середине, после слова, оканчивающегося на гласный звук, сочетание ʾa выпадает, а l присоединяется к конечному гласному (например, fi-l-kitābi из fī ʾal-kitābi — «в книге»). По-видимому, подобное явление имелось и в набатейском языке. Об этом свидетельствуют такие написания, как grmlhy наряду с обычным grmʾlhy; grmlbʿly наряду с grmʾlbʾly; ʿbdlhy наряду с ʿbdʾlhy, ʿbdlbʾly наряду с ʿbdʾlbʾly. Однако в случае grmlhy латинская передача (в дательном падеже) Garmallae и греческое Γαρμαλβάλος позволяют предполагать в этом случае отпадение гласного окончания слова, предшествующего артиклю (ожидалось * garmu-l-baʿāli), которое замещается гласным артикля, присоединенным к последнему согласному; одновременно в артикле выпадает и звук ʾ. В подобных сочетаниях, во всяком случае в сопряженном состоянии, огласовка может быть реконструирована: *garm-al-lāhi, garm-al-baʿāli. Очевидно, написания, где отсутствуют ʾ, отражают живое произношение, тогда как написания с ʾ отражают определенную орфографическую норму (или стремление к созданию нормы), которая сохранилась и в классическом арабском правописании.

---

[1] Основной материал для характеристики набатейского языка собран у Ж. Кантино [48]. Наш очерк основывается на этом классическом труде. Говоря об явлениях арабского языка, мы исходим из работы Б. М. Гранде [7].

Наблюдения над артиклем показывают, что арабский язык набатеев был, по-видимому, близок к языку тех арабов, с которыми сталкивался Геродот, сохранивший, как известно, имя арабской богини в форме ᾽Αλιλάτ (т. е. ᾽al - ᾽Ilat — «Богиня»), что позволяет установить и у них форму определенного артикля᾽al. В то же время опубликованные И. Рабиновичем [143, 1—9] надписи кедаритов сохранили другое обозначение этой же богини — hn᾽lt (т. е. han-᾽Ilat); соответственно артикль имел здесь форму han. Таким образом, говорить о языковой близости набатеев и кедаритов не приходится, хотя и неясно, сталкивался ли Геродот непосредственно с набатеями или с другим арабским племенем, язык которого был близок к набатейскому.

Привлекают внимание и окончания набатейских собственных имен. В тех случаях, когда имя состоит из одного слова, оно часто имеет окончание *-w*, что соответствует, судя по всему, -u. Так, ᾽bgrw (᾽abgaru), whbw (wahbu) и т. д. Однако наряду с этим встречаются формы ᾽bgr, whb и т. п. без ожидаемого окончания. Очевидно, в первом случае указывается огласовка и, следовательно, арабское окончание собственного имени, тогда как во втором имена фиксируются без огласовки («неполное написание»). В составных именах, представляющих собой сочетания типа сопряженного состояния, где одно имя определяется через другое, стоящее в родительном падеже (ср. русск. «голубизна неба»), встречается окончание *-y* (соответственно -i). Таковы имена ʿbd᾽lhy —«раб бога», ʿbd᾽lbʿly —«раб Ваала», whb᾽lhy — «дар бога» и т. п. Здесь можно было бы усматривать арабское окончание родительного падежа, однако Ж. Кантино представил серьезные возражения против этой точки зрения, сформулированной еще Т. Нёльдеке [48, II, 166—169].

Ж. Кантино отмечает, что во многих случаях в аналогичной позиции встречаются имена с окончанием *-w* (-u), а окончание -y (-i) обнаруживается в позиции, где имя явно находится в именительном падеже. Отсюда Ж. Кантино сделал вывод о том, что окончания -w (-u) нельзя связывать с именительным падежом,-y (-i)— с родительным и -᾽(-a) с винительным падежом.

Наблюдения Ж. Кантино бесспорны. Приведем только два примера. Имя, которое можно перевести «сын кузнеца», встречается в формах: ᾽bn᾽lqyn (без окончания), ᾽bn᾽ lqynw (с окончанием -w/u) и ᾽bn᾽lqyny (с окончанием -y (i). Еще в одном случае (JS, 17), когда перед нами бесспорно арабская фраза why hlkt py ᾽lhgrw («и она умерла в Хегре»), после предлога py (т. е. fī -«в») вместо ожидаемой формы родительного следует форма именительного падежа.

В то же время, основываясь на примерах, собранных Ш. Клермон-Ганно, Ж. Кантино отметил, что окончание имен -w должно соответствовать гласному -о (ср. Οὐαβω-whbw; Σαβαω-šb'w). Однако уже приводившееся выше написание 'Αλμοβακκέρου показывает, что окончание -w могло произноситься и как -u; очевидно, в данном случае перед нами варианты произношения одной и той же фонемы. Однако основной вывод Ж. Кантино кажется все же несколько поспешным. Приходится иметь в виду, что в текстах имела место явная арамеизация арабских имен; этим объясняется и отсутствие окончаний, и смешение падежных форм, и параллель -u и -о. Во всяком случае, наличие этих окончаний нуждается в объяснении, которого Ж. Кантино не дает. Наиболее вероятно, что они свидетельствуют о существовании в арабско-набатейском языке склонения имен по следующей (для единственного числа) схеме:

Именительный падеж: = u;
Родительный падеж: = о;
Винительный падеж: = а.

Анализ собственных женских имен, встречающихся в набатейских надписях, показывает, что в разговорной речи набатеев сохранялось архаическое окончание женского рода -t: 'l'lt —«богиня»; ṣhylt — Цухайлат, ṣymt — Цаймат и т. д. Однако имеются случаи, когда окончание -t заменяется долгим -ā (на письме оно изображается с помощью знака h); например, наряду с написанием имени собственного 'bṭt (ср. арабское ġibṭat) встречается и 'bṭh (*ġibṭā). Неясно, сказалось ли в этом случае влияние арамейского языка; тем не менее уже на этой стадии языкового развития можно наблюдать процесс, который в классическом арабском языке также привел к превращению окончания женского рода -at в -ā.

Итак, мы можем констатировать, что для арабско-набатейского языка характерны следующие черты. Имя имело два рода — мужской (с нулевым окончанием) и женский (с окончанием -t/*-at и -h/*-ā), очевидно, не менее двух чисел (засвидетельствовано, правда, только единственное), три падежа и три состояния: неопределенное (по написанию его признаки не могут быть установлены; ясно только отсутствие артикля), определенное (с артиклем 'al) и сопряженное.

Из характерных моделей образования имени в арабско-набатейском языке должны быть отмечены *'aqṭalu (ср. 'ṣdq: *'aṣdaq —«законный наследник») — субстантивированная, в данном случае превосходная степень прилагательного, а также *quṭaylu (имена типа zbydw —«подарочек», klybw— «со-

бачка») — имя уменьшительное. Бесспорно, арабско-набатейским является местоимение ʻyr (араб. ġayr)— «другой».

Система глаголов в арабско-набатейском языке известна еще хуже. В надписи JS, 17 сохранилась только форма совершенного вида действительного залога изъявительного наклонения первой (основной) породы в 3-м лице единственного числа женского рода — hlkt —«умерла», что позволяет постулировать для данного случая классическую арабскую модель *qaṭalat. Дошло до нас и причастие страдательного залога первой породы mdkwr —«поминаемый» (модель: maqṭūl). Имя mbqrw (обычно с артиклем ʼlmbqrw), которое в греческой части надписи CIS, II, 1194 передано, как уже говорилось, ʼΑλμοβακκέρου, представляет собой, несомненно, причастие действительного залога второй (интенсивной) породы (модель *muqaṭṭilu). Глагол ʼḥrbw — совершенный вид действительного залога изъявительного наклонения четвертой (каузативной) породы в 3-м лице множественного числа мужского рода от корня ḥrb —«разрушать», «разорять» (модель: *ʼ aqṭalu).

Дошли до нас и некоторые формы восьмой (возвратно-страдательной) породы: несовершенный вид действительного залога единственного числа 3-го лица мужского рода: yztbn (от корня zbn —«продавать», «быть проданным») и yztry (от корня zry —«презирать») (модель: *yuqtatilu), а также причастие действительного залога mqtry (корень qry —«звать») (модель: *muqtatilu).

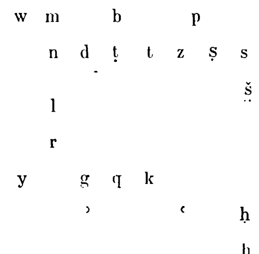
Из частиц можно указать на предлоги py (араб. fī) —«в», ḥsy (араб. ḥāsā) —«кроме», а также на возгласы печали: bly, wly, lʼ.

В целом приведенный выше материал показывает, что арабско-набатейский язык в общем был близок классическому арабскому литературному языку раннего средневековья. Основные характерные элементы последнего, очевидно, сформировались уже ко времени составления набатейских надписей, т. е. к последним векам до нашей и к первым векам нашей эры.

Язык набатейских надписей, как уже говорилось, — арамейский. Его использование объясняется, несомненно, тем, что, по-видимому, уже с середины первой половины I тысячелетия до н. э., со времени ассирийского господства на Ближнем Востоке, арамейский язык стал общим для всего населения этого региона; в державе Ахеменидов арамейский был языком государственной канцелярии и литературы [8, 352—355]. В этих условиях набатеи, если только они не хотели изолировать себя от сложившейся на Ближнем Востоке цивилизации,

не могли не усвоить «имперский» арамейский язык и не сделать его языком своей письменности [147, 92]. Остается, разумеется, открытым вопрос: разговаривали ли набатеи по-арамейски или только писали на этом языке? Во всяком случае, двуязычность, по крайней мере части населения и даже значительной, нельзя считать исключенной, тем более что требовалось понимать писавшиеся по-арамейски деловые документы, надписи и т. п. Использование арамейского языка в набатейской среде сделало доступной всю ближневосточную арамейскую литературу, которая, несомненно, была усвоена набатеями и оказывала на них воздействие. В то же время использование арамейского языка и арамейской письменности отделило набатеев от других арабских этнических групп, писавших по-арабски древнеарабским письмом.

Судить о фонологической системе языка набатейских надписей мы можем только по ее отражению в набатейской графике. Поэтому, если быть точными, можно говорить только о системе согласных графем, которая выглядит следующим образом:



Эта схема приблизительно характеризует и систему согласных фонем, существовавшую в языке набатейских надписей, приблизительно потому, что не всегда можно с достаточной определенностью судить о произношении той или иной графемы, тем более в условиях, когда язык письменности функционирует будучи как бы наложенным на живой разговорный (и в то же время очень близкий) субстрат. Не исключено, что за знаком ṭ скрываются фонемы ṭ и ṯ̣, за *z* соответственно *z* и ḏ, за š — š и ś, за ʿ — ʿ и ġ, за ḥ — ḥ и ḫ.

Система гласных фонем находит свое отражение, во-первых, в передаче набатейских собственных имен средствами чуждой письменности и, во-вторых, в использовании так называемых matres lectionis — согласных знаков, применявшихся для указания, какой гласный звук должен быть произнесен на данном

месте. Можно предполагать существование кратких гласных ă, ĭ, ŭ (вариант произношения ŏ), а также долгих ā (в ряде случаев ā переходит в ō, но иногда, по-видимому, сохраняется), ī (вариант ē), ū (вариант ō).

Можно предполагать существование дифтонгов aw и ay; возможно, уже имел место переход aw → ō и ay → ē.

В набатейских надписях известны следующие местоимения:

Личные обособленные

Лицо, число	Мужской род	Общий род	Женский род
3-е л. ед. ч.	hw, hy'		hy
3-е л. мн. ч.	hm		

Личные энклитические

Лицо, число	Мужской род	Общий род	Женский род
1-е л. мн. ч.		n'	
3-е л. ед. ч.	h hy hw w		h
3-е л. мн. ч.	hm		

Личные обособленные местоимения выступают в предложении в качестве подлежащего; иногда они заменяют глагольную связку, например: byrḥ kslw zy hw šmr' «в месяц кислев, который есть (букв. ,,который он") шамара». Личные энклитические местоимения в сочетании с именем выполняли функции притяжательных и выступали в роли определения (mr'n' —«господин наш»; ḥywhy —«жизнь его»; ḥbrwhy —«товарищи его»), с предлогом выступали в роли косвенного объекта (ʿlwhy —«над ним»), с глаголом — в роли прямого объекта (yptḥh — «откроет его», т. е. мавзолей; ḥdth —«обновил его»). Для обозначения возвратности использовалось слово npš «душа» в сочетании с личным энклитическим местоимением (lnpšh —«для себя»).

Указательные местоимения

Ед. ч.	Муж. род { dnh, hw	архаич. znh	Жен. род { d', hy
Мн. ч.	Общ. род { 'lh, 'lk, 'nw		

Относительное местоимение также играло роль показателя отношений родительного падежа: zy (архаическая форма) и dy.

Ср.: d' msgyd' dy ʻbd ʻbydw «это масгида, которую соорудил ʻУбайду»; dnh ṣlm' dy ʻbdt 'lh' —«это статуя ʻОбодата-бога».

Неопределенные местоимения: mn — «кто», mh —«что» — часто употреблялись в сочетании с dy: mn dy —«тот, кто», mh dy —«то, что». Известна также форма mndʻm —«что-нибудь» и kl —«каждый». В качестве неопределенного местоимения использовалось и слово 'nwš —«человек».

Как и во всех семитских языках, глагол в языке набатейских надписей имел два вида — совершенный (суффиксальное спряжение) и несовершенный (префиксальное спряжение), три лица, два числа (единственное и множественное), два залога (действительный и страдательный), два наклонения (изъявительное и повелительное), а также систему пород — изменяющихся основ, которые модифицируют исходное значение глагола, придавая ему оттенки интенсивности, каузативности, возвратности и т. д. Кроме того, от глагольных основ образовывались причастия и имена действия. Отсутствие огласовок не позволяет во всех случаях бесспорно установить наличие той или иной формы, в особенности если отсутствуют форманты с согласным звуком; часто решающую роль в таких ситуациях играет контекст.

Само собой разумеется, нельзя исключить и возможность арабской огласовки отдельных глагольных форм, например основной, усилительной, каузативной (афʻэль) пород, однако возвратные породы, насколько об этом можно судить,— чисто арамейские.

Спряжение глагольных видов

		Совершенный вид	Несовершенный вид
Ед. ч.	3-е л. муж. род	ʻbd	yʻbd
	3-е л. жен. род	ʻbdt	tʻbd
	2-е л. муж. род	qr'ṯ	
Мн. ч.	3-е л. муж. род	ʻbdw	yʻbdwn
	3-е л. жен. род	ʻbdw	

В табл. 1 указаны глагольные формы, засвидетельствованные дошедшими до нас текстами.

Отсутствие огласовок не позволяет с достаточной полнотой охарактеризовать модели, по которым в языке набатейских надписей образовывались имена (существительные и прилагательные). Пока можно говорить только об именах с двусогласным корнем (типа: 'b —«отец», 'ḥ —«брат», bn —«сын») и с трехсогласным (например: mlk —«царь», psl —«скульптор», prš — «всадник»). Модель *qaṭāl > qāṭōl засвидетельствована написа-

Порода	Действительный залог					Страдательный залог			
	Соверш. вид	Несоверш. вид	Повел. накл.	Прич.	Имя действ.	Сов. вид	Несов. вид	Повел. накл.	Прич.
Основная (пе'аль)	'bd	yqbr yktb		rḥm prs	mdkr	brys yhyb			bryk
Возвратная к основной (хитпе'эль)		ytylḥ ytpth ytqr'							mtqr'
Интенсивная (па''эль)	zbn	yzbn		mbqr'					
Возвратная к интенсиву (хитпа''аль)	htrtb	yt'lp		[m]tbrk[h]					
Каузативная (хаф'эль, аф'эль, шаф'эль)	hqym 'ḥyy šyzb	ywgr ynpq							

нием 'nwš —«человек»; модель qāṭīl написаниями ḥṭy'h — «греховная», ymyn' —«правая». Широко использовались в словообразовании префикс m- (mdnḥ —«восток», mwhbh —«подарок», mqbrt' —«погребение») и суффикс -n (bnyn'— «сооружение», ḥmn' —«алтарь»). Имена относительные образуются, как и обычно в семитских языках, с помощью суффикса -y ('rhwmy' —«римляне», byty' —«домашний», «эконом», mwby' — «моавитянин», swsy' —«всадник»).

Имена в языке набатейских надписей имеют два рода (мужской и женский), три состояния (абсолютное, или неопределенное, сопряженное и определенное, или эмфатическое) и два числа (единственное и множественное). В табл. 2 указаны окончания, характеризующие ту или иную форму имени.

Некоторые имена женского рода ('r'' —«земля», yd —«рука», npš —«душа», «надгробный памятник») формально от имен мужского рода не отличаются. Интересно, что одно и то же слово могло употребляться как в том, так и в другом роде: gnt — «сад» (жен. род, ед. ч., сопряж. состояние), но gny' — «сады» (муж. род, мн. ч., определ. состояние).

Имена числительные формально от существительных и прилагательных не отличаются.

Таблица 2

Род	Состояние		
	неопределенное	сопряженное	определенное (эмфатическое)
	Единственное число		
Мужской	— ktb slm	—	—ʼ ʼlhʼ mlkʼ ṣlmʼ
Женский	-h mwhbh	-t ʼlht brt	-tʼ ʼlhtʼ mwhbtʼ mḥrmtʼ
	Множественное число		
Мужской	-yn dkryn ḥrmyn	-y bny nṣyby	-yʼ ʼlhyʼ bnyʼ gmlyʼ ḥrmyʼ
Женский	?	-t bnt mlkt	-tʼ mḥrmtʼ qdmtʼ

Составные числительные образовывались путем присоединения к числительным одного разряда числительных другого, например: ʻśr wtlt —«десять и три», т. е. тринадцать, ʻśryn wšt —«двадцать и шесть», т. е. двадцать шесть, mʼh wštyn wtryn —«сто и шестьдесят и два», т. е. сто шестьдесят два.

Имена числительные

Мужской род, неопределенное состояние

1	ḥd	20	ʻśryn
2	tryn	30	tltyn
3	tlt	40	ʼrbʻyn
4	ʼrbʻ	50	štyn
5	ḥmš	100	mʼh
6	št	200	mʼtyn
7	šbʻ	500	ḥmš mʼh
8	tmnʼ	1000	ʼlp
9	tšʻ	2000	ʼlpyn tryn
10	ʻśr		

Мужской род, сопряженное состояние: 2 — try.

Женский род, неопределенное состояние: 1 — ḥdh, ʼḥdy; 2 — trtyn; 3 — tlth, 7 — šbʻh.

Женский род, сопряженное состояние: 2 trty, 3 — tltt.

Числительные «один» (ḥd) и «два» (tryn) — формально прилагательные — согласовывались в роде с именами, с которыми они употреблялись (например: bywm ḥd — «в первый день», šnh ḥdh —«первый год»). Числительные от трех до десяти (формально существительные) обычно употреблялись в роде, противоположном роду имени, связанного с этим числительным (формально имело место сопряженное состояние, например: šnt šb' —«год седьмой», tltt qysryn —«три императора»).

Наречные частицы следующие: k' — «здесь»; 'l —«сверху», «выше»; gw' —«внутри»; twb —«снова»; k'yr — «иначе»; kwt — «также»; blḥwd (blḥd) —«только». Отрицание l' — «не», «нет».

В языке набатейских надписей засвидетельствованы следующие предлоги, пишущиеся с именем слитно: b —«в», придает имени также значение инструментального падежа; l —«для», придает имени также значение родительного падежа; k —«как», «согласно». Предлоги, пишущиеся отдельно: yt — вводит прямой объект; mn —«от», «из»; 'l —«над», «во время», «ради»; 'ḥr —«кроме»; qdm —«перед»; 'd —«до»; bl'd lhn —«кроме».

Союзы: *w* (и арабизированная форма p̄) —«и»; 'w —«или»; dy —«который», «чтобы», «так как»; lqbl dy —«так как»; hn — «если».

В целом язык набатейских надписей, бесспорно, восходит к «имперскому арамейскому» языку ахеменидского времени.

Так как до нас дошли преимущественно посвятительные и надгробные надписи, известный нам словарный фонд набатеев почти исключительно связан с религиозной и погребальной сферой, хотя сохранились и некоторые слова, относящиеся к титулатуре набатейских царей и должностных лиц, а также к деловым операциям. Предстоящая публикация архива Бабаты, несомненно, расширит набатейский словарь: предстоит познакомиться с земледельческой терминологией, с лексикой юридических актов.

В целом словарный, или (скажем осторожнее) корневой, фонд языка набатейских надписей — арамейский. Далеко не во всех случаях, учитывая определенную близость арамейского и арабского языков, можно установить, читалось то или иное слово по-арамейски или по-арабски. Так, слова 'b — «отец», 'ḫ —«брат» имеют одинаковое написание, одно и то же значение и одинаково произносятся на обоих языках. Сочетание знаков npš может быть прочитано по-арамейски (näp̄äš) и по-арабски (nafs) без каких-либо изменений в написании; значение слова («душа», «памятник») от этого не изменяется. В передаче арабского *син* в набатейских надписях наблюдается определенная непоследовательность: так, мы встречаем написания msgyd' и mšgyd' — культовое сооружение, о ко-

тором см. ниже, имя собственное: š'd'lhy и s'd'lhy, т. е. арабский *син* передается при помощи арамейских знаков *самех* и *шин*. Не исключена и возможность склонения и спряжения арамейских слов на арабский лад.

Обращает на себя внимание существование множества терминов, происходящих от одного и того же корня, которыми обозначались те или иные объекты. Так, понятию «мавзолей», «гробница» соответствовали следующие производные от корня qbr —«погребать»: qbr' (арабизированная форма qbrw), qbrt, mqbr', mqbrt'; кроме того, хорошо известно арабское kpr' в том же значении. Пока нет возможности определить для каждого отдельного случая характерные оттенки значений; тем не менее перед нами — бесспорное свидетельство богатства языка, его исключительных словотворческих возможностей.

В набатейских надписях засвидетельствованы арабские слова, введенные в арамейский текст. Среди них термины социальные и юридические (gr —«зависимый», 'ṣdq —«законный наследник», nsḥt —«копия», rhn —«сдавать в аренду»), обозначения племени ('l —«племя»), степеней родства (wld — «дети», «потомство», ḥlt —«тетка», nšyb —«тесть» [?]), погребальные термины (gwḥ' —«могила», gt —«труп», ṣryḥ' —«зал», qṣr' — «целла», š'lw —«кости») и т. д. Практически можно утверждать, что арабизмы использовались во всех случаях, когда составитель текста не знал или забывал соответствующее арамейское слово или когда ему казалось, что данное слово — арамейское. Отсюда такие слова, как 'ḥrbw —«разорили», «опустошили», gb' —«цистерна», 'ḥr —«будущее», hlkt —«она умерла», y'yr —«изменит», yt'lp —«составит» [2]. Заимствования из греческого и через посредство греческого из латинского языка крайне незначительны. Помимо собственных имен это — военно-административная терминология: 'srṭg' —«стратег», hprk' —«гиппарх», klyrk' — «хилиарх», qnṭryn' —«центурион».

II

Одним из наиболее значительных культурных достижений набатеев является созданная ими письменность. Она была усвоена и усовершенствована арабами, вместе с исламом распространилась на огромнейшей территории от Атлантического побережья Северной Африки до Индонезии, продолжала развиваться и совершенствоваться и сохранилась до наших дней. Набатейская письменность и сегодня — живой организм, ес-

---

[2] Ср., однако, [47, стр. 90—91].

тественно преобразующийся в соответствии с потребностями общества; она — важное орудие становления и развития культуры многих народов Востока.

Набатейская письменность, развившаяся на базе арамейского «квадратного письма», первоначально приспособленная для записи арамейских текстов, появилась в обществе, уже, по-видимому, пользовавшемся самостоятельно сложившейся системой письма, хорошо приспособленной для передачи всех особенностей арабской речи.

Мы не беремся решать вопрос, восходит ли протоарабское письмо к одному из сирийско-палестинских, в частности к протосинайскому середины II тысячелетия до н. э. Однако данные табл. 3 показывают, что протоарабские (самудская, сафатенская, лихйанская), а также южноаравийские системы письма обнаруживают известное сходство с протосинайской графикой; таким образом, независимо от того, кто были носителями этой графики, не исключено по крайней мере влияние протосинайского письма на создателей протоарабской письменности. Впрочем, до нас не дошли набатейские надписи, выполненные «протоарабскими» знаками и на арабском языке; очевидно, арамейская система письма, заимствованная вместе с арамейским языком, очень рано вытеснила протоарабскую.

Причины заимствования арамейской системы письма очевидны: необходимость ведения официальной переписки, составления надписей, которые были бы всем понятны, и т. д. Насколько мы можем судить, уже в V в. до н. э. арабы пользовались в этих случаях арамейским письмом и языком. Как известно, и набатеи в конце IV в. до н. э. обратились к Антигону с посланием, составленным «сирийскими письменами» (Συρίοις γράμμασι), т. е. по-арамейски. Очевидно, это был единственно возможный способ дипломатической переписки.

Как показывает табл. 4, развитие арамейской письменности протекало у набатеев по следующим направлениям: письмо становилось все более отчетливо курсивным с упрощением написания отдельных знаков; постепенно росло число знаков, имеющих двойное написание (одно — в начале и середине, другое — в конце слова): помимо обычных для арамейского «квадратного» письма k, m, n, p, ṣ «конечное» написание приобретают ʾ, b, h, y, l, s, ʿ, q, š; писцы прибегали к соединению отдельных знаков, так что письмо выглядело как своеобразная вязь, и к лигатурам. Свою классическую форму набатейское письмо приобрело в I в. н. э.

Набатейская письменность надолго пережила Набатейское царство. Еще в III—IV вв. н. э. кочевники Синайского полуострова и жители Хегры пользовались ею для составления

Таблица 3

Протоарабское письмо

	Самудское	Сафатенское*	Лихйанское	Древнеюжно-арабийское	Синайское письмо
ʾ					
b					
ǵ					
d					
ḏ					
h					
w					
z					
ḥ					
ḫ					
ṭ					
ẓ					
y					
k					
l					
m					
n					
s					
ʿ					
ġ					
p					
ṣ					
ḍ					
q					
r					
š					
ś					
t					
ṯ					

Таблица 4

Развитие набатейского письма

Фонетическое значение графем	Элефантинские папирусы	Набатейское письмо: Конец VI-начало I в. до н. э	Набатейское письмо: Середина I в. до н. э.	Набатейское письмо: Первая половина I в. н. э.	Набатейское письмо: Конец I в н э	Набатейское письмо: Более поздние тексты	Арабское письмо: Надпись из Зебеда VI в.	Насхи
ʾ								ا
b								ب
g								ج
d								د
h								ه
w								و
z								ز
ḥ								ح
ṭ								ط
y								ي
k								ك
l								ل
m								م
n								ن
s								
ʿ								ع
p								ف
ṣ								ص
q								ق
r								ر
š								ش
t								ت

эпитафий. Уже в этот период набатейская графика начинает использоваться и для составления собственно арабских текстов; среди них наиболее значительна известная надпись Имрулькайса сына ʿАмру из Намары (RES, 483; 328 г. н. э.) [59, 314—322, № 2; 19, 23—27].

Таблица 4 иллюстрирует набатейские истоки арабского письма; представляется возможным проследить изменения отдельных знаков в сторону еще большей курсивности, их приспособление к арабской фонетике. Должно быть отмечено и значительное влияние северосирийской графики на почерк писцов арабской царской канцелярии в Хире, однако основу современной арабской письменности составляет, несомненно, набатейская. Для арабского алфавита свойствен порядок букв, не совпадающий с арамейским. Очевидно, он восходит к порядку знаков протоарабского письма.

Тот факт, что арабы усвоили набатейское письмо, говорит об огромном культурном воздействии, которое набатеи оказали на своих соседей, читавших по-набатейски и, вероятно, через их посредство знакомившихся с достижениями мировой культуры своего времени. Очевидно, именно здесь — один из важнейших истоков современной арабской культуры.

ГЛАВА VII

РОМАН О ПУТЕШЕСТВИИ ЙАМБУЛА К «ОСТРОВУ БЛАЖЕННЫХ» И ПРОБЛЕМА УЧАСТИЯ НАБАТЕЕВ В ФОРМИРОВАНИИ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Возникновение в Набатее своеобразного варианта арамейского письма — факт исключительной значимости. Как известно, появление на Ближнем Востоке различных арамейскоязычных литератур — иудаистской, сирийской (христианской), мандейской и т. п.— всегда сопровождалось появлением особых систем письма, хотя и восходящих, разумеется, к исходному арамейскому прототипу, но все же настолько отличающихся друг от друга, что их нельзя спутать между собой.

Здесь, очевидно, сыграли свою роль и местные особенности древнего арамейского письма, от которого начиналось развитие той или иной системы, и идейные соображения: нежелание смешивать свою литературу, провозглашающую «истину», с литературой идеологических противников, стремление выделить ее даже начертанием букв. Исходя из этой особенности развития ближневосточной письменности, можно думать, что набатейское письмо — косвенное, хотя и чрезвычайно важное свидетельство существования самостоятельной набатейской литературы. Как уже сказано, произведения набатейских писателей до нас не дошли.

Поэтому судить о ее содержании мы не можем. И все же...

В огромном своде исторических знаний, созданном в I в. н. э. Диодором, сохранилось изложение фантастического романа о приключениях некоего Йамбула, который, претерпев тяжелые испытания, попал на «остров блаженных» (II,55—60); наш источник называет Йамбула и автором этого повествования. О личности и происхождении Йамбула известно очень мало. По словам Диодора (II, 55, 2), Йамбул с детства был воспитан по-эллински (ἦν ἐκ παίδων παιδείαν ἐζηλωκώς) [1], но после смерти своего отца-торговца (ὄντος ἐμπόρου) и сам посвятил себя торговле. Уже Э. Роде [145, 242—243], рассматривая вопрос о проис-

[1] О содержании понятия παιδεία см. [81, 120—123], где и литература вопроса. Напомним, что, по представлениям эллинистического общества, именно παιδεία отличала эллина от варвара.

хождении интересующего нас лица, подчеркивал, что имя ᾿Ιαμβοῦλος едва ли может быть греческим, и приводил мнение «отличного знатока семитских языков» (с сожалению, не названного; Т. Нёльдеке?), возводившего это имя не к сирийскому, но к финикийскому или арабскому языкам. Однако, насколько известна финикийская ономастика, объяснить, исходя из нее, имя ᾿Ιαμβοῦλος также не представляется возможным. Единственное близкое по звучанию имя ʾnbl —«ловкий» засвидетельствовано в арабском (лихйанском) ономастиконе [154, 135], что позволяет предположить существование аналогичного имени ynbl также и у набатеев; на греческой почве произошла закономерная ассимиляция nb > mb [ср. 4, 292] [2]. Во всяком случае, происходящее от того же корня имя nblw у набатеев имелось [48, II, 120] (ср., впрочем, и в Библии имя кочевника из Южной Палестины nābāl (I Сам., 25, 3), точно соответствующее набатейскому nblw). Таким образом, из двух вариантов — Йамбул мог быть либо сирийцем, либо набатеем [181, 240] [3] — предпочтительным кажется последний.

Содержание романа Йамбула, как его излагает Диодор, сводится к следующему. Занявшись торговлей, автор и главное действующее лицо повествования отправился через Аравию в «страну ароматов» (ἐπὶ τὴν ἀρωματοφόρον). Но, прибыв туда, он и его спутники были захвачены в плен какими-то разбойниками. Сначала вместе с одним товарищем по несчастью Йамбул был пастухом, однако некоторое время спустя их похитили эфиопы и отвели на морской берег Эфиопии. Там уже все было готово для совершения древнего обряда «очищения страны», который эфиопы исполняли через каждые двадцать поколений (т. е. через шестьсот лет, считая по тридцать лет на поколение) и для которого им нужны были инородцы. У берега пленников ожидало небольшое суденышко, достаточно легкое, чтобы два человека могли им управлять без особого труда, и достаточно прочное, чтобы выдержать морские бури. Туда эфиопы сложили запас пищи на шесть месяцев. Они советовали Йамбулу и его товарищу взять курс на юг; плывя в этом направлении, они достигнут «острова блаженных» и там счастливо проведут остаток своих дней, обеспечив и эфиопам шестьсот лет мира и благополучия. Если же, испугавшись моря, Йамбул и его спутник вернутся назад, то как безбожники и погубители всего народа будут подвергнуты жесточайшим пыткам.

---

[2] Как любезно указал нам Я. Б. Грунтфест, подобная ассимиляция возможна и в семитской разговорной речи.

[3] Кролль считал возможным происхождение имени Йамбул из Yabbūl с переходом bb в μβ по аналогии с Ḥabbaqūq> ᾿Αμβακούμ [107, 681—683].

Проведя в пути четыре месяца, путешественники подошли к круглому острову величиной около 5000 стадий (~ 925 *км*), о котором говорили эфиопы; там их радушно встретили местные жители. Описание острова, его обитателей и их обычаев составляет, насколько можно судить по изложению Диодора, основное содержание романа Йамбула.

На острове, рассказывал Йамбул своему читателю, очень благоприятный климат; день там равен ночи, а в полдень ни один предмет не отбрасывает тени (т. е. остров расположен на экваторе). Островитяне совершенно не похожи на людей «нашего обитаемого мира»; напоминая друг друга телосложением, они отличаются высоким ростом (более четырех локтей, т. е. двух метров), красотой и физической силой. Характерная особенность островитян — раздвоенный язык; благодаря ему они могут разговаривать с двумя различными людьми одновременно и способны воспроизводить не только все человечьи, но и все птичьи голоса. Благодаря изобилию, царящему на острове, его обитатели почти не нуждаются в труде ради пропитания и, как правило, не знают болезней, однако, заболев, они должны кончить жизнь самоубийством. Живут они до ста пятидесяти лет, а, достигнув этого возраста, принимают добровольную смерть, вкушая аромат одурманивающих цветов. Живут островитяне родами и объединениями (κατὰ συγγενείας καὶ συστήματα), насчитывающими не более четырехсот человек каждое. Во главе каждого объединения стоит старейшина, правящий как некий царь; ему все подчиняются. Достигнув ста пятидесяти лет, он согласно закону уходит из жизни, а за ним приходит к власти опять-таки старейший член сообщества. Необходимую для общества работу островитяне выполняют, по очереди сменяя друг друга: они обслуживают друг друга (показательно здесь сходство с набатейскими порядками), ловят рыбу, занимаются ремеслом или искусством, ведают общественными делами. Семьями островитяне не обзаводятся; у них «общие» женщины, и детей они также считают общими; повитухи обычно подменяют роженицам детей так, чтобы матери не знали своих сыновей и дочерей; тем самым исключается повод для споров и распрей. Детей, не обнаруживающих достаточной силы и ловкости во время испытания (полет на специально вскормленной ручной птице), убивают. Островитяне занимаются разнообразными науками, в особенности же астрологией; в качестве богов они почитают солнце, луну и звезды. Для письма они пользуются алфавитом, состоящим из двадцати восьми букв; в его основе — семь знаков, имеющих по четыре варианта.

С этими счастливыми людьми Йамбул и его товарищ провели семь лет, однако они не смогли преодолеть своей отвратительной, греховной природы. Изгнанные с «острова блаженных», они после долгих странствий по морю попали в Индию; тамошний царь, друг эллинов, дал им возможность вернуться через Персию в Грецию.

Роман Йамбула пользовался широкой известностью (о многом говорит уже то, что Диодор включил его изложение в свою «Библиотеку»); во II в. н. э. знаменитый Лукиан (Luc., Ver. hist., I, 3) счел нужным охарактеризовать Йамбула как составителя «известных всем лживых повествований», однако этот суровый и не совсем справедливый отзыв — Йамбул ведь рисовал не реально существовавшее, а идеальное, с его точки зрения, общество, и это авторское задание было ясно любому читателю — еще одно косвенное подтверждение популярности книги Йамбула.

Диодор приписывает ему и другое сочинение — об Индии (II, 60, 4), однако содержание последнего неизвестно. Впрочем, если учесть, что индийские брахманы считались в эллинистическом мире философами по преимуществу (ср., например, у Мегасфена в его описании Индии, Clem. Alex., Strom., I, 72,5) и их философия интерпретировалась греческими писателями с позиций стоицизма, можно думать, что в описании Индии Йамбул значительное место уделил решению философских проблем.

Нетрудно видеть, что роман Йамбула принадлежал к развившемуся на эллинистическом Ближнем Востоке жанру приключенческо-утопического повествования; показательно, что и крупнейший представитель этого жанра, Йамвлих, был, по-видимому, сирийцем. Основным содержанием таких романов было описание фантастически идеальной жизни на далеком неведомом острове. Именно поэтому всякие попытки отождествить «остров блаженных» Йамбула с каким-нибудь реальным островом Индийского океана, Индонезии и т. п. так же бесполезны, как бесполезно и нелепо было бы, пользуясь «точными» указаниями Дж. Свифта, пытаться отыскать на географической карте Лилипутию, Бробдингнег или страну гуингнмов. Идеалы Йамбула, как показал еще Э. Роде [145, 258—260; ср. 107, 55—60],— это идеалы стоицизма и кинизма. Напомним, что создателем стоической философско-этической системы был финикиянин Зенон, выходец с острова Кипра; иначе говоря, стоицизм возник на Ближнем Востоке, в той же культурной среде, к которой принадлежали и набатеи. Так, общность женщин восходит, по-видимому, к учению Зенона (Diog. Laërt.,
 7, 34). Самоубийство стариков и больных также соответствует

теории стоицизма (Э. Роде указывает, в частности, на: Seneca, Epist. moral., 70). Островитяне выбрасывают трупы на морской песок без совершения обрядов, и в этом Э. Роде видит проявление стоического равнодушия к судьбе тела, лишенного души, ссылаясь на аналогичное поучение Хрисиппа (Sext. Empir., Ὑποτυπ., 3, 248). Культ солнца и небесных тел также стоичен. Все эти представления, как отмечает Э. Роде, свойственны и учению киников.

Идеалом Йамбула было государство абсолютного равенства и абсолютного коллективизма, в котором отсутствует эксплуатация человека человеком, отсутствуют социальные бедствия и кризисы, но и отсутствует вообще какое бы то ни было развитие. Однако видеть в Йамбуле чуть ли не предшественника научного коммунизма, а в изображенном им обществе — чуть ли не осуществление идеалов научного коммунизма [16, 321—333], разумеется, неправильно. Идеалы Йамбула — в прошлом (идеализация первобытных общественных отношений).

Тем не менее книга Йамбула — важное свидетельство того, что люди искали выход из мира социального зла и неустройства, в котором они вынуждены были жить, и находили его в возрождении идеализированного первобытного бесклассового (говоря языком современных нам понятий) по своей природе общественного строя. Рабы, разоряющиеся эксплуатируемые свободные — вот среда, в которой рождались подобные утопии об «острове блаженных».

ГЛАВА VIII

НАБАТЕЙСКИЙ ПАНТЕОН И РЕЛИГИОЗНАЯ ОБРЯДНОСТЬ

I

До настоящего времени набатейский пантеон известен только (или почти только) по многочисленным надписям, в которых упоминаются те или иные божества. Данные повествовательной античной традиции крайне скудны и восходят в общем к поздним источникам; это обстоятельство и очевидное желание подогнать набатейский культ под греческий образец делают ее ненадежной, хотя в ней, по-видимому, прослеживаются и собственно набатейские предания.

Однако уже сейчас, на нынешнем уровне наших знаний, есть основания утверждать, что в набатейской религии эллинистическо-римского времени (а только она может быть в какой-то степени реконструирована) наблюдаются следующие явления: почитание богов общеарабского пантеона и следование общесемитским культовым обычаям; тенденция к созданию династического культа, что неразрывно связано со стремлением к укреплению единоличной царской власти; отождествление набатейских богов с ближневосточными арамейскими и греко-римскими — черта, хотя и преувеличенная поздней античной и ранневизантийской традицией, но несомненно имевшая место и характерная для того культурного синкретизма, который переживал эллинистический Ближний Восток [1].

Насколько мы можем судить, набатеи старались не называть своих богов по имени. Этот обычай восходит к представлениям, согласно которым назвать бога означало призвать его, обратить на себя его внимание и, возможно, гнев. Последствием такого табу было распространение обобщенных наименований типа «бог», «богиня», в том числе и с определенным артиклем, описательных обозначений и самостоятельно употреблявшихся постоянных эпитетов. Само собой разумеется, набатеи, употребляя тот или иной эпитет или иносказание, отлично знали, о каком именно божестве идет речь. Но в тем более тяжелом положении оказываемся мы, лишенные надежных ориентиров.

С загадкой приходится иметь дело, сталкиваясь с наиболее распространенным в семитской (в том числе ханаанейской,

[1] Ср. об этом замечания Б. М. Гольдмана в [126, 23].

арамейской и арабской) среде обозначением божества ʾlh и в некоторых случаях ʾlhy. У набатеев это слово засвидетельствовано исключительно в собственных именах типа ʾwšʾlh⟨y⟩ — «дар божий», ʿbdʾlh⟨y⟩ — «раб божий» и т. д. В ряде случаев оно встречается и в арамейской форме, например в царских именах типа rbʾl —«велик бог». В литературе высказывалось предположение, что слово ʾlhy в приведенных выше именах следует огласовывать * ʾilāhāy — «мой бог». Представляется, однако, более вероятным, что -y в данном случае является показателем родительного падежа.

Как бы то ни было, едва ли можно сомневаться в том, что в набатейской среде существовал культ божества, которое обозначалось обобщающим термином «бог» (*ʾilāhu^{n} или с определенным артиклем *ʾallāhu) [2]. Остается, однако, открытым вопрос, не скрывается ли под этим обозначением какое-то другое божество, на которое были перенесены функции верховного бога «по преимуществу», или же перед нами общий для всех семитов верховный бог.

В этой связи возникает проблема идентификации «священного арабского бога», посвящения которому найдены в Герасе (G 19—22) и ее окрестностях. Эти надписи датируются II в. н. э. Как известно, Гераса была основана греческими колонистами, ветеранами Александра Македонского в конце IV в. до н. э. Эллинский характер Гераса сохраняла на всем протяжении своей истории, поэтому не удивительно, что авторы интересующих нас текстов носят греческие имена. Не удивительно и то, что эти люди (эллины или, во всяком случае, считающие себя таковыми) приносят свои посвящения именно «священному арабскому богу»: покровительство местных богов было необходимо и для обеспечения собственного благополучия, и для установления дружественных отношений с соседями-арабами. Вопрос об отождествлении «арабского бога» решается, по нашему мнению, тем обстоятельством, что греческое ὁ θεός (бог) на арабский язык переводится словом ʾallāhu; соответственно, говоря о «священном арабском боге», посвятители имели в виду набатейского Илаха, или Аллаха. Впрочем, согласно Тертуллиану (Tert., Apol., 24), «арабский бог» соответствует Душаре [ср. 91, 434]. По-видимому, Тертуллиан исходил из хорошо ему известного факта: господствующего положения Душары в набатейском пантеоне. Однако значит ли его сообщение, что Душара выступал также и в облике Аллаха, пока неясно.

---

[2] Ср., однако, точку зрения М. Хёфнер: «встречается ли оно (слово ʾlh у набатеев.— *И. Ш.*) изолированно как имя бога, точно неизвестно» [85, 421].

Женская параллель Илаху, или Аллаху,— богиня Аллат ('allātu — Богиня). О ее почитании в арабской среде рассказывает уже Геродот (I, 131; III, 8), дающий имя этой богини в форме Алилат ('Αλιλάτ). Как уже говорилось выше (стр. 71), в надписях кедаритов этой форме точно соответствует форма Хан-Илат; таким образом, перед нами явно божество общеарабского пантеона. Исключительное значение для характеристики Аллат имеет надпись CIS, II, 185, где она изображается как «мать богов господина нашего Раббэля» ('lt 'm 'lhy' dy mr'n' rb'l). Очевидно, в системе североарабской (в том числе набатейской) мифологии Аллат выступала в роли «матери богов» и, следовательно, была тождественна угаритской «матери богов» Элат (середина II тысячелетия до н. э.), носящей, кстати, то же имя. Это место она сохранила и в династическом пантеоне набатейских царей. Во времена римского господства Аллат была отождествлена с Афиной [59, 55—56]. Р. Дюссо [59, 55—57] и Г. Дальман [55, 51] считают Аллат богиней планеты Венеры (у Геродота Алилат отождествлена с Афродитой Уранией)[3].

Непосредственно в Петре культ Аллат пока не засвидетельствован. Одним из важнейших районов его распространения был Хауран; в частности, надписями засвидетельствовано существование храма Аллат в Салхаде, где он был основан в середине I в. до н. э., реконструирован в 56 г. н. э. и еще раз перестроен в 95 г. н. э. Тексты, относящиеся к этим событиям, частично переизданы и заново исследованы Ж. Т. Миликом [120, 227—231], обратившим внимание на ряд важных обстоятельств. Храм Аллат в Салхаде был воздвигнут, а затем дважды переделывался представителями одного и того же рода — потомками Кациу. Мы не располагаем прямыми данными об общественном положении этого рода; тем не менее предположение Ж. Т. Милика о том, что этот род господствовал в Салхаде и был оберегателем местного храма (и в еще большей степени — местного культа, добавим мы), кажется наиболее правдоподобным. Ж. Т. Милик привел формулу из надписи CIS, II, 182: «для Аллат, их богини, которая в Салхаде», несомненно подтверждающую его точку зрения.

Ж. Т. Милик отметил и другое важное явление. В реконструированной им и заново опубликованной надписи (№ 1 его издания) датировочная формула начинается словами b...ṭb' — «в... добрый». Ж. Т. Милик обоснованно считает, что здесь содержится указание на годичный праздник в честь богини Аллат, во время которого было совершено посвящение.

---

[3] Б. М. Гольдман думает, что Аллат — божественная супруга Душары, однако для такого отождествления нет достаточных оснований. См. [126, 25].

Другим местопребыванием Аллат были Ирам и Босра [164, 886—1017], а еще в одной надписи (CIS, II, 198 из Хегры) речь идет об Аллат «из ʿАмнада». Привлекает внимание культ Аллат в Босре. Мы не можем пока дать определенный ответ на вопрос, почему в греческом городе оказалось возможным почитание этой богини. Возможно, что его ввели арабы, поселившиеся в городе. Не исключено, однако, как и в Герасе, обращение эллинов к местному божеству для того, чтобы обеспечить себе его благоволение и защиту.

Главным божеством набатейского пантеона был, по-видимому, Душара (dwšrʾ), по-арабски собственно зу-Шара — «бог Шары» (в классических арабских текстах: ḏu-š-šarā⟨y⟩) [ср. 91, 433—434]. Обычно он возглавляет список богов в формулах типа: «Душара и все боги» (CIS, II, 211; RES, 1401) или «Душара и остальные боги» (RES, 2025). Более того, культ Душары был общим для племенного союза набатеев и саламиев, о чем свидетельствует следующая клаузула, дошедшая до нас в одной из надгробных надписей (CIS, II, 206): «и будет мавзолей этот священным и заповедным в соответствии с обычаем о священном и заповедном, которое посвящается Душаре и объявляется заповедным у набатеев и саламиев» (wʾyty qbrʾ dnh ḥrm kḥlyqt ḥrmʾ dy mḥrm ldwšrʾ bnbṭw wšlmw) [4]. В этой связи заслуживает внимания опубликованная Ж. Т. Миликом [120, 231—235] надпись, датированная пятым годом царя Раббэля (I или II?) и происходящая из Хаурана; в качестве лица, от имени которого изготовляется сакральное сооружение (msgdh), посвященное «Душаре богу Раббэля», назван «ʿУдайну-архитектор (bnyʾ) сын Гармуллахи сына ʿАбдуллахи, саламиец». Как можно видеть, посвящения Душаре (mḥrm ldwšrʾ) имели особый статус, регулировавшийся специальным обычаем (ḥlyqt ḥrmʾ). Едва ли можно сомневаться в том, что, по представлениям набатеев, этот обычай был установлен волеизъявлением самого Душары и что, следовательно, по крайней мере в узко ограниченной сфере религиозных установлений, Душара выступал в роли законодателя.

Что же представляет собой это божество? Арабская мусульманская традиция видела в нем древнего бога племени Дауса с культовым центром ал-Хина; кроме того, она приписывает

[4] Употребление термина ḥrm свидетельствует о том, что предмет, к которому он относится, посвящен божеству и объявлен заповедным — табу. Как обозначение священного участка производные от корня ḥrm употребляются и в настоящее время [см. 18, 17, а также 28 и 89]. В литературе имущества, объявленные ḥrm, отождествлялись с позднейшим вакфом [108, 183], однако материал, которым мы располагаем, пока еще недостаточен для подобных выводов.

почитание Душары племени Бану ал-Харис [181, 48—49]. И те и другие — подразделения этнической общности Азд-Шануа, которая после разрушения Марибской плотины (конец VI в.) удалилась из Южной Аравии на север и обосновалась в прибрежной горной цепи Сарат, тянущейся от Мекки до Йемена. Однако остается неясным, как, когда и при каких обстоятельствах Даус и Бану ал-Харис усвоили культ Душары. Пока арабские предания свидетельствуют только о его широком распространении и бытовании много веков спустя после гибели Набатейского царства (может быть, вследствие усвоения набатейских религиозных представлений и набатейской традиции?).

Значение слова šārā⟨y⟩ («страна», «дорога», «горная цепь») позволяет думать, что Душара — бог-покровитель какой-то горной страны; в связи с этим существенно, что горный район Петры по-арабски именуется аш-Шара [58, I, 67] [5]. Хотя этот топоним не засвидетельствован до ислама, он, вероятнее всего, восходит к местной доисламской традиции.

Косвенным подтверждением возможности отождествления аш-Шары с горным районом Петры является следующее обстоятельство. В ряде надписей из ʿОбодата [127, 1963, № 2, 113] и Думата [144, 1957, 205] местопребыванием Душары названа Гайа (в формуле: dwšrʾ ʾlh gʾyʾ или dwšrʾ ʾlh gyʾʾ — «Душара бог Гайи»). Вероятно, Гайа, расположенная у отрогов горного района аш-Шара, была первоначально культовым и политическим центром набатейско-саламийского племенного союза; здесь, естественно, должен был обитать и главный бог союза, он же владыка данной местности. Однако наряду с этим Душара именуется и богом Мадрасы (CIS, II, 443) — топоним, сохраняющийся еще и в наши дни в форме ал-Мадрас По-видимому, здесь также было одно из святилищ Душары..

Одна из ипостасей Душары, которые известны в настоящее время,— Душара Аʿарра. Ему посвящена надпись из Имтана (RES, 83), причем в качестве местопребывания божества названа Босра. Его культ сохранялся там и после создания провинции Аравии; одна надпись, найденная в этом городе и датированная 42-м годом провинции (RES, 676), посвящена Душаре Аʿарре. Аналогичная греко-набатейская билингва из Умм адж-Джамаля, опубликованная Э. Литтманом [114, 383—386], дает греческое написание Δουσάρει ʾΑάρρα⟨ι⟩, позволяющее установить точное произношение.

Удовлетворительной этимологии слова Аʿарра пока не предложено. Наиболее достоверной признают [87, 419—420] в на-

---

[5] Согласно Г. Дальману, аш-Шара находилась несколько южнее Тебалены. Ср. [55, 49; 91, 433; 126, 24].

стоящее время гипотезу, согласно которой (оставляя в стороне вопрос о грамматической его форме) оно происходит от арабского корня ġry/w и близко по значению арабскому ʾal-ġariyyu — каменный идол, на котором приносились кровавые жертвы и который поливали жертвенной кровью. Однако против этой версии говорит отсутствие в греческом написании ʾΑάρρα буквы γ, которой обычно передается в собственных именах семитский ġ. Без ответа при нынешнем состоянии источников остается вопрос: не был ли Aʿappa первоначально локальным божеством Босры, который был отождествлен с Душарой [118, 419]? Точно так же пока невозможно решить, не было ли слово Aʿappa исконным именем Душары, которое было вытеснено впоследствии описательным оборотом [161, 60].

Позднегреческая повествовательная традиция, а также некоторые надписи до наших дней сохранили дополнительные сведения о культе Душары. По рассказу Епифания (Epiph., Haer., 51), 25 декабря, в тот самый день, когда христиане празднуют рождество христово, аналогичная церемония совершалась и в Петре: «это же и в Петре, в тамошнем капище (ἐν τῷ ἐκεῖσε εἰδωλίῳ), таким же образом (как в Александрии. — *И. Ш.*) происходило, и на арабском языке воспевали девственницу, называя ее по-арабски Хаабу (χαάβου), то есть девой (κόρην) или девственницей, и родившегося от нее Душару (τὸν ἐξ αὐτῆς γεγεννημένον Δουσάρην), то есть единородного сына господа». Едва ли это предание можно целиком признать вымыслом христианского апологета, пытающегося доступными ему средствами показать, что представление о рождении бога от девы имелось и за пределами христианской религии. Более правдоподобно, что он опирался на какие-то представления о набатейском культе и связанном с ним мифе, хотя Епифаний и дает фантастическую этимологию имени Душара («Душару, то есть единородного сына господа»; он явно связывает Δουσάρης с еврейским śār — «князь», «владыка», «властитель»). В особенности интересно арабское обозначение девы — Хаабу. По мнению Ю. Велльгаузена [181, 50], вероятно, что представление, будто Душара родился от священного камня (Хаабу)-девы, могло возникнуть под влиянием митраизма [6]; чуждое влияние ощущается и в дате праздника — 25 декабря. Существует, однако, и другая возможность. Предполагают, что в слове χαάβου нашло свое отражение арабское kaʿībā — «дева» и kaʿbᵘⁿ — «священный камень» [55, 51]. Такая игра слов и значений могла бы иметь место только в случае исконности мифа о рождении

---

[6] Отрицательное отношение к отождествлению Душары с «непобедимым Солнцем» митраистского пантеона высказал Д. Сурдель [161, 65—68].

Душары от девы-камня. Окончательное решение этой сложной проблемы возможно только после появления дополнительных источников.

«Суда» (Suid., s. v. Θευσάρης; очевидная ошибка вместо Δουσάρης) рассказывает следующее: «Это бог Арес в аравийской Петре. Арес у них почитаем, а в особенности этот. Его изображение — это черный четырехугольный необработанный камень. Его высота — четыре фута и ширина — два фута. Он расположен на основании, покрытом золотом. Они приносят ему жертвоприношения и поливают его кровью жертв. Таков их обряд. Золото блистает по всему храму, и пожертвования там многочисленны». В отождествлении Душары с Аресом явно ощущается народная этимология, однако, вполне вероятно, что на каком-то этапе истории набатейского пантеона Душара был богом войны.

Еще об одном отождествлении Душары сообщает Гесихий (Hesych., s. v. Δουσάρης) со ссылкой на Исидора Харакского: «Диониса так называют набатеи». По-видимому, как Дионис Душара представлен в эллинистически стилизованном мужском облике на монете из Босры с надписью Βοστρηνῶν Δουσάρης («Душара босрийцев»); к этому примыкает и статуя бога с виноградными гроздьями, найденная в Хауране. В этом случае Душара выступает в качестве бога-покровителя виноградарства и виноделия.

Наконец, в двуязычной надписи из Милета, которая была изготовлена уже упоминавшимся выше Силлаем «во здравие» или «при жизни» царя ʻОбодата II, мы встречаемся с отождествлением Душары с Зевсом (RES, 675 и 1100). Здесь Душара — верховный бог грома и молний.

В связи с этим очень важны два текста из Хегры. Один из них (JS, 2) содержит следующую формулу: «и да проклянет тот, кто отделяет ночь ото дня, каждого, кто их (захороненных.— *И. Ш.*) удалит (из мавзолея.— *И. Ш.*), навечно». Эпитет «тот, кто отделяет ночь ото дня», несомненно, заменяет в тексте имя Душары и служит обозначением последнего, как показывает сопоставление с формуляром других аналогичных набатейских надписей. Мы не можем не вспомнить, что в Библии именно Йахве — верховному и теоретически единственному богу иудеев и израильтян — приписывается это деяние (Быт., I, 4—5): «и отделил бог свет от тьмы, и назвал бог свет днем, а тьму назвал ночью». Очевидно, как и Йахве у иудеев и израильтян, Душара играл в набатейском пантеоне роль космического божества, устроителя мировой гармонии, вселенского порядка. Другой текст (JS, 17) содержит следующую формулу проклятия: «и проклянет владыка мира (mry ʻlmʼ)

каждого, кто изменит мавзолей этот и кто откроет его». Издатели, принимающие вслед за Ш. Клермон-Ганно орфографическое соответствие mry=mārē'-и видящие в mry форму единственного числа имени, обоснованно отождествляют «владыку мира» с Душарой. Правда, надпись поздняя (вторая половина III в. н. э.); на набатейских представлениях о божестве в этот период могло сказаться влияние переднеазиатских монотеистических религий.

Итак, Душара — верховный бог набатейско-саламийского племенного союза и одновременно бог войны, бог виноградной лозы, бог-громовержец, бог-покровитель горной страны, в которой жили набатеи, бог-владыка мира и устроитель мировой гармонии; он рожден девой, т. е., очевидно, он — воскресающий и умирающий бог обновляющейся природы [7]. Сравнительно рано набатейские цари сделали Душару своим династическим божеством: мы встречаем его как бога царя Раббэля I (CIS, II, 218), Малику (I?) [144, 1957, 208], Ареты IV (CIS, II, 208, 209, 211), Малику II (в надписи из Кабр ат-Туркман, CIS, II, 350), Раббэля II (RES, 83) [120, 231—235].

Наряду с культом Душары засвидетельствован и другой, первоначально, надо полагать, очень важный, но постепенно утративший в набатейской среде свое значение,— культ бога, именуемого в набатейских надписях Шай' ал-Каум (šy' 'lqwm) — «пастырь народа». Он известен по посвятительной надписи из Телль ал-Гарийа неподалеку от Босры (RES, 86 и 471; 96 г. н. э.) [59, 309—310], граффити из Хегры (JS, 72), а также по пальмирской надписи, составленной воином-набатеем (CIS, II, 3973). В последней Шай' ал-Каум охарактеризован следующим образом: «бог добрый и вознаграждающий, который не пьет вина» (šy' 'lqwm 'lh' ṭb' wškr' dy l' št' ḥmr).

Формула «который не пьет вина» разъясняется, как показал еще Ш. Клермон-Ганно, обычаями самих набатеев в период до перехода к оседлости, а также параллельным библейским материалом, характеризующим секту рехавитов (Иерем., 35, 6—10). Основы учения этих последних излагаются здесь следующим образом: «И они (рехавиты.— *И. Ш.*) сказали: мы не будем

[7] По мнению Г. Дальмана [55, 50], Душара был хтоническим божеством — действующей в земле рождающей силой, без которой жизнь вообще немыслима. По своему характеру он, как полагает Г. Дальман, должен быть близок ханаанейскому Ваалу — богу-«хозяину». Согласно другому предположению [126, 24], в образе Душары воплотился бестелесный бог набатеев-кочевников. Однако данными для проверки этих гипотез мы не располагаем. Неясно также, можно ли отождествить Душару с североарабским божеством Руда, тем более что последний в набатейских текстах не упоминается. О почитании Душары в сафатенском и самудском обществах см. [41, 95].

4 Заказ № 1865

пить вино, ибо Ионадав сын Рехава, отец наш (т. е. основоположник данной секты.— *И. Ш.*), приказал нам, говоря: не пейте вина вы и дети ваши навечно, и дом не стройте, и семя не сейте, и виноградник не насаждайте, и да не будет этого у вас, но в шатрах пребывайте все дни ваши, дабы вы жили долгие дни на земле, которую вы населяете. И мы повиновались речи Ионадава сына Рехава, отца нашего, относительно всего, что он приказал нам: не пить вина все дни наши нам, женам нашим, сыновьям нашим и дочерям нашим и не строить дома, чтобы нам жить, и чтобы не было у нас виноградника, и поля, и посева; и мы пребываем в шатрах, и слушаем, и делаем все так, как приказал нам Ионадав, отец наш». Запрещение пить вино связано здесь с определенным социальным идеалом, каковым является кочевая («в шатрах») жизнь «настоящего бедуина», свободного от хозяйственных забот оседлого земледельца. По описанию Диодора (19, 94), набатеи, будучи кочевниками, воздерживались от употребления вина, не строили домов и не сеяли хлеб; описание образа жизни набатеев у Диодора поразительно напоминает то, что Иеремия рассказывает о рехавитах [ср. 51, IV, 382—402] [8]. Таким образом, Шай' ал-Каум — это бог — водитель народа, как ясно из его обозначения, покровитель кочевой жизни. Его культ в набатейском обществе мог быть связан и с кочевым образом жизни отдельных групп набатеев, и с распространением определенных социальных идеалов, близких рехавитским. Другой эпитет Шай' ал-Каума —«вознаграждающий» (škr') — показывает, что с ним были связаны представления о божестве, воздающем за служение ему. В чем выражалось это служение — трудно сказать; видимо, к нему относится воздержание от вина и, следовательно, соблюдение всех норм кочевой жизни.

По правдоподобному предположению Ш. Клермон-Ганно, образ Шай' ал-Каума оказал влияние на образ Ликурга сына Ареса, мифического царя и бога арабов, о котором как об антагонисте бога вина Диониса повествуется в «Дионисиаках» Нонна Панопольского (книги XX и XXI). Он, Ликург — ἀβάκχευτος, т. е. лишенный, не знающий вина, и поэтому ему приносится в жертву кровь. Указывают и на шесть надписей из Хаурана, посвященных «богу Ликургу» и свидетельствующих, таким образом, о распространении культа Ликурга в арабской среде [164, 997]. Существенно выяснить, каково было соотношение культов Душары и Шай' ал-Каума. По-видимому,

[8] Д. Сурдель [161, 83—84] относится к гипотезе Ш. Клермон-Ганно в общем отрицательно. Г. Дальман считает, что Шай' ал-Каум — не исконно набатейское, но сафатенское божество [55, 51], с нашей точки зрения, скорее — общеарабское.

и в этом вопросе ближе всех к истине подошел Ш. Клермон-Ганно, полагающий, что они были антагонистами: первый — богом оседлого населения, а второй — кочевников. Переход большинства набатеев к оседлому образу жизни и земледелию поставил на передний план Душару и оттеснил Шай' ал-Каума, хотя его почитание, прежде всего, очевидно, в кочевой среде не было изжито [9].

В набатейской среде существовал и культ богини ал-Кутба, факт, установленный Дж. Страгнеллом [168, 29—36]. Она упоминается, в частности, в надписи из Ирумы (№ 17), где в качестве ее местопребывания названа Гайа (напомним, что там же локализуется и Душара) и где наряду с этим фигурирует ал-'Узза. Другое упоминание имеется в надписи из Телль аш-Шукафийа (Египет). Здесь речь идет о постройке ее храма «во здравие» (или «при жизни») главы местной набатейской общины, жреца Цийу. В этой же надписи встречается и загадочное слово 'wytw («и чтобы имя его было [по]мянуто перед нею в 'wytw»), которое вслед за Ж. Старки [170, 1950, 156] Дж. Страгнелл рассматривает как топоним, искаженная форма которого сохранилась в современном Qaṣrāwet. В этом пункте также находился храм ал-Кутбы [10]. Третье упоминание ал-Кутбы, на которое обратил внимание Ж. Милик [121, 22—25], происходит из Петры (граффити на одном из триклиниев). Текст трудночитаем, однако автору удалось расшифровать собственное имя ('wšw) и формулу «пред Кутбой, божеством этим». Ал-Кутба была, как обоснованно полагает Дж. Страгнелл, богиней письменности. Значение упоминания в надписи № 17 из Ирумы богини ал-'Узза неясно [84, 481].

В погребальной надписи (CIS, II, 198) из Хегры (1 г. до н. э.) назван бог Хубалу; возможно, о нем идет речь и в надписи (CIS, II, 158) из Путеол (ср. также имя собственное Бен-Хубалу —«сын Хубалу»). Как известно, арабская средневековая традиция [181, 67] засвидетельствовала почитание этого божества в Мекке; в данном случае показательно широкое распространение этого культа за пределами Набатеи. В данной надписи Хубалу упоминается при перечислении богов вместе с Душарой и Мануту, в пользу которых нарушитель целостности погребения должен внести штраф.

Богиня Мануту в надписях из Хегры обычно фигурирует в списке богов, которые должны проклясть нарушителя покоя и целостности погребения (CIS, II, 197, 198, 206, 217). Дважды (CIS, II, 198 и 224) штраф за нарушение целостности погребе-

[9] Иначе: [119, 451; 90, 465—466; 59, 62—63].

[10] Ни в Телль аш-Шукафийа, ни в Касравет, насколько нам известно, храмы археологически не изучены.

ния должен взыскиваться в пользу Мануту (так же как в пользу Душары или, как можно было видеть, Душары и Хубалу). Известны также две надписи, в которых Мануту играет роль покровительницы погребения (JS, 184; JS, 201). Очевидно, культ Мануту, как и Хубалу, играл важную роль в жизни набатеев, однако ни о функциях этой богини, ни о ее положении в пантеоне ничего определенного мы пока сказать не можем. Арамейское mĕnāṯā —«доля» позволяет высказать предположение, что Мануту была богиней судьбы [181, 28; 55, 52] [11], арабская мусульманская традиция считает ее дочерью Аллаха и говорит о ее культе в Хиджазе [181, 24—29; 88, 454—455].

Другой дочерью Аллаха, согласно средневековым арабским преданиям [181, 24], была ал-ʿУзза —«могущественная», культ которой засвидетельствован как в Петре (RES, 1088), так и в Хауране (RES, 2091), в том числе и в Босре, а также на Синайском полуострове (CIS, II, 611, 1236). Как показывает двуязычная надпись с острова Кос, датированная восемнадцатым годом Ареты IV (10 г. н. э.) [111, 139], уже в собственно Набатее ал-ʿУзза, очевидно, в качестве богини любви отождествлялась с греческой Афродитой — идентификация, засвидетельствованная и для арабского пантеона ранневизантийского времени [181, 40—44; 86, 475]. Правда, в набатейской части текста названа «Ваала-богиня» (bʿlʾ ʾlhtʾ), однако Дж. Леви Делла Вида показал ее тождественность с ал-ʿУззой.

Наконец, особо должен быть отмечен и культ солнца (Strabo, 16, 4, 26).

Мы, однако, не можем быть уверены, что нам известны все набатейские боги; в ряде случаев неясно, идет ли речь о богах или же называются обожествленные атрибуты других богов («Душара и мотаб его»— mwtbh; «Мануту и кайш ее»— kyšh) [12]. Тем не менее отчетливо вырисовываются два положения: во-первых, пантеон набатеев был в основных своих чертах общеарабским (что, разумеется, не исключает каких-то специфически набатейских черт в иерархии богов, мифологии и обрядности); во-вторых, основные функции богов концентрируются в руках Душары, который приобретает в связи с этим особые черты.

Наряду с почитанием собственно набатейских (или шире — арабских) богов можно наблюдать и распространение в набатейской среде культа эдомитского бога Коса (характерный пример усвоения и дальнейшего развития локальных традиций) и си-

---

[11] Дальман [55, 52] считает, что Мануту отождествляется с Тюхе (богиней судьбы и покровительницей Петры). О культе Мануту в Самудо см. [41, 103—104].

[12] Qyšʾ, qyšh как имя бога см. [89, 461].

рийско-арамейских богов, общих для всего Ближнего Востока,— владыки неба Ба‘алшамена, его супруги Атаргатис (Тар‘ате) и др. [161, 20—21 и 42]. Они засвидетельствованы раскопками храмов на территории Набатейского царства. Косу поклонялись в Хауране и после гибели Набатейского царства [120, 235—241]. Усвоение набатеями сирийско-арамейского пантеона показывает, насколько глубокой была арамеизация набатейского общества, охватившая наиболее важные области ее духовной жизни — письменность и религию.

II

Насколько об этом можно судить по исключительно скудному археологическому и эпиграфическому материалу, в религиозной обрядности и внешних проявлениях набатейского культа сохранялись традиции глубокой древности; в странах Переднеазиатского Средиземноморья аналогичные формы существовали уже во II тысячелетии до н. э. Мы не беремся решать вопрос, имело ли место заимствование набатеями культовых представлений у их соседей, или же речь должна идти о развитии общих для всех семитских народов религиозных идей, однако последнее кажется нам предпочтительнее.

В каком облике набатеи представляли себе богов, трудно сказать. Обычным объектом культа был бетэль (букв. «дом бога»), считавшийся одновременно и жилищем, и воплощением божества (отсюда, собственно, и возникают представления о «деве-камне»). Как правило, бетэли — это камни пирамидальной или конической формы. Таковы, в частности, бетэли с «высоты» Зибб Атуф — пирамиды высотой 6,5—7 *м*. Как показывает приведенное выше сообщение «Суды» (стр. 96), в облике бетэля почитался Душара. Четырехугольные бетэли Душары А‘арры изображены на бронзовых монетах из Босры, которые датируются первой половиной III в. н. э. (царствование римских императоров Элагабала, Александра Севера, Деция и Геренния). Бетэль Душары типа усеченного конуса изображен на бронзе из Адраа с греческой надписью «Душара — бог адраенцев» (Δουσάρης θεὸς Ἀδραή⟨νων⟩). Аналогичное изображение имеется и на одной монете из Босры, выпущенной в связи с играми в честь Душары (Actia Dusaria). Здесь, на возвышении, к которому ведут три ступени, находятся три усеченных конуса, средний из которых напоминает конус из Адраа; два других — ниже и уже. На среднем лежат семь венков, приготовленных для победителей, на остальных — по одному [55, 54]. Известны и бетэли Аллат; на одном из них, происходящем из Хегры, высечено изображение богини, воздевающей руки к небесам; она сидит, широко раздвинув ноги.

Обычно бетэли устанавливались в культовых нишах — по три и больше. Ниши часто украшались небольшими арками и колоннами, напоминая храмовые сооружения [13].

Основным местом культа была так называемая «высота»— святилище, располагавшееся на холме или ином возвышенном месте, господствовавшее над поселением; обычно все сакральные помещения здесь находились на открытом воздухе. Важнейшим святилищем Петры была, очевидно, «высота» Зибб Атуф, или Мазбах («место жертвоприношений»), господствовавшая над восточной частью города. Здесь на плато размерами 65 × 20 *м* располагался триклиний (помещение для жертвенных пиршеств) величиной 14,5 × 6,5 *м*, а у его западной оконечности — постамент для изображений богов (mwtb'?) и алтарь. Внутри триклиния обнаружена прямоугольная площадка из песчаника (высота 10 *см*, площадь 152 × 77 *см*), предназначавшаяся, вероятно, для почетных участников обряда. У северной оконечности плато, вероятно, имелся еще один триклиний, а несколько восточнее — квадратный бассейн (длина стороны 1,75 *м*, глубина — 1,25 *м*) для ритуальных омовений. Видимо, здесь собирали дождевую воду.

Значительно более скромна так называемая высота Конуэй, устроенная, по-видимому, еще до перехода набатеев к оседлому образу жизни. К платформе, на которой расположено святилище, вела лестница; сама платформа вымощена квадратными плитами разного размера, посредине установлен пьедестал, сложенный из четырех камней, а у северо-западной оконечности платформы — другой пьедестал, также из четырех камней. Платформа окружена кольцеобразной стеной [52, 57—58]. На «высоте» Каттар ад-Дайр изображения богов, бассейны и триклиний располагались вдоль небольшого оврага. В другом месте, на плато ал-Хубта, находилась группа святилищ, одно из которых имело площадки, предназначенные для священных пиршеств, а также квадратный алтарь (размер стороны 2,2 *м*); у его подножия были вырыты две небольшие канавки для стока крови. Севернее находились два триклиния (один из них — подковообразной формы) и неподалеку от них три бассейна для сбора дождевой воды. На вершине этого комплекса обнаружена ниша для изображений двух богов —«Владыки дома» (очевидно, божество, которому посвящена «высота») и ал-ʿУззы. Еще одна «высота» открыта в ал-Хабисе. Здесь, рядом с триклинием, находилось возвышение, которое рассматривается исследователями либо как алтарь, либо как поста-

---

[13] М.-Ж. Лагранж [108, 188—189] связывает с культом бетэлей и легенду, о которой рассказывает Епифаний.

мент для культовых изображений. Ритуальный триклиний найден и в Хегре; это так называемый Диван, размещавшийся на сферической скале в горах Джебель-Эслиб рядом с серией ниш для культовых изображений. Предполагают, что эта «высота» была посвящена Аллат или Душаре А'арре.

Набатеи воздвигали и храмы своим богам. Наиболее известны среди них «Замок фараона» (Каср фир'аун), или «Замок дочери фараона» (Каср бинт фир'аун) в Петре, храм в Хирбет-Таннуре, а также комплексы в Ираме и Си'. Их описание читатель найдет в следующей главе, посвященной набатейской культовой архитектуре.

Набатейские алтари, по-видимому, отличались небольшими размерами. По внешнему облику они напоминают алтари, распространенные в Палестине: обычно это грубо обработанный, закрепленный на фундаменте камень с «рогами» и карнизом. Помещались алтари, как правило, на специальной земляной площадке внутри святилища или у входа в него. На «высоте» Зибб Атуф алтарь представлял собой обломок скалы высотой 4 *м*, шириной 3,5 *м* и длиной около 4 *м*. На одном из его боков были выбиты три ступеньки (первая — на высоте 45 *см*).

Особый интерес представляет широко распространенный в надписях из Хаурана (CIS, II, 161, 176, 185, 188, 190; 83, 676, 1096, 2024, 2051) и Хегры (CIS, II, 218; JS, 82) термин «масгида» (msgyd'), обозначавший какой-то культовый объект. К сожалению, надписи пока не дают достаточных данных для того, чтобы установить значение слова: масгида встречается здесь исключительно как объект посвящения. Обычные переводы —«алтарь», «посвятительная надпись» [108, 206—207]. Интересно, однако, что уже в надписи (RES, 2024) из Сахват ал-Хидр (Джебель-Друз) термин «масгида» означает «святилище»; в этом значении он был воспринят, вероятно, и исламом. По надписи на алтаре из 'Атила известна и греческая параллель термина προσκυνητήριον — объект проскинезы (коленопреклонения) или место, где последняя производится [59, 247]; характерно, что в византийское время προσκυνητήριον — языческий храм. Другая параллель набатейскому msgyd' — προσκύνημα [44, 665] с тем же значением. Не исключено, что и в остальных случаях масгида — нечто вроде часовни, сооружение, в котором производилось богослужение.

Набатеи приносили в жертву крупный и мелкий скот, поливая алтари, как показывает приводившееся выше сообщение «Суды», и, возможно, бетэли жертвенной кровью. Важным элементом культа было сакральное пиршество; предполагалось, что бог, которому отдается лучшая доля угощения, принимает в пиршестве непосредственное участие.

Само собой разумеется, у набатеев существовало жречество: известен соответствующий арамейский термин kmr' (CIS, II, 170) и по набатейским граффити с Синайского полуострова — арабский khn (CIS, II, 506, 526, 608, 611 и т. д.), а также 'pkl' (CIS, II, 198), вошедший в арамейский из шумерского языка (ab-gal) через посредство аккадского (apkallu).

В надписях из Петры и ʿОбодата засвидетельствованы и культовые коллегии mrzḥ, в том числе коллегия почитателей Душары (RES, 1423) [127, 1963, 113; 56, № 73]. Их целью было, по крайней мере официально, устройство священных трапез, и, следовательно, они должны были быть тесно связаны с культом на «высотах»; генетически эти коллегии, видимо, восходят к объединениям типа мужских союзов. Они могли, очевидно, выступать и как политические организации, чему в немалой степени мог способствовать их религиозный авторитет.

ГЛАВА IX

НАБАТЕЙСКАЯ КУЛЬТОВАЯ АРХИТЕКТУРА[1]

Изучение памятников набатейской архитектуры — надгробных сооружений, развалин храмов — показывает, что набатейское общество усваивало приемы и стили, выработанные ближневосточными доэллинистическими и эллинистическими и собственно греко-римскими мастерами, приспосабливая их к выполнению тех идеологических задач, которые ставили и решали набатейские жрецы и цари. Монументальные, подавляющие своею пышностью и торжественностью храмы и мавзолеи должны были подчеркнуть величие набатейских богов и царей, пытавшихся встать на один уровень со своими египетскими и сирийскими эллинизованными соседями, а затем утвердить свою самостоятельность перед лицом римской экспансии. Усвоение эллинистическо-ближневосточного стиля должно было показать всем, что набатеи перестали быть «варварами», усвоили эллинистическую культуру и с полным правом вошли в ту культурную общность, которая начала складываться в Передней Азии после завоевательных походов Александра Македонского.

I

Наиболее удобным кажется начать характеристику набатейской культовой архитектуры с обзора погребальных сооружений, прежде всего потому, что они дают возможность судить о различных направлениях и стилях набатейского строительного искусства, которые должны были отвечать вкусам широких кругов набатейского общества. В то же время для погребальных сооружений характерны определенный консерватизм и традиционность; здесь отчетливо проявляются и местные истоки, и взаимосвязанность различных стилей.

Для увековечения памяти умерших набатеи воздвигали надгробные памятники, называемые обычно в надписях «нефеш» (npš) —«душа»; они, очевидно, должны были олицетворять, воплощать в себе душу, т. е. личность умершего. Обычно нефеш изготовлялся в виде небольшой, часто усеченной, пи-

[1] Краткую характеристику набатейской архитектуры дал А. Негев [126, 27—31].

рамиды, напоминая, таким образом, по своему внешнему виду бетэль. В Петре встречаются три типа таких памятников: нефеши, лишенные фундамента; нефеши на пьедесталах; нефеши на постаменте [55, 77—78].

Пожалуй, из памятников этого рода наиболее известно так называемое надгробие с обелисками, находящееся в пункте адж-Джрада (отсюда и его арабское наименование Хирбет адж-Джрада) на правом берегу Вади-Муса, в Петре. «Надгробие с обелисками» построено, вероятно, во II—I вв. до н. э.; основанием для такой датировки служит, по мнению Ж. Старки [164, 886—1017], то обстоятельство, что оно расположено неподалеку от храма Душары, где имеются посвящения, датированные приблизительно 100-м годом до н. э. По обе стороны от ниши, имитирующей вход в погребальную камеру, установлены на высоких постаментах четыре пирамиды (по две с каждой стороны). Самая высокая из них, очевидно олицетворяющая отца семейства, превышает семь метров; соотношение стороны основания и длины, по измерениям Г. Дальмана, 2 : 7. Пирамиды расположены на площадке, вырубленной в скале над собственно погребальной камерой; к ним вела лестница, от которой сохранились 14 ступеней; с трех сторон пирамиды окружены отвесными стенами [55, 110—111].

Имелись нефеши и другой формы. Неподалеку от «надгробия с обелисками», в долине ручья Саль ад-Дара, находятся три массивных куба из желтого песчаника. Два из них (первый и второй, считая слева) расположены перед входами в погребальные камеры: первый — 5,3×5,3×6,3 *м*, второй — 4,5 × 4,5 × × 4,5 *м*. Второй куб находится на постаменте с тремя ступенями общей высотой 1 *м*; сверху на нем уложена плита высотой 1 *м*. Третий памятник не связан с погребальной камерой; по мысли Г. Дальмана, это — кенотаф. На каждой его стороне видны изображения двух полуколонн и двух четвертьколонн, над ними — балок, и еще выше, над искусственно закрепленным на камне карнизом, находится аттик. Все сооружение завершается искусственно закрепленным карнизом [55, 105—106]. Очевидно, перед нами два алтаря и нефеш своеобразной формы (третий куб).

Вопрос о происхождении нефешей пока не решен. Указывают на их архитектурную близость к некоторым погребениям Среднего и Нового царств в Египте, в частности к погребальным комплексам Фиванского некрополя [177, II, 358—368]. По-видимому, какие-то египетские прототипы реально существовали. В то же время нельзя не учитывать и широкого распространения памятников этого типа по всему Переднеазиатскому Средиземноморью.

Погребения набатеи устраивали в камерах, которые они для этой цели высекали в скалах. Размеры камеры зависели от того, для скольких человек она была предназначена; саркофаги устанавливались в специальных нишах. Погребальные камеры должны были имитировать пещеры, где древнейшие семиты обычно хоронили своих мертвецов. Как правило, они объявлялись священными и заклятыми (ḥrm), посвящались богам и им придавался тот же статус, что и объектам, посвященным Душаре и другим богам.

Принятая в настоящее время классификация фасадов набатейских погребальных камер [2] разработана А. фон Домашевским [44, I, 137—138] на основании изучения надгробных сооружений Петры. Он выделяет следующие типы: фасады-пилоны (по определению А. Жоссена и Р. Савиньяка — погребения с зубчатым орнаментом); погребения со ступенчатыми зубцами, среди которых, в свою очередь, различаются погребения с гладким фасадом; погребения с пилястрами на фасаде (тип прото-Хегра); погребения с пилястрами по углам фасада и с аттиком между архитравом, покоящимся на угловых пилястрах, и архитравом, поддерживающим ступенчатые прямоугольные треугольники (тип Хегра). Фасады этой группы с четырьмя пилястрами и четырьмя четвертьпилястрами на аттике он относит уже ко времени римского господства. К последним примыкают фасады с арками. Наконец, последний тип фасадов — с треугольным фронтоном (погребение типа римского храма). А. фон Домашевский видел в этой классификации не только типологию фасадов, но и указание на последовательные этапы развития, эволюцию стилей. Однако если памятники из Петры не имеют датировок, то погребальные сооружения из Хегры, как правило, датированы. Их исследование позволило А. Жоссену и Р. Савиньяку прийти к выводу, согласно которому попытка А. фон Домашевского установить пути развития архитектурных форм и стилей не привела к надежно обоснованным результатам: в Хегре на протяжении небольшого отрезка времени не только сосуществуют различные типы фасадов; более поздние, по мнению А. фон Домашевского, фасады хронологически более ранние [96, 1909, 388—392].

---

[2] Супруги Хорсфилд [94] и вслед за ними С. А. Кауфман [10, 129—151] полагают, что бóльшая часть высеченных в скалах Петры пещер, которые обычно рассматриваются как погребальные, в действительности были жилыми домами, а ниши, устроенные в стенах,— чем-то вроде стенных шкафов. В принципе, конечно, такую возможность исключить нельзя; показательно, однако, что во всех случаях, когда подобные сооружения сопровождаются надписями, речь идет о гробницах. Традиционная точка зрения кажется поэтому при современном состоянии источников наиболее обоснованной.

Серьезной критике построения А. фон Домашевского подверг и О. Пухштейн [141, 3—46]. Основываясь на публикациях А. Жоссена и Р. Савиньяка, он показал, что принятая А. фон Домашевским хронология не точна. Единственный пункт, в котором О. Пухштейн согласен со своим оппонентом,— датировка фасадов типа Хегра первыми десятилетиями I в. н. э., исходя из надписей, относящихся к соответствующим погребениям. К началу I в. н. э. собственно набатейские «пилоны» с одним и двумя рядами ступенчатых пирамид, а также погребения со ступенчатыми пирамидами должны были, по его мнению, выйти из моды; уже существовал тип Хегра; в I в. н. э. господствовали эллинистические стили. В связи с этим О. Пухштейн считает фасад типа Хегра привнесенным в Набатею извне, ответвлением переднеазиатско-эллинистического стиля, развившегося преимущественно на египетской основе; тип прото-Хегра, по наблюдениям О. Пухштейна, появляется позже, чем тип Хегра.

Интересны наблюдения О. Пухштейна, основанные на хронологической классификации тех памятников, надписи на которых сохранили имена строителей. Он сумел проследить творческую судьбу двух поколений одной семьи архитекторов из Хегры — потомков ʿАбдʿободата. Сыновья последнего, Вахбаллахи, ʿАбдухаретат и Ифтах, участвовали в строительстве погребений типа, приближающегося к прото-Хегре, а также типа Хегра. В 31 г. н. э. появляется представитель второго поколения этой семьи ʿАбдʿободат сын Вахбаллахи. Они работали и вместе с другими архитекторами. В 26 г. н. э. Ифтах сын ʿАбдʿободата совместно с Халифуллахи, а в 27 г. н. э. вместе с Хуру построил две гробницы типа Хегра, в 42 г. н. э. один соорудил погребения типа прото-Хегра, а в 50 г.— типа Хегра. Халифуллахи, работавшему с Ифтахом, принадлежит и самостоятельная постройка (усыпальница типа прото-Хегра), Хуру в 31 г. также выступает как самостоятельный мастер (фасад типа Хегра; впервые применены анты с четвертьколоннами).

Своя схема развития набатейской архитектуры (собственно, архитектуры Петры) предложена Г. Дальманом [55, 47—48]. Он выделяет в ее истории три периода. Первый — собственно набатейский, когда наблюдается подражание домам и башням, увенчанным зубцами; подобные сооружения известны в Центральной Аравии. Второй (эллинистический) характеризуется внедрением новых форм орнамента (при этом ощущается явное влияние греческих и в какой-то степени египетских образцов), созданием «набатейской» (у Г. Дальмана — петрейской) капители и превращением зубцов в лестничный орнамент. Тре-

тий период — римский, когда в подражание греко-римским храмам распространяются фронтоны (после 106 г. н. э.). Эллинистический период начался, возможно, царствованием Ареты III Филэллина, а собственно набатейский должен быть отнесен к III—II вв. до н. э. Этому, как считает Г. Дальман, предшествовал период, когда архитектурного стиля у набатеев вообще не было. Однако мы не располагаем материалом для суждений о набатейской архитектуре до III в. до н. э. Нет пока и достаточных данных для того, чтобы судить о времени возникновения той или иной архитектурной манеры. Поэтому па нынешнем этапе изучения набатейского искусства представляется правильным ограничиться формальной классификацией, а за основу характеристики принять памятники, открытые в Хегре, позволяющие составить более полное и разностороннее представление о набатейских погребальных камерах, чем материалы из Петры, хотя последние и более многочисленны.

Для фасадов-пилонов характерно наличие так называемого зубчатого орнамента в один или два ряда. Каждый его элемент представляет собой ступенчатый треугольник, имитирующий зубцы крепостных стен и башен; по бокам изображались ступенчатые прямоугольные треугольники. От остальной части фасада зубцы отделялись карнизами.

Сооружения с одним рядом зубцов, открытые в Хегре, не датированы. Среди них могут быть выделены погребения с гладким фасадом, а также с пилястрами по обоим краям фасада. Пилястры завершаются суживающейся книзу капителью, лишенной каких бы то ни было украшений; они несут на себе тяжесть верхнего ряда зубцов. Один из фасадов орнаментирован: над входом в погребальную камеру изображен диск, а на нем роза; справа и слева от входа стоят, отвернувшись, львы с поднятой передней лапой. Здесь же, в Хегре, найдены погребения с двумя рядами зубцов — также либо с гладким фасадом, либо с пилястрами по краям. На фризе одного из них между рядами зубцов — изображение мужской головы с бородой (божества?), а по бокам от нее—двух роз. Вход в погребальную камеру другого мавзолея подчеркнут пилястрами, плавно переходящими в арку. Непосредственно над входом под аркой хорошо сохранился орел, а над аркой — посредине и у обеих оконечностей — урны [96, 308—322].

Фасады-пилоны с одним рядом ступенчатых зубцов имеются и в Петре. Здесь широко распространен гладкий фасад с карнизом над входом. Только в нескольких случаях суровая простота этих сооружений нарушается пилястрами с «набатейской» капителью по обе стороны входа с капителями без украшений [44, I, 138—140].

Другой тип фасадов — так называемые погребения с лестницами. Их главный отличительный признак — фриз, по углам которого над глубоким желобом высечены массивные ступенчатые прямоугольные треугольники (отношение высоты к длине 1 : 2). Было бы очень соблазнительно видеть в этих погребениях вариант построек со ступенчатыми зубцами; оставлены только полузубцы по краям и увеличены их размеры, так же как и размеры ступеней.

В Хегре среди них выделяются гладкие фасады (в одном случае с симметрично расположенными розами), фасады с пилястрами по краям и архитравом (пилястры завершаются капителями без украшений либо «набатейскими» капителями; входы с пилястрами и либо с карнизами, либо с фронтонами), фасады с пилястрами по углам (капители —«набатейские») и — между архитравами — аттиком (вход в погребальную камеру выделен пилястрами и фронтоном). На фасадах часто изображаются орел и урны. На фронтоне одного из погребений все пространство тимпана занято маской (ритуальной?), изображающей лицо человека, и двумя змеями. Особое место занимают погребения Байт аш-Шайх с четырьмя пилястрами, имитирующими колоннаду; кроме этого, в одном случае аттик занят четырьмя укороченными пилястрами [96, 322—385]. Фасады такого же типа имеются и в Петре, в том числе и с четырьмя пилястрами. Особенно интересны погребения № 676 и 649 (по А. фон Домашевскому), вход в которые украшен фронтоном (пилястры с «набатейской» капителью; непосредственно у входа — пилястры с архитравом и аттиком) [44, I, 146—156].

Происхождение набатейских погребальных сооружений пока неясно. Едва ли можно оспаривать предположение, согласно которому их создатели стремились воспроизвести внешний облик жилых домов и башен, завершавшихся свободно стоящими ступенчатыми зубцами или расположенными по углам «лестницами» [35, 12—16]. В этих мотивах, засвидетельствованных, в частности, среднеассирийскими печатями [63, 68, а также 118 и 178; 109, фиг. 16] [3], видят отражение ассирийско-персидского влияния, которое проникло в Набатею через финикийское посредничество. В качестве параллелей привлекают дома башенного типа из Южной Аравии, а также погребальные башни Пальмиры [164, 886—1017]. Как известно, стены со ступенчатыми зубцами сооружались и средневековыми арабскими архитекторами; можно указать, например, на соборную мечеть в Кордове и на мечеть Ибн Тулуна [53]. Подобные стены —

---

[3] За ценные указания по данному вопросу автор приносит благодарность И. М. Дьяконову и В. К. Афанасьевой.

у дворца наджранского эмира, а также на укреплениях в Наджране [113, табл. II и 17]. Набатейские погребения указывают, может быть, тот источник, из которого более поздние строители на Аравийском полуострове заимствовали некоторые архитектурные мотивы и передали их последующим поколениям [4].

Как можно видеть, важным элементом архитектурного убранства погребальных сооружений были пилястры с «набатейскими» капителями. С точки зрения А. фон Домашевского [44, I, 166], который исходил главным образом из того, какое впечатление они могли произвести на зрителя, т. е. в конечном счете из субъективных ощущений, эти капители были «испорченными», очевидно сравнительно с классическими греческими образцами, и могли получить более изящную форму только благодаря штукатурной отделке [ср. 164, 886—1017].

Г. Дальман [55, 267—269] иначе подошел к этой проблеме. Он указал, во-первых, на то, что песчаник, служивший набатеям важнейшим строительным материалом, не мог подвергаться «чрезмерно пластической» обработке, так как выветривание нарушило бы композицию. Во-вторых, «набатейские» капители предназначались преимущественно для пилястр, и поэтому, чтобы они не исчезли на скальном фасаде, необходима была такая трактовка, которая усилила бы тени, отбрасываемые отдельными деталями. Наконец, архитекторы и каменотесы в Набатее не хотели слепо подражать греческим образцам. Они стремились создать нечто оригинальное, и эта цель была достигнута: используя в качестве основы абак коринфской капители, архитектор изгибает волюты в обе стороны от пилястры, а коринфскую розетку заменяет выступом на верхней оконечности. Объяснение Г. Дальмана также сводится к тому, что «набатейская» капитель представляет собой упрощение и местную интерпретацию греческого, в данном случае коринфского, образца [5]. Однако не исключено, что прототипом «набатейской» капители был местный вариант жертвенника с «рогами».

Набатейские надгробные сооружения при всей консервативности их внешнего облика обнаруживают более или менее ощутимое влияние эллинистических образцов; речь идет о внедрении пилястр (и в том числе имитаций колоннад), архитравов и ионийских, а также коринфских фронтонов. Об эллинистическом влиянии свидетельствуют и погребения, вход в

---

[4] К. Ватцингер видел в «погребениях с лестницами» отражение погребальной камеры, верх которой напоминал алтарь, изготовленный в «финикийско-египетском» стиле [35, 27]. Как видим, и этот исследователь исходил из представлений о существовании мотивов, общих для всего Ближнего Востока.

[5] Ср. аналогичную точку зрения С. А. Кауфман [10, 161].

которые обрамлен пилястрами, либо плавно переходящими в арку, либо отделенными от арки архитравом и карнизами. Сирийские по своему происхождению, они встречаются, хотя и редко, как в Хегре [96, 386—387], так и в самой Петре [44, I, 156].

Значительно более эллинистическими по своему облику являются так называемые мавзолеи-храмы. А. фон Домашевский полагал, что сооружения этого типа относятся ко времени после присоединения Набатеи к Риму [44, I, 137—188]. Однако О. Пухштейн [141, 27—34] и К. Ватцингер [35, 92—94] показали, что отсутствие мавзолеев-храмов в Хегре не дает оснований считать, что их не было в Петре уже в I в. н. э. В пользу такого заключения свидетельствуют, во-первых, присутствие отдельных, упоминавшихся выше элементов храмового фасада в Хегре и в Петре уже в I в. н. э. и, во-вторых, исследование основных составных частей фасада важнейших памятников этой группы, выявившее их эллинистический характер. Эти соображения позволили Ж. Старки присоединиться к О. Пухштейну и датировать наиболее примитивные мавзолеи-храмы царствованием Ареты IV [164, 961].

Наиболее известен «мавзолей со львами» (№ 452 по А. фон Домашевскому) [44, I, 164; 141, 28]. Он напоминает, как заметил О. Пухштейн [141, 28], дорийско-коринфские погребения. Угловые пилястры, переходящие в четвертьколонны, завершаются здесь «набатейскими» капителями с довольно простым пока еще растительным орнаментом, в котором нетрудно разглядеть подражание коринфским образцам; с их более усложненным вариантом мы встретимся, когда речь пойдет о Хазне. Над капителями расположены анты и между ними выступ — своеобразная имитация опорной балки,— на котором лежит архитрав. Над пилястрами изображены головы Медузы, а между триглифами щиты, напоминающие патеры; на краях и вершине фронтона расположены урны; тимпан целиком занят изображением осьминога. Вход в погребальную камеру выделен пилястрами с гладкими капителями; по обе стороны от входа на фасаде высечены поднявшие лапу настороженные львы, охраняющие покой умершего и неприкосновенность мавзолея.

К этому мавзолею по времени близки и два мавзолея из окрестностей Вади-Фаласа (№ 258 и 239 по А. фон Домашевскому). Из них по исполнению более просто погребение № 258: угловые пилястры, переходящие в четвертьколонны, и полуколонны с «набатейскими» капителями создают впечатление прочной колоннады, держащей массивный архитрав, дорическо-коринфский фронтон и аттик; по бокам у входа поставле-

ны пилястры с «набатейскими» капителями, а над ними — архитрав, между триглифами которого размещены гладкие щиты и фронтон. Мавзолей № 239 (так называемый мавзолей со статуями) точно воспроизводит предыдущий, однако с одним существенным дополнением: между пилястрами и полуколоннами здесь вырублены три ниши. В центральной нише архитектор поместил статую воина в римской одежде; по предположению А. фон Домашевского [44, I, 160], это либо центурион, либо военный трибун (иначе говоря, добавим мы, человек, занимавший относительно низкое положение в римской служебной иерархии). В боковых нишах, по-видимому, изображены его сыновья, обнаженные и героизированные; впрочем, на статуе справа можно обнаружить следы хитона и на правом плече — ремня для ножен меча. Если прав О. Пухштейн, по мнению которого отделка обоих мавзолеев не имеет специфически римских черт [141, 31], «мавзолей со статуями» принадлежал римскому ветерану набатейского происхождения, который после службы вернулся на родину. Поразительное сходство обоих сооружений наводит на мысль, что они созданы если и не одним мастером, то, во всяком случае, архитекторами, принадлежащими к одной и той же художественной школе [164, 961].

Перед «мавзолеем со статуями» находится триклиний, высеченный в песчанике, так называемый пестрый зал (№ 235 по А. фон Домашевскому). В 1934 г. здесь была отрыта скамья, на которой размещались пирующие [14, 961—962]. В стенах этого помещения устроены ниши («фальшивые окна», по выражению Ж. Старки [164, 962]), отделенные одна от другой богато каннелированными полу- и четвертьколоннами с египетскими [44, I, 158; иначе 164, 962] капителями. Перед входом в помещение одна из ниш предназначалась либо для статуи божества, либо для статуи погребенного. Очевидно, в зале происходили пиршества, бывшие составным элементом набатейского заупокойного культа. Как полагал К. Ватцингер [35, 75—94], между этим триклинием и «мавзолеем со статуями» находился двор с портиками, соединявший оба помещения. Со всем этим комплексом К. Ватцингер связывает «погребение-сад» (№ 244 по А. фон Домашевскому). Вход в него оформлен пилястрами и между ними свободно стоящими колоннами с «набатейскими» капителями, на которых покоится гладкий фриз.

Оформление входа в «мавзолей с урной» (№ 722 по А. фон Домашевскому; на восточной стене цирка Петры) до известной степени напоминает «мавзолей со статуями». Здесь также устроен двор с портиками, и дорические колонны несут на себе гладкий фриз. Важнейшая архитектурная деталь фасада — угло-

вые пилястры с четвертьколоннами и полуколонны с «набатейскими» капителями. На них расположен тяжеловесный фриз с пилястрами (капители и здесь «набатейские»), как бы продолжающими несущие пилястры, полуколонны и фронтон с гладким тимпаном. Все сооружение увенчивается погребальной урной. Пилястры на фризе делятся двумя карнизами на три части, причем верхняя часть имеет и основания. Между их капителями и фронтоном находится массивный антамблемент; архитектор явно стремился создать впечатление, что и эти пилястры — не только декоративные, но и несущие конструкции. Между пилястрами и полуколоннами нижней части фасада прорублены окна и высечена ниша. Вход в погребальную камеру оформлен пилястрами с «набатейскими» капителями, фризом с триглифами и гладкими щитами, а также фронтоном.

Вся эта композиция, причудливо сочетающая местные и эллинские элементы, несомненно, была рассчитана на то, чтобы создать у зрителя ощущение неповторимого величия и богатства. Не случайно в V в. местный епископ Йасон превратил «мавзолей с урной» в христианский собор, о чем повествует сохранившаяся до сих пор греческая надпись. Первоначально, как предполагает Ж. Старки, «мавзолей с урной» представлял собой «княжеское» погребение; исследователь склонен датировать его временем Малику II [164, 962].

Немного севернее «мавзолея с урной» возвышается «дворец-мавзолей» (№ 765 по А. фон Домашевскому), явно имитирующий общественное сооружение. На его нижнем этаже устроены четыре входа в погребальные камеры, из коих две центральные соединены между собой. Фасады последних также образуют архитектурное единство: они отделены от крайних пилястрами с четвертьколоннами и «набатейскими» капителями. Входы в центральные камеры имеют двойное обрамление: по обе стороны возвышаются пилястры с «набатейскими» капителями и четвертьколоннами, на которых покоятся мощный антамблемент, пересекаемый карнизом, и фронтон. Однако дверь в собственном смысле слова намечена двумя другими пилястрами с «набатейскими» капителями и антамблементом, пересеченным карнизом. Входы в две крайние камеры — меньшего размера; они исполнены также в одинаковой манере и имеют два обрамления. Внешнее обрамление образуют пилястры с четвертьколоннами и «набатейскими» капителями, антамблемент, пересеченный карнизом, и арка. Внутреннее обрамление создают пилястры с гладкими капителями, на которых покоится сложная конструкция — антамблемент, пересеченный двумя карнизами, на краях которого архитектор поместил две «набатейские» капители, поддерживающие несколько поло-

женных одна на другую балок различной длины и толщины. Второй этаж «дворца-мавзолея» имитирует портик: здесь архитектор расположил полуколонны и по краям пилястры с четвертьколоннами; те и другие имеют «египетские» капители. Каждая пара полуколонн и пилястр поддерживает пересеченный карнизом антамблемент, на котором как своеобразное их продолжение возвышаются ведуты — многократно пересеченные карнизами пилястры с «набатейскими» капителями. Третий этаж фасада полностью разрушен; по мнению А. фон Домашевского [44, I, 169], он был сооружен из квадратных плит, так как скала здесь уже отсутствовала. Как полагал Х. Коль [105, 39], третий этаж «дворца-мавзолея» по своему внешнему виду повторял второй.

Сравнение памятников скальной архитектуры в Петре (и прежде всего «дворца-мавзолея») с живописью Помпей позволило Х. Колю [105, 36—43] высказать интересную мысль, согласно которой набатейские архитекторы, как и помпейские художники, пытались доступными им средствами (в данном случае рельефом) создать у зрителя впечатление пространственности изображения, преодолеть плоскостность, неизбежную для фасадов, высекавшихся на скале. Он считает, что собственно переднюю стену «дворца-мавзолея» должны были образовывать, по замыслу архитектора, нижний либо нижний и второй этажи. Однако над каждым этажом оказывается возможным разглядеть сооружения, как бы находящиеся на втором плане. Развивая эти мысли Х. Коля, К. Ватцингер [35, 16—17] считал, что в целом композиция «дворца-мавзолея» должна была создать впечатление того, что за стеной со входами в погребальные камеры находится двор и видна гладкая, лишенная украшений стена дворца [иначе 164, 970].

Вопрос о датировке «дворца-мавзолея» весьма сложен и не может считаться решенным. А. фон Домашевский и К. Ватцингер связывают его постройку с усвоением в странах Передней Азии так называемого эллинистического барокко во II в. н. э. Однако не исключено и другое решение. Ж. Старки [164, 965] указывает на следующие обстоятельства. Фасад «дворца-мавзолея» напоминает фасады парфянских дворцов, которые также имитируют портики, располагая их один над другим; две колоннады — одна над другой — характеризуют и стою пергамского царя Аттала II (159—138 гг. до н. э.) в Афинах. Чередование эдикул с аркой и фронтоном наблюдается в убранстве храма Дианы в Ниме (царствование Августа); это обстоятельство отметил уже Х. Коль [105, 30], на которого ссылается Ж. Старки. В связи с этим Ж. Старки склонен отнести «дворец-мавзолей» к концу I в. н. э.

Наиболее известным и наиболее значительным погребальным сооружением в Петре является Хазне (иначе Хирбет адж-Джрада; № 62 по А. фон Домашевскому), расположенная в восточной части Сика, непосредственно у въезда в город. Свое название она получила потому, что бедуины полагали, будто в урне, установленной на этом памятнике, находится сокровищница (ḫazna) фараона [56, 59—78].

Нижний этаж этого монументального сооружения напоминает греческий храм. Шесть коринфских колонн (одна из них — третья слева — в настоящее время отсутствует) поддерживают невысокий фриз, на котором между элементами растительного орнамента попарно изображены грифоны, опирающиеся поднятой лапой на вазу. Над четырьмя центральными колоннами фриз несколько выдвинут вперед, и над этой частью помещен фронтон, тимпан которого целиком занят растительным орнаментом. В центре тимпана находится барельеф орла. На акротерии, очевидно, был помещен символ Исиды — солнечный диск с рогами. Между двумя правыми и двумя левыми колоннами архитектор расположил рельефные изображения Диоскуров. Над фризом, по обоим его краям, видны изображения львов. Пройдя за колонны в глубь этого своеобразного пронаоса (притвора), можно было оказаться перед входом в центральную погребальную камеру, к которой вела лестница из семи ступеней. Над этим входом был сооружен массивный карниз. Слева находился вход в меньшую по размерам боковую камеру. По обе стороны входа были расположены пилястры с коринфскими капителями, поддерживающие невысокий антамблемент и над ним резко выдающийся вперед карниз с резными украшениями, напоминающими растительный орнамент. Справа был, видимо, такой же вход в другую боковую камеру. По углам пронаоса высечены пилястры с коринфскими капителями.

Первое, что бросается в глаза на верхнем этаже Хазне,— ротонда (толос), завершающаяся урной, и по бокам два полуфронтона, покоящиеся каждый на паре коринфских полуколонн и антамблементе с растительным орнаментом. Аналогичные полуколонны имеются и в глубине этажа, по обе стороны от толоса, а также на самом толосе; растительный орнамент антамблементов также продолжается в глубине этажа и на толосе. Центральная фигура, изображенная здесь на лицевой стороне толоса,— Фортуна (Тюхе), держащая в правой руке патеру, а в левой — рог изобилия. По бокам, непосредственно над Диоскурами, находятся изображения амазонок. В глубине, по обе стороны толоса, на стенках, обращенных к зрителю, высечены рельефы Победы (Нике); кроме того, на самом толосе и на боковых стенках, по всей видимости, изображены менады. Над

каждым полуфронтоном над наружным углом виден барельеф орла и над оконечностью, обращенной к толосу,— какого-то трудно определимого животного.

Как справедливо и многократно отмечалось в исследовательской литературе, Хазне — один из самых загадочных памятников античности. Хотя его назначение как погребального сооружения в общем уже не вызывает сомнений [6], остается еще много нерешенных вопросов — о его стиле и датировке, о характере эллинистическо-египетских и эллинистическо-ближневосточных влияний, которые нашли в нем свое отражение, о контактах с искусством Средиземноморского бассейна в целом. Уже Ф. Студничка [169, 67] предполагал наличие каких-то селевкидско-переднеазиатских параллелей. Х. Тирш [174, 66—67] с неменьшим основанием указывал на египетские параллели, в частности на те элементы в отделке гробниц, которые развились в Александрии. По его мнению, многочисленные женские фигуры на фасаде, типичная корона египетских цариц на акротерии главного фронтона, орлы и Диоскуры — словом, все детали отделки не содержат ничего такого, что не подошло бы для гробницы Клеопатры. А. фон Домашевский также считает, что прообраз Хазне следует искать в Египте [44, I, 182].

Решение этого вопроса во многом зависит от результатов исследования второго этажа Хазне, которое привело, однако, к созданию двух концепций. Х. Коль [105] полагает (с нашей точки зрения, обоснованно), что верхний этаж Хазне должен был, по замыслу архитектора, представить зрителю сооружение, находящееся как бы на втором плане, за главным входом,— толос во дворе, ограниченном портиками. Однако здесь в отличие от «дворца-мавзолея» они изображены в натуральную величину. В основу гипотезы Х. Коля положено сравнение Хазне с дошедшими до нас образцами римского изобразительного искусства. Предшественником Х. Коля был Хитторф [83, 1—18], который привлек для сравнения одно изображение (по его мнению, храма Эскулапа) в Доме Лабиринта, в Помпеях, где виден толос во дворе, вход в который образуют два полуфронтона, покоящиеся на колоннах. Х. Коль сопоставляет Хазне также с одной картиной из виллы Боскореале (Италия), где изображен толос посреди двора, образованного портиками; на переднем плане и здесь виден фронтон на четырех каннелированных коринфских колоннах. Отсюда должно следовать, что архитектор Хазне руководствовался образцами, близкими к изображениям в Доме Лабиринта и в вилле Боскореале, т. е.

[6] А. фон Домашевский полагал, что Хазне — храм Исиды [44, I, 185]. Однако эта точка зрения не получила сколько-нибудь широкого распространения.

работал в манере, распространенной не только на Востоке, но и в Западном Средиземноморье, в частности в Италии.

Ж. Старки, однако, считает сомнительным, чтобы создатель Хазне мог следовать образцам современной ему живописи. Он думает [164, 969—970], что единственно возможным является предположение, согласно которому в Александрии (Египет) или Антиохии (Сирия) существовали сооружения с террасами, имевшими портики и в центре толос. Ж. Старки ссылается на описание погребения Клеопатры (Plut., Ant., 75—79; его же упоминает и Х. Тирш), на храм Диониса (Каср-Керун) в Файуме, где терраса имеет «капеллу» на заднем плане и камеру по бокам, а также на «дворец с колоннами» в Птолемаиде (Киренаика). На северном фасаде его большого перистиля, над портиком, находятся три «табернакулы», отделенные друг от друга колоннами и фронтонами, точно соответствующими колоннам и полуфронтонам на верхнем этаже Хазне. По словам Ж. Старки, подобную позицию занимает и Дж. Р. Х. Райт [7].

Концепция Ж. Старки страдает, как нам кажется, рядом существенных недостатков. Во-первых, пока отсутствуют какие-либо материалы из Александрии и Антиохии и исследователь вынужден прибегать к дополнительным предположениям. Во-вторых, те параллели, о которых говорит Ж. Старки, не дают точного соответствия верхнему этажу Хазне. Изображения в Доме Лабиринта и на стене виллы Боскореале более близки к нему, в особенности первое; это обстоятельство заставляет нас предпочесть точку зрения Хитторфа — Коля. Сказанное не означает, что архитектор Хазне подражал непосредственно этим образцам. Создавая свою композицию, он имел в виду хорошо ему известные сооружения, храмы или виллы, широко распространенные в эллинистическо-римском мире. Размещая на верхнем этаже конструкции заднего плана, он воспользовался приемом, выработанным в Петре. При всех обстоятельствах, настенная живопись Дома Лабиринта и виллы Боскореале позволяет установить реальный источник композиции верхнего этажа Хазне и его место в истории эллинистическо-римской архитектуры.

Общий стиль Хазне характеризуется в современной научно-исследовательской литературе как античное барокко. Но уже Дж. Р. Х. Райт обоснованно подчеркивал, что барокко II в. н. э. иногда трудно отличить от так называемого эллинистического искусства: первое является наследником второго. Оче-

[7] К сожалению, статья Дж. Р. Х. Райта, опубликованная в «Annual of the Department of Antiquities of Jordan» (vol. VI—VII, 1962, 24—47), нам недоступна. Мнение этого ученого здесь и далее приводится по [164, 969—971].

видно, этим объясняется и разнобой в датировках — от эллинистического времени [169, I, 67; 55, 152] до II в. н. э. [44, I, 182; 141, 34]. Сам Дж. Р. Х. Райт, сравнивая Хазне с фасадами ряда малоазиатских и сирийских сооружений (Эфесская библиотека, южная агора Милета, театр Аспенда, храмы Ба'албека — все II в. н. э.), присоединяется к датировке памятника II в. н. э.

Исключительно важным представляется в этой связи как для характеристики стилистических приемов набатейской архитектуры, так и для датировки интересующего нас сооружения исследование коринфских капителей Хазне. Как известно, Д. Шлюмберже [157, 288—290] относит их к так называемому инородному типу (капители с растительными мотивами и завитками). По его словам, они не имеют параллелей, в том числе и в александрийском искусстве. Д. Шлюмберже полагает, что возможной родиной этого мотива была Финикия; правда, это суждение он высказывает как гипотезу, кажущуюся ему вероятной.

Тщательное специальное исследование посвятил коринфским капителям Хазне К. Рончевский [146, 38—39]. Выводы, к которым он пришел, сводятся в общих чертах к следующему. Несмотря на значительное сходство с александрийскими капителями, капители Хазне отличаются от них орнаментировкой и обработкой листьев аканфа. Архитектор Хазне в какой-то мере пытался подражать особенностям некоторых александрийских капителей. Однако и приемы италийской орнаментировки не были ему чужды. К. Рончевский полагает, что Хазне должно было быть построено тогда, когда италийские приемы начали проникать на Восток, вероятнее всего, в начале императорского периода. Фасад Хазне резко отличается, по мнению К. Рончевского, от памятников сирийской архитектуры II в. Датировка именно этим периодом, в частности царствованием Адриана, могла бы быть принята только при одном условии: если предположить, что архитектор получил специальное задание подражать более древним образцам.

Исходя из данных, полученных К. Рончевским, наиболее вероятной кажется датировка Хазне I в. н. э. [8]. Для кого предназначалось это погребальное сооружение — для Ареты IV, его первой жены Хулду [164, 971] или иного представителя царской династии либо местной знати,— пока определить едва ли возможно.

---

[8] Ср., однако, точку зрения С. А. Кауфман [10, 174], которая, очевидно, вслед за А. фон Домашевским относит Хазне и «дворец-мавзолей» уже ко времени римского господства.

Формы, аналогичные или очень близкие к формам Хазне, можно наблюдать и на другом архитектурном памятнике — так называемом коринфском мавзолее (№ 766 по А. фон Домашевскому), находящемся на северо-западной стене котловины Петры. Свое название он получил по коринфским капителям его колонн и пилястр. «Коринфский мавзолей» отчетливо делится на три этажа. Нижний этаж образован восемью колоннами, стоящими на высоком фундаменте и поддерживающими изломанный гладкий архитрав; над центральным входом возвышается арка. По обе стороны от центрального входа расположены высокие пилястры, на которых лежит гладкий архитрав с карнизом. Справа от центрального входа между колоннами имеются три двери в боковые камеры. Вход между двумя крайними колоннами увенчан фронтоном, следующий — аркой, что предполагает, по замыслу, известную симметричность, однако ближайший к центральному вход имеет только карниз, а единственный вход слева от центрального не имеет и карниза — это простое, лишенное украшений, прямоугольное отверстие, вырубленное в скале. Создается впечатление незавершенности памятника; архитектор как будто отказался от первоначального проекта.

Архитектура второго этажа несложна: на восьми пилястрах, как бы продолжающих нижние колонны, расположен изломанный гладкий архитрав с карнизом; в центре видны два полуфронтона. Верхний этаж повторяет композицию верхнего этажа Хазне, однако здесь отсутствуют скульптурные изображения, а на фронтоне высечены, чередуясь, щиты и триглифы. По-видимому, архитектор пытался передать изображения не только первого (нижний этаж), но и второго и третьего планов. Вопрос о датировке «коринфского мавзолея» пока неясен. С нашей точки зрения, наиболее близок к истине Ж. Старки, считающий, что устройство здесь нескольких погребальных камер может быть объяснено, если памятник рассматривать как «княжеское погребение» и соответственно отнести его к I в. н. э. [164, 971]. Однако его стилистическая близость к сооружениям II в., в частности к погребению Секстия Флорентина (см. ниже), делает возможной и более позднюю датировку.

К этой же группе относится и двухэтажное погребение ад-Дер (№ 462 по А. фон Домашевскому) на западном плато. Его нижний этаж составляют шесть полуколонн и по краям пилястры с четвертьколоннами (капители «египетские»), несущие изломанный архитрав. Вход в погребальную камеру образован пилястрами с двойным архитравом и фронтоном. По обе стороны мавзолея между двумя крайними полуколоннами устроены ниши с арками и высокими постаментами, очевидно,

для нефешей или изображений богов. Верхний этаж напоминает Хазне, однако по краям видны пилястры с четвертьколоннами (капители «набатейские»), а между колоннами, обращенными к зрителю,— ниши с постаментами. Близость этого памятника к Эфесской библиотеке (около 115 г. н. э.) позволила Ж. Старки датировать его последними годами царствования Раббэля II [164, 972].

Наконец, должен быть упомянут фасад триклиния (№ 34 по А. фон Домашевскому), находящегося под «мавзолеем с обелисками». Здесь верхний этаж с толосом отсутствует, однако в целом фасад напоминает нижние этажи «коринфского мавзолея» и мавзолея ад-Дер. Основу фасада составляют шесть массивных пилястр с четвертьколоннами и «набатейскими» капителями; архитрав пересечен карнизами; по бокам, над первой и второй пилястрами, с каждой стороны видны полуфронтоны, а над входом в центре, лишенном каких-либо украшений,— арка. Второй этаж (здесь также, видимо, конструкции второго плана) — это шесть «карликовых» пилястр, продолжающих пилястры нижнего этажа, на которых помещен изломанный архитрав с двумя полуфронтонами, обрамляющими арку.

Рассмотренный выше материал показывает, что в Набатейском царстве в результате взаимодействия местных доэллинистических и переднеазиатских эллинистических традиций сложился свой, неповторимый архитектурный стиль. В одних случаях строители более последовательно придерживались собственных, исконных принципов, в других — успешно воспринимали тысячелетнее наследие греческих мастеров. Восприятие последнего не приводило к забвению своего, набатейского мастерства. Оно сохраняется архитекторами Петры и после утраты политической независимости. Достаточно указать на мавзолей легата провинции Аравии Секстия Флорентина (царствование Адриана), где мы по-прежнему наряду с арками и фронтонами видим пилястры с четвертьколоннами и полуколоннами с «набатейскими» капителями, и орла, и урну, завершающую всю конструкцию (№ 763 по А. фон Домашевскому). Как и раньше, архитектор изображает на втором этаже то, что зритель по идее должен был бы видеть на втором плане, за аркой,— колоннаду с фронтоном. Гробница Секстия Флорентина с наибольшей отчетливостью воплотила в себе тот синтетический стиль, возникновение которого было результатом длительного развития набатейской скальной архитектуры.

II

Архитектура набатейских храмов известна, как уже говорилось выше, прежде всего благодаря открытию развалин сак-

рального комплекса в Си' (Хауран), включавшего святилища Ба'алшамена и Душары, раскопкам храма в Хирбет-Таннуре, тщательному изучению «Замка фараона», а также исследованию 'Ирама (совр. ар-Рамм) и ряда других пунктов.

Культовый комплекс в Си' возник, по-видимому, почти целиком в период набатейского господства в данном районе. Строители, несомненно, избрали для своих целей место, уже ранее почитавшееся местным населением как жилище богов [10, 165]. Восприняв сирийский культ Ба'алшамена, набатеи сделали все возможное и для того, чтобы ввести здесь почитание своего собственного бога Душары и тем самым идеологически обосновать и закрепить свою власть.

Храм Ба'алшамена в Си' был расположен на небольшом отроге горного массива, к которому вела плавно подымавшаяся широкая мощеная дорога. Идя по ней, путник оказывался перед «римскими» трехпролетными воротами и, миновав их, попадал в большой длинный притвор. Затем, на более высоком уровне, он проходил еще один притвор и только после этого видел перед собой вход в храм Ба'алшамена, а слева — храм Душары.

Важнейшей частью храма Ба'алшамена был так называемый театрон — окруженная спереди и с боков колоннадой площадка, где на открытом воздухе совершались ритуальные церемонии. Вход в театрон — почти квадратный проем с широким многорядным наличником и арка с орнаментированным наличником и бюстом под щипцом. Бюст изображает, судя по всему, самого Ба'алшамена с венцом из солнечных лучей (каменных призм) вокруг головы [10, 171]. Устои портала были украшены филенками с узором, изображающим кору финиковой пальмы; они завершались либо изображениями орлов, найденными поблизости (так думал С. Х. Батлер), либо растительными капителями с завитками, изображающими гроздья плодов (мнение С. А. Кауфман) [10, 169]. По бокам проема в портальной нише были расположены связанные со стеной пьедесталы, которые как бы поддерживались громадными листьями типа аканфовых.

Самый храм Ба'алшамена имеет квадратную конфигурацию. При постройке архитектор предусмотрел проход между стенами храма и наружными стенами всего комплекса. Внутри здания находилась камера, построенная из сравнительно небольших тесаных блоков; на наличниках внутренних дверей, ведших в эту камеру, видны изображения виноградной лозы с широкими листьями и свободно вьющимися стволами. Эта камера представляет собой, очевидно, древнейший наос («святое святых») — местопребывание божества. Вокруг нее как своего
 рода футляр между 33 и 13 гг. до н. э. была построена новая

камера из более крупных и более тщательно отесанных блоков. Фасад во всю длину театрона являл собой довольно сложную композицию: портик с двумя колоннами и фронтоном, зажатый между двухэтажными башнями, где находились лестницы на плоскую крышу наоса [9].

Важнейшей, характерной деталью в фасаде храма Душары [46, 79—96] был арочный антамблемент; между двумя профилированными арками проходила еще гладкая третья, полностью соответствующая гладкому фризу здания. Арка опиралась на две простые колонны; по обе стороны от портика были возведены гладкие стены с пилястрами на внешних углах и с полуколоннами на углах, примыкающих к портику; фронтон над аркой и входом завершал фасад храма. Между колоннами и стенами фасада в портальной нише архитектор разместил пьедесталы для статуй богов. Сам храм был, насколько об этом можно судить, квадратным и имел внутренний наос.

Капители обоих храмов — коринфские; однако вместо центральных завитков здесь находилось упрощенное и во многих случаях гротескное изображение человека.

Остатки набатейского храма обнаружены и в Дибоне (совр. Дибан) — одном из древнейших городов Заиорданья, когда-то столице царей Моава [10], а в интересующий нас период едва ли не в самом глухом захолустье переднеазиатского региона [182, 7—20; 175, 6—26; 187, 26—30; 183, 20]. Этот храм набатеи воздвигли там, где прежде стояло святилище Кемоша — бога-покровителя моавитян. Набатеи, разумеется, не случайно продолжили традицию почитания божества именно в данном месте; интересно, что в римское время храм был перестроен, а после победы христианства на развалинах набатейской святыни была воздвигнута церковь. Еще позже здесь было устроено погребение местного шейха.

По своему плану набатейский храм в Дибоне представлял собой ориентированное на север (с небольшим отклонением к западу) прямоугольное сооружение, окруженное с трех сторон, как коробкой, массивной внешней стеной, восточная и западная части которой были выдвинуты на север, где внешней стены не было. Это был, таким образом, храм с антами, воздвигнутый на подиуме высотой около 1,5 *м* с пронаосом, наосом (они разделены стеной, идущей параллельно фасаду; проем в стене открывал доступ из одного помещения в другое) и адитоном с тремя апсидами. До настоящего времени сохранились прямоуголь-

---

[9] Как и С. А. Кауфман [10, 167], мы считаем более вероятной реконструкцию С. Х. Батлера, которой здесь следуем.

[10] Моавитяне — древнейшее (вторая половина II тысячелетия до н. э.— середина I тысячететия до н. э.) население Южного Заиорданья.

ные и круглые базы свободно стоявших колонн, капитель и фрагменты карнизов. Значительный интерес представляют декоративная деталь с крестом, а также обломок базальтового пресса.

Один из древнейших и, как показали раскопки Н. Глюка [74; 68, 178—200], переживший по крайней мере три этапа застройки набатейский храм Хирбет-Таннур был расположен на плоском плато на вершине Джебель-Таннур (древнее название, по-видимому, Хорава) между реками Вади ал-Хаса и Вади-Ла'бани, неподалеку от важных торговых путей и в то же время в стороне от них, в пункте, где во времена господства эдомитян находилось, вероятно, святилище их главного бога Коса. Судя по тому что до нас дошли вотивные надписи в честь последнего, датированные концом I в. до н. э. [120, 237—238], его культ не исчез под властью набатеев и, быть может, был усвоен ими, причем сам Кос мог быть отождествлен с Душарой или Хададом [164, 973]. Удаленный, как замечает Н. Глюк, от суеты повседневной жизни, окруженный многочисленными мелкими святилищами, Хирбет-Таннур, несомненно, играл роль общенабатейского культового центра; в этом отношении с ним могла сравниться, очевидно, только «высота» Зибб Атуф.

Как бы то ни было, не позже I в. до н. э. набатеи расчистили и разровняли плато на вершине Джебель-Таннур и построили там свой собственный наос, ориентированный на восток,— невысокую тесную камеру (Н. Глюк дает размеры — 1,45 × ×1,38×1,75 *м*), сложенную из грубо обработанных известняковых плит, между которыми видны следы красноватой штукатурки, изготовлявшейся из извести, смешанной с остатками битой керамики. У фундамента со всех сторон, кроме северной, находился скошенный плинтус, а у вершины наоса, вероятно, такой же карниз. В этот период своей истории святилище Хирбет-Таннур еще представляло собой «высоту», обычную для сирийско-палестинского региона. Как отмечает Н. Глюк, ориентировка на восток соответствовала древним переднеазиатским традициям; в качестве параллелей он приводит ориентацию Соломонова храма Йахве в Иерусалиме, а также храма в Гиераполисе-Бамбике.

По-видимому, в третьей четверти I в. до н. э. восточная стена наоса, вероятно в результате землетрясения, была полностью разрушена, а северная сильно повреждена. Местные жрецы приняли решение построить вокруг него и над ним новый наос, заключив остатки прежнего в своеобразный футляр. Перед этим площадка, на которой находилась святыня, была выложена известняковыми плитами. Начало этого второго строитель-

ного периода Н. Глюк датирует временем около 7 г. до н. э., основываясь на строительной надписи Нетирэля, «начальника» источника Ла ʿбан (rʾš ʿyn l ʿbn) (8—7 гг. до н. э.) [174, 138].

Стены нового наоса (его размеры 2,1 × 2 × 2,61 *м*) были сложены из изящно отделанных белых известняковых плит; его углы архитектор укрепил пилястрами — скромными (со скошенными базами и гладкими капителями) на западной стене и пышно украшенными (филенки с розетками и побегами виноградной лозы, капители гладкие) — на восточной. Архитрав восточной стены орнаментирован розетками и побегами виноградной лозы; по углам его размещены символические изображения молний; посредине вделана нишка, заполненная раковиной. Между пилястрами в восточной стене имелся большой проем, открывавший древний наос для обозрения. В правой пилястре находится нишка, предназначавшаяся, как полагает Н. Глюк, для неугасимой лампады. Представляется обоснованной мысль Н. Глюка, считающего, что наос служил фундаментом для алтаря; к последнему вела лестница на западной стене. Несколько ступеней этой лестницы были найдены при изучении Хирбет-Таннура.

После создания в 106 г. н. э. провинции Аравии наос был перестроен в третий раз. Как и прежде, над всеми конструкциями была возведена «коробка» (3,65 × 3,40 × 3,20 *м*), оставлявшая открытым восточный фасад более ранних сооружений; у южной стены находилась лестница к алтарю. Следы штукатурки на филенках восточного фасада второго наоса позволяют предполагать, что при перестройке его украшения были скрыты, дабы они не контрастировали с отделкой третьего наоса. Угловые пилястры западной стены повторяют отделку западной стены второго наоса. Зато резко изменился облик восточной стены. Блоки, из которых были сложены ее боковые пилястры, служили одновременно своеобразными постаментами для бюстов богини Атаргатис на фоне раковины. До нас дошли изображения богини с колосом пшеницы (очевидно, в роли покровительницы земледелия), а также с дельфинами вместо венца (как богини моря и покровительницы мореплавания).

Декоративное убранство алтаря (нам известен только алтарь третьего строительного периода) в основном повторяло отделку наоса. По углам его архитектор разместил пилястры, стволы которых украшены розетками и виноградными лозами, с каннелированными четвертьколоннами и коринфскими капителями. В центре капителей над розеткой можно было видеть небольшую головку богини. Н. Глюк предполагает, что алтарь третьего периода в какой-то степени повторяет алтарь второго периода, который имитировал второй наос.

Одновременно с переделкой «святого святых» во второй период происходила постройка величественного сакрального комплекса на Джебель-Таннуре, а в третий период — его перестройка. По своему плану храм Хирбет-Таннур точно соответствует храму Баʿалшамена в Сиʿ. Его основные части — театрон (15,68 × 15,47 *м*) и внутренний храм (10,3 × 3,72 *м*). От сооружений в Сиʿ Хирбет-Таннур отличается, однако, тем, что здесь имелись триклинии.

Широкие ступени вели к воротам в центре восточной стены театрона; по обе стороны проема из стены выступали на одну треть своего диаметра колонны, а справа и слева на равных расстояниях от них находились пилястры. Те и другие были закреплены на аттических базах и завершались «набатейскими» капителями. В северной части этой стены во второй период существовали два боковых прохода, позднее, видимо, заделанные камнем и заштукатуренные. Миновав ворота, паломник оказывался перед портиком, ведшим от восточной стены к собственно храму. Однако здесь его внимание привлекало другое — квадратный алтарь у северо-восточной стены театрона (во второй период сторона его равнялась 2 *м*, а в третий период — 2,45 *м*). Вероятно, именно здесь паломники сжигали свои обычные жертвоприношения, совершая затем в триклинии сакральную трапезу, тогда как в наосе происходили торжественные богослужения общенародного или общегосударственного характера.

Внутренний открытый храм, тот самый, где был расположен наос, со всех сторон окружали массивные (в третий период толщиной от 72 до 85 *см*) стены, сложенные из гладко отесанных каменных блоков. Обе боковые и западная стены имели по четыре пилястры (две в середине и две у краев), а также архитравы. Неподалеку от восточной оконечности южной стены имелся небольшой вход, предназначавшийся, вероятно, для жрецов. Со стороны театрона к восточной стене внутреннего храма вели четыре широкие ступени. Вход в храм подчеркивали две полуколонны; углы стен были закреплены пилястрами; те и другие имели первоначально «набатейские», а после коринфские капители. В третий период к пилястрам были добавлены четвертьколонны. По обе стороны от входа между полуколоннами и пилястрами архитектор устроил ниши, предназначавшиеся, очевидно, для изображения богов и увенчанные архитравами. Последние были украшены двумя розетками, помещенными вперемежку с тремя триглифами; по краям видны небольшие бюсты женского божества. Над входом в храм был помещен тимпан с бюстом Атаргатис, представленной в облике богини плодородия. Все свободное пространство тимпана занимают

розетки и виноградные лозы, фиги и гранаты. Вероятно, над бюстом находился орел — символ Хадада [11]; сидящий и летящий орел — вообще очень часто повторяющаяся деталь художественного оформления Хирбет-Таннура.

Триклинии Хирбет-Таннура, примыкавшие к северной и южной стенам театрона, были построены по плану, обычному для набатеев: войдя, можно было увидеть три скамьи, поднимающиеся над полом, вымощенным каменными плитами. Они тянулись вдоль стен и предназначались для участников священной трапезы — жертвователей и жрецов.

Судя по его убранству, храм Хирбет-Таннур был посвящен Хададу (т. е. Зевсу, или Косу, или, возможно, Душаре) и Атаргатис.

Примерно в шести километрах к юго-востоку от Хирбет-Таннура находился еще один храм в центре набатейского земледельческого поселения, развалины которого ныне называются Хирбет аз-Зарих [74, 48]. В настоящее время известно лишь архитектурное убранство некоторых его деталей: особый интерес представляет рельефное изображение льва на массивной капители пилястры. Хронологически материалы Хирбет-аз-Зариха, очевидно, близки ко второму строительному периоду Хирбет-Таннура.

Менее чем в шести километрах к востоку от последнего, в Зат-Рас, на северном берегу Вади-Хаса, был построен еще один набатейский сакральный комплекс (остатки трех храмов), археологические материалы которого близки — по оценке Н. Глюка [74, 55] — к третьему строительному периоду Хирбет-Таннура [ср.: 44, I, 61—68].

В 33 *км* к северо-востоку от Зат-Рас возвышаются развалины Каср-Рабба (иначе Байт ал-Карм) — набатейского храма с антами, ориентированного на восток [44, I, 381—387]. По мнению Н. Глюка [67, 381—387; 74, 56], он также хронологически соответствует последнему строительному периоду Хирбет-Таннура. Наконец, в 7,5 *км* к юго-востоку от Зат-Рас на вершине Мхайи открыты развалины сторожевой башни и храма [44, I, 70—74].

Важнейшим памятником набатейского храмового зодчества был «Замок фараона» (Каср фир'аун; № 403 по А. фон Домашевскому), или, по другой версии, «Замок дочери фараона» (Каср бинт фир'аун) [105; 188, 8—37; 134, 1—20; 189, 25—40]. Раскопки конца 50-х — первой половины 60-х годов текущего столетия позволили и здесь установить наличие театрона —

---

[11] Ф. Кюмон, однако, считает, что орел в переднеазиатском пантеоне был посвящен солнцу. См. [54, 50—62].

священного участка, простиравшегося примерно на 200 *м* вдоль южного берега Вади-Муса, от монументальной арки (по своему внешнему облику она напоминает римскую триумфальную арку) до здания храма. Насколько об этом можно судить, театрон был обнесен мощными стенами, перед которыми располагались скамьи для зрителей и участников религиозных церемоний. Таково по крайней мере расположение на южной стороне; северная стена разрушена, а западная пока еще не исследована. Непосредственно перед Замком находился почти квадратный алтарь (13,5 × 12 *м*) высотой в современном состоянии около 3 *м*; доступ к нему открывала широкая лестница.

Расположенный в западной части Петры, Замок ориентирован на север. Материалом для его постройки послужил многоцветный, главным образом красноватый, песчаник. Стены его были сложены из прямоугольных плит высотой 40—45 *см*. Х. Коль считает характерной особенностью Замка наличие деревянных балок; по его мнению, сохранение этих деталей, использовавшихся в постройках из необожженного кирпича для подкрепления стен изнутри, объясняется стремлением набатейских мастеров придерживаться древней общесирийской строительной традиции. Снаружи и изнутри стены Замка были оштукатурены; орнаментированы стены были стукком. Остатки штукатурки на южной стене были видны еще в начале текущего столетия, и это обстоятельство (не говоря уже о наличии развалин) дало возможность реконструировать внешний облик здания.

По своему плану Замок, построенный на подиуме, был близок к храмам с антами. Между двумя антами, выдающимися вперед более чем на 10 *м*, находился пронаос, ограниченный с севера четырьмя колоннами, капители которых, к сожалению, не сохранились. Х. Коль реконструирует коринфские капители с виноградными лозами. На уровне колонн анты завершались пилястрами, украшенными плитками с изображениями симметрично размещенных вдоль ствола квадратов, правильных восьмиугольников и кругов. Завершались пилястры книзу длинной гладкой плитой. Колонны и пилястры несли на себе мощный архитрав с триглифами и розетками; завершал всю конструкцию, по-видимому, фронтон. Задняя стена притвора (северная стена целлы) была выложена прямоугольными плитками различных размеров; в нижней ее части по обе стороны от портала, который вел в глубь храма, архитектор штукатуркой имитировал входы в погребальные камеры (которых в действительности не было), последовательно чередуя фронтоны и арки. Эти же мотивы были использованы и в отделке боковых стен храма — по углам пилястры, на них архитрав с теми же украше-

ниями, что и при входе, внизу «входы» во внутренние камеры. В центре южной стены — гладкие пилястры с архитравом и полуфронтонами и над имитацией «входа» одна над другой — две арки. Как бы в отдалении внизу видны две небольшие пилястры с фронтоном. Архитектор, очевидно, стремился создать у зрителей впечатление, будто храм со всех сторон окружен колоннадами.

Через высокий портал в северной стене целлы открывался доступ в широкое прямоугольное помещение (28,89 × 8,62 *м*), внутри которого у южной стены находились три камеры. Здесь, таким образом, очень четко выделяются собственно целла и адитон с тремя апсидами. Их стены также были покрыты штукатуркой. От адитона целлу отделяла сложная двухэтажная конструкция с балконами; нижний этаж адитона был украшен пилястрами, колоннами и двойными архитравами, на которых покоились колонны и пилястры с архитравами и полуфронтонами второго этажа. В центре находился высокий портал с пилястрами и аркой, а над ними, на втором этаже,— также пилястры с архитравом и фронтоном. Через этот портал открывался вход в центральную апсиду, где находилось, вероятно, культовое изображение божества. По-видимому, против восточной стены и, возможно, вокруг храма был построен портик, колонны которого доходили до половины высоты главного здания.

Как отмечают Х. Коль и Дж. Р. Х. Райт, храмы подобного типа (с адитоном из трех камер) имелись в Сирии и Северной Африке, а также в Аравии. Сравнение с храмовыми комплексами Алалаха [186] и Бит-Хилани позволило Дж. Р. Х. Райту показать, что этот план восходит к доэллинистической сирийской традиции. Интересно, что и при постройке христианских церквей сирийские мастера придерживались подобной схемы [38, 142—147]. Этот план получил распространение и в Аравии; Райт указывает на храм в Равафе (Северный Хиджаз) и сабейский храм в Йеха (Эфиопия). По-видимому, сирийским был и другой мотив — устройство портика вокруг храма. Для эпохи, когда был построен Замок, характерно смешение стилей: коринфские капители с ионийскими эпистилем и гейсоном и дорийским фризом. Капители, остатки которых обнаружены в целле Замка, представляют тип, особенно широко распространенный в помпейской живописи второго стиля и в Александрии. Штукатурные украшения храма стилистически близки, как показал Х. Коль, к Помпеям (первый стиль) и Приене. Все эти данные позволяют датировать Замок I в. н. э. Наряду с Хазне он является важнейшим памятником набатейской архитектуры. Замок свидетельствует о том, что набатеи интенсивно

5 Заказ № 1865

воспринимали традиции сирийского эллинизированного искусства, эллинистическую культуру в целом [12].

Кому был посвящен Замок, определить пока не удается, однако не исключено, что Душаре. Во всяком случае, находка в пределах театрона посвятительных надписей II—III вв. на латинском и греческом языках показывает, что Замок даже после создания провинции Аравии сохранял значение культового центра, связанного с почитанием одного из важнейших, а может быть, и самого главного местного бога.

Значительный сакральный памятник набатеев обнаружен и в Ираме к востоку от дороги на ʿАкабу [156, 245—278; 104, 65—92; 164, 978, 981] [13]. Значение этого пункта во многом определялось источником ʿАйн-Шаллала, вблизи которого найдены многочисленные набатейские надписи с упоминанием различных богов, главным образом Аллат. Ей, видимо, и был посвящен местный храм. Насколько об этом можно судить, в районе Ирам — ʿАйн-Шаллала была важная торговая стоянка, основанная минейцами — выходцами из Южной Аравии (исследователи указывают на находку в этом пункте минейских граффити), но постепенно прибранная к рукам набатеями.

По своему внешнему облику храм в Ираме, ориентированный с северо-востока на юго-запад, представлял собой периптер — прямоугольное открытое помещение, окруженное с каждой из боковых сторон пятью колоннами; спереди и сзади его ограничивали четыре колонны (с каждой стороны). В глубине двора находилась небольшая прямоугольная камера. Колонны первоначально должны были оставаться свободными, однако позднее между ними была выложена стена из небольших каменных блоков. Вокруг стен с трех сторон, исключая вход на юго-востоке, были расположены небольшие камеры, видимо, триклинии. Как показали раскопки Д. Киркбрайд, история храма может быть разделена на три периода. В первый период (А) это был тетрастильный периптер на подиуме, т. е. помещение со свободными колоннами, окружавшими целлу. Во вто-

[12] Археологические изыскания конца 50-х — начала 60-х годов позволили еще более точно определить время постройки храма, отнеся его к царствованию Ареты IV (первая половина I в. н. э.); кстати, здесь найдено основание статуи этого царя с соответствующей надписью. В связи с этим кажется сомнительной точка зрения С. А. Кауфман [10, 194—198], которая относит Каср фирʿаун и другие здания аналогичной конфигурации к «римско-набатейскому» времени, т. е. к периоду после создания провинции Аравии.

[13] Интересно, что в эпоху раннего средневековья развалины храма в Ираме пользовались у арабов широкой известностью как выдающийся архитектурный комплекс, испытавший трагическую судьбу поселений ʿАда и Самуда. Разрушение Ирама арабская традиция приписывает Кудару, имя которого связано и с легендой о гибели Самуда. См. [93, 89—90].

рой период (B) храм был превращен в псевдопериптер с прямоугольной целлой внутри помещения, окруженного стеной, с которой связаны колонны. Наконец, в третий период (C) к комплексу были добавлены дополнительная стена и внешние камеры. Судя по эпиграфическому окружению, храм в Ираме датируется временем до установления римского господства.

Особняком стоит «Диван» в Хегре — вероятно, одно из самых древних набатейских культовых сооружений [96, 405—421]. Он высечен в скале, расположенной у входа в узкий коридор в горном массиве Джебель-Эслиб, и представляет собой почти прямоугольный зал ($\approx 10 \times 12 \times 8$ *м*). Вход отмечен двумя гладкими пилястрами с гладкими же капителями; аналогичные пилястры расположены и по углам внутренней камеры.

Подведем некоторые итоги. Весь изложенный выше материал показывает, что набатейские архитекторы продолжали и развивали эллинистические переднеазиатские традиции, восходящие как к собственно греческим, так и к местным доэллинистическим прототипам. В связи с этим кажутся весьма важными наблюдения Дж. Р. Х. Райта, который в своей статье, посвященной Замку [188, 34—37], отмечает существование в районе, непосредственно прилегавшем к Петре, храмов трех типов. Один из них представлен малым храмом в Зат-Рас (вытянутый прямоугольник с продольной главной осью, расширенный боковыми нишами), другой — храмами Каср-Рабба и Мхайи (невысокое очень широкое здание с двумя большими башнями по углам фасада и колоннами между ними) и третий — Хирбет-Таннуром (квадратная целла, окруженная наружной стеной так, что она оказывается как бы окруженной коридором). Два первых, по его мнению, восходят к доэллинистическим сирийским, а третий — к иранскому прототипу [ср. 102, 44]. Показательна, однако, во всех случаях греческая по своему характеру отделка фасадов, колонн и пилястр.

ГЛАВА X

СКУЛЬПТУРА И ЖИВОПИСЬ НАБАТЕЕВ

I

Как и архитекторы, набатейские скульпторы испытывали, насколько мы можем об этом судить, интенсивное эллинистическо-переднеазиатское влияние. Некоторое представление о набатейской скульптуре мы можем составить по рельефам и статуям из Петры (прежде всего Хазне), храма Хирбет-Таннур, а также других храмов Южного Заиорданья (Каср-Рабба, Хирбет-Ризка).

Выше мы уже говорили о том, что рельефы и статуи Хазне изображают Диоскуров, амазонок, Фортуну (Тюхе), Победу (Нике) и менад. Иначе говоря, этот памятник был связан с греческим в своей основе циклом преданий о братьях Диоскурах, а также с греческим же культом Диониса. По-видимому, нелишне в этой связи напомнить, что Дионис был одним из тех эллинских богов, с которыми отождествляли Душару, а сам Душара был также и династическим богом набатейских царей. Из сказанного, очевидно, следует, во-первых, что Хазне, оставаясь погребальным сооружением, было, как и многие другие памятники подобного рода, посвящено этому богу, объявлено его священным достоянием. Во-вторых, на Душару были перенесены не только функции и имя Диониса, но с Душарой были связаны и сказания о нем — факт, с достаточной выразительностью характеризующий процесс культурно-религиозного синкретизма, происходивший на эллинистическом Ближнем Востоке.

Что же касается Диоскуров, то они, как известно, по эллинским представлениям,— спасители (σωτῆρες) на суше и на море от возможных опасностей [37, 1094]. Это обстоятельство приводит на память титулатуру некоторых набатейских царей и, в частности, Раббэля II (см. стр. 28). Не означает ли изображение Диоскуров на фасаде Хазне, что строители мавзолея стремились провозгласить претензии властителей Петры на эллинистический титул? Существенно и другое: Диоскуры олицетворяли собой боевое товарищество и доблесть. В условиях, когда в набатейском обществе сохранялись по крайней мере пережитки дружинной организации, внимание к подобного рода добродетелям легко объяснимо. Фигуры амазонок, размещенные на втором этаже параллельно Диоскурам, должны были

символизировать, очевидно, мужество набатейских женщин. Не случайны здесь и изображения орлов: они не только символы божества, но и олицетворяют вознесение погребенного к сонму богов.

Эллинистические образы Фортуны и Победы олицетворяли счастье и изобилие, а также военную удачу царя, всей династии, всего царства. Показательно усвоение этих культов и связанных с ними религиозно-философских представлений. Как известно, распространение культа Фортуны (Тюхе) не в последнюю очередь объясняется утратой веры в закономерную целесообразность мирового устройства. В мире царит слепой случай, олицетворением которого является Фортуна. По-видимому, не случайно изображение этой богини оказалось в центре архитектурно-скульптурной композиции Хазне: требовалось подчеркнуть ее благоволение к царю и его семье [56, 71—76] [1].

Диоскуры выполнены в разной манере. Справа — это обнаженный всадник на коне, который скачет, слегка откинув голову назад,— мотив, характерный уже для греческого искусства IV в. до н. э.; мощный разворот плеч в анфас, левая рука, отведенная назад, напряженная мускулатура груди и живота, подчеркнутая глубокими горизонтальными и волнообразными линиями, создают патетический образ воина, устремленного в битву. Левая фигура более спокойная; это впечатление достигается тем, что изменена поза коня, который идет размеренным шагом. Однако и здесь обнаженная до пояса фигура развернута в анфас, и здесь глубокими вогнутыми линиями, устремленными книзу, выявлена богатырская мускулатура. Представляется весьма вероятным, что подобная трактовка восходит к стилю, созданному еще в IV в. до н. э. великими греческими скульпторами Скопасом и Лисиппом.

Фортуна с патерой в правой руке и рогом изобилия в левой исполнена в другой, гораздо более мягкой манере. Голова ее повернута вправо и чуть опущена, плечи скошены, правая рука полусогнута, туловище наклонено вперед и влево, немного вперед выдвинута левая нога. Хитон намечен едва заметными неглубокими горизонтальными волнообразными линиями на груди. Все это придает композиции движение и завершенность [2]. Направление движения подчеркнуто и жестом правой руки параллельно оси тела. Рассчитанное на обозрение издалека и потому исполненное резкими четкими линиями, изображение Фортуны с ее обычными атрибутами связано, по-видимому, с

---

[1] Г. Дальман видит, однако, на толосе Деметру и танцующих амазонок.

[2] Ср. об этом приеме [5, 29].

традицией школы Праксителя, также сложившейся в IV в. до н. э.

К сожалению, голова Фортуны, как и головы других барельефов Хазне, уничтожена, может быть, руками христианских или мусульманских фанатиков. До нас дошла, однако, голова одной из статуй Тюхе-Фортуны [35, 45, рис. 37], позволяющая представить себе манеру, в которой работали скульпторы Петры, когда они должны были создать изображение этой богини. Голова повернута вправо; туда же направлен и взгляд глубоко посаженных глаз. Гладкие щеки, подбородок и высокие брови намечены так, что придают голове форму овала. Впечатление усиливается расположением волос, трактованных волнообразными горизонтальными линиями. Разумеется, мы далеки от мысли, что эта голова точно воспроизводила голову Фортуны из Хазне. Однако некоторое единство стиля здесь все же ощущается.

Две Победы в глубине второго этажа Хазне показаны приносящими жертву, очевидно, благодарственную. Характерны прямоугольные контуры обеих фигур; это впечатление не нарушается ни поднятыми вверх крыльями, ни отведенными вбок полусогнутыми руками. Глубокими ударами резца намечены направленные вниз складки одежды. Скульптор, несомненно, хотел передать здесь величавую торжественность праздничного религиозного акта,— но каким же контрастом выглядит неистовая пляска амазонок, поднявших над головами свои боевые топоры, на наружной стене второго этажа. Зритель, глядя на развевающиеся одежды воительниц, испытывает как бы физическое ощущение полета. Такое же впечатление должно было возникнуть, судя по тем остаткам, которыми мы располагаем, и при взгляде на изображения менад с их наполовину повернутыми телами и энергично отведенными назад правыми руками. Однако эти фигуры были наименее доступными для обозрения.

В целом, конечно, скульптурный декор Хазне восходит к эллинским образцам; бросается в глаза, однако, свойственный этому памятнику эклектизм, недостаточная, с нашей точки зрения, последовательность в трактовке всей композиции (ср. выше, стр. 116-119).

Мы уже говорили (стр. 113) о скульптурах так называемого мавзолея со статуями (№ 239 по А. фон Домашевскому). Как отмечалось, в центральной нише здесь помещена фигура римского воина — центуриона или военного трибуна, а по бокам — героизированные обнаженные сыновья. Вероятно, изображения были портретны, однако головы не сохранились. В этом памятнике еще больше, чем в Хазне, ощущается смешение стилей.

Центральная фигура отвечает в общем римским канонам (которые сами восходят к греческим образцам) и напоминает, как нам кажется, известную статую Августа в Ватикане. Правда, здесь поднята не правая, как у Августа, а левая рука, однако направление ее движения (вбок и слегка вперед) близко к тому, что мы видим у статуи Августа. Панцирь воина здесь также лишен символического декора. Зато статуи сыновей воина — целиком эллинистические по исполнению. Судя по направлению туловища и вытянутой руки, скульптор хотел передать порыв устремленного в битву воина; своим пафосом они напоминают, хотя и весьма отдаленно, патетику Скопаса.

Все изложенное выше свидетельствует о глубоком знакомстве скульпторов Хазне и «мавзолея со статуями» с греческими и римскими образцами, об их стремлении следовать эллинистическим канонам. Об этом же говорят и рельефы, обнаруженные при недавних раскопках Замка — изображения Диониса, вакханок, амазонок [134, 1—24]. Едва ли приходится удивляться тому, что скульптурный декор зданий, построенных после 106 г. в Петре, был выдержан в предшествующих традициях. Такова, в частности, известная группа «Эрот, связывающий крылатых львов», вероятно украшавшая гимнасий (№ 422 по А. фон Домашевскому). Отметим здесь же и фигуру женщины, по-видимому, богини (№ 412 по А. фон Домашевскому), которая, слегка выдвинув левую ногу вперед, опирается на трофей (складки ее одежды направлены к левому колену, подчеркивая движение статуи), и типичную для александрийского стиля голову негра с характерной проработкой волос и оттопыренными толстыми губами (рис. 349 у А. фон Домашевского).

Значительный интерес представляет и скульптурное убранство Хирбет-Таннура [73]. Как уже говорилось выше, одним из важнейших его компонентов были изображения Атаргатис. На одном из тимпанов Атаргатис представлена в качестве богини плодородия. Густые пряди, ниспадающие на плечи, обозначены волнообразными глубокими прорезями на камне, параллельными линиям головы; с большим мастерством скульптор передал ритм движения волос. Овальное, можно даже сказать, яйцеобразное лицо слегка повернуто влево; на губах едва заметная улыбка; подбородок и скулы не выделены.

В ином, патетическом стиле созданы изображения Атаргатис с дельфинами и пшеничным колосом. По своему облику и трактовке они напоминают известную пластину из слоновой кости, изображающую «Астарту у окна» [63, табл. 170 В]. Здесь, таким образом, очень наглядно демонстрируются не только греческие, но и местные, ближневосточные истоки набатейского искусства. В первом из них («Атаргатис с дельфи-

нами») голова слегка повернута, и взгляд больших, глубоко посаженных глаз обращен направо; рот полуоткрыт, четко переданы скулы и большой подбородок; две глубокие вертикальные линии по обе стороны рта ограничивают щеки; волосы уложены волнообразными прядями, а косы переданы спиралью. Второй бюст отличается от первого только поворотом головы и направлением взгляда, который обращен влево.

Мотив, близкий к «Астарте у окна», мы наблюдаем и в бюстах, украшающих архитравы Хирбет-Таннура.

Рельеф Зевса-Коса (Хадада), восседающего на керубах,— качественно новый; его стиль возник на основе слияния двух традиций — переднеазиатской и эллинской. Сама поза бога с поднятой вверх правой благословляющей рукой, с керубами, которые образуют своими телами боковые стенки и ножки трона, поразительно напоминает североафриканские, пунийские, восходящие, конечно, к собственно финикийским прототипам, изображения Ба'алхаммона. В то же время трактовка вьющихся волос, и в особенности завитой в три ряда колец бороды, может быть возведена, как отмечает Н. Глюк, к эллинским и иранским (точнее, видимо, ближневосточным) образцам; одеяние божества — высоко подвязанный хитон и накинутый на плечи гиматий,— несомненно, греческое. Господствующая деталь рельефа — непропорционально большая голова идеализированного царя-бога: характерны глубоко сидящие глаза, гладкие щеки, выражение глубокого спокойствия, приподнятости над земной суетой, которое придал скульптор лицу бога.

Интересно сравнить с этим изображение Зевса-Коса на алтаре, воздвигнутом Александром сыном Амра. Здесь перед нами полуобнаженный бог, опирающийся на высокое копье; гиматий, прикрывающий нижнюю часть тела, переброшен через левое плечо; бороды нет; правая нога чуть согнута, и это создает впечатление замедленного, торжественного движения фигуры.

Очень распространены в Хирбет-Таннуре изображения крылатой Победы — грубые подражания греческим образцам. В одном случае Победа держит на плечах таблицу зодиака с рельефом Фортуны; в другом она стоит на шаре — мотив, близкий к рельефу из Аскалона: Атлас, держащий на плечах шар, на котором стоит крылатая Победа. Скульпторы не передают здесь движения богини; она как бы раз и навсегда застыла в установленной позе. Гладкая трактовка лица, на котором не выделены ни скулы, ни подбородок, лишает его жизни.

То же самое, как нам кажется, можно сказать и о рельефе Фортуны (покровительницы Петры) на таблице зодиака.

И здесь, судя по всем внешним атрибутам (корона в виде городской стены, одеяние, трактовка волос, введение символических знаков копья и полумесяца), скульптор стремился подражать хорошо ему известным эллинистическим прототипам Фортуны, однако яйцеподобное гладкое лицо с маленькими толстыми губами и высоко поднятыми бровями плоско и не выражает даже малейшего проблеска мысли.

Если сравнить эти рельефы с другими аналогичными изображениями из Хирбет-Таннура, бросается в глаза вопиющее несовершенство, далеко не соответствующее общему уровню как данного памятника, так и вообще набатейского изобразительного искусства.

Как отмечает Ж. Старки [164, 982], большинство рельефов Хирбет-Таннура близки к пальмирским памятникам второй половины I в. до н. э. — первой половины I в. н. э.

Наконец, отметим изображения богов и животных из Каср-Рабба [67, 381—387]. Здесь в особенности обращает на себя внимание рельеф головы Гелиоса с расходящимися во все стороны лучами, выполненный в манере, общей для всего эллинистического Ближнего Востока, а также голова льва, поразительно напоминающая львиные головы из Кара-Тепе. С тонким изяществом выполнены здесь рельефы лежащей газели и свернувшейся в клубок пантеры.

II

Единственный дошедший до нас памятник набатейской живописи — это остатки настенной росписи в так называемом расписанном доме в Сик ал-Баред, в непосредственной близости от Петры. Наиболее подробное и обстоятельное исследование этого памятника принадлежит Н. Глюку [70, 13—23]; в дальнейшем изложении мы следуем его выводам. Вопрос о том, каково было назначение этого сооружения, до сих пор предмет споров. Супруги Хорсфилд [3] считали его жилищем богатого купца, Г. Дальман [55, 350—353] — храмом; Н. Глюк склоняется к мысли, что «расписанный дом»— погребальная камера. Нам представляется наиболее правдоподобной последняя точка зрения. Особое внимание Н. Глюк обращает на отсутствие здесь достаточного естественного освещения; свет проникает в помещение только через наружную дверь, и для того чтобы воспринять роспись, необходимо было искусственное освещение.

[3] Взгляды супругов Хорсфилд излагаются по статье Н. Глюка, так как их работа нам недоступна.

До наших дней дошли остатки штукатурки на задней стене камеры, где желтой и красной красками были изображены имитации панелей дома. На значительной части потолка сводчатой ниши сохранялась, по крайней мере до начала XX в., штукатурка с росписью, которая была в первый и, насколько мы знаем, в последний раз сфотографирована Абелем в 1906 г. Попытка Н. Глюка проникнуть в глубь помещения в мае 1935 г. окончилась неудачей: исследователю помешали орды насекомых, наполнявшие камеру.

Как показывает одна из фотографий Абеля, на которой заснята часть росписи на левой стороне сводчатого потолка, здесь изображены изящно переплетающиеся виноградные лозы, цветы, а среди них птицы и мифологические персонажи. Художник нарисовал беседки из виноградных лоз, сгибающихся под тяжестью гроздьев, гирлянды цветущих вьюнков и ветки бигнонии грандифлоры. Птицы (аисты, чибисы и вальдшнепы) изображены в профиль; одни из них неподвижны, другие перелетают с ветки на ветку или клюют виноград. Среди этой идиллии можно видеть (согласно отождествлению супругов Хорсфилд) Пана, играющего на флейте, и Эрота, натягивающего лук. Третья фигура, по осторожному предположению Н. Глюка, крылатый Эрот верхом на орле (?). На правой стороне сводчатого потолка, согласно другой фотографии Абеля, в росписи продолжаются мотивы, наблюдаемые на левой стороне.

В научно-исследовательской литературе живопись «расписанного дома» обоснованно, как отмечает Н. Глюк, сопоставлена с росписями восточного гобеленного стиля, о которых между 40 и 28 годами до н. э. писал Витрувий (7, 5, 3). Супруги Хорсфилд указывали на близость набатейской живописи к помпейской (эллинистической по своему происхождению), однако самую близкую параллель они видят в «доме Ливии» в Риме (около 38 г. до н. э.). Роспись Сик ал-Баред они датируют 40-м — началом 30-х годов до н. э. Н. Глюк склонен, учитывая общую политическую ситуацию, отнести ее к концу I — началу II в. н. э. С его точки зрения, она близка к рельефам Хирбет-Таннура третьего строительного периода.

Роспись из Сик ал-Баред свидетельствует о глубоком усвоении набатейскими мастерами эллинистических мотивов, широко распространенных в Средиземноморье I в. до н. э.— I в. н. э.

III

Как известно, одной из важнейших отраслей древнего искусства является роспись керамических изделий. Первая попытка классификации набатейской керамики принадлежит

супругам Хорсфилд [цит. по 164, 983—984]. Они выделили три периода. Первый, наиболее ранний период (III—II вв. до н. э.) характеризуется господством местной «грубой» керамики. Второй период (первые века до н. э. и н. э.) — это время, когда распространяется более изящная роспись с растительными мотивами. Массовый импорт изделий чужеземных мастеров, и в частности италийских, греческих и александрийских ламп, привел к возникновению местных имитаций [ср. 78, 10—13]. Вообще набатеи предпочитали расписывать изделия, разделяя поле на две или три части точками, иглообразными и волнообразными линиями, пальметками, листьями, шестиконечными звездами и т. п. [126, 43—47]. Во II в. н. э. начинается период упадка набатейской керамики.

По сообщению Ж. Старки, который основывается на личном письме П. Парра [164, 984], последний в результате своих раскопок в районе Петры существенно уточнил хронологию Хорсфилдов. Начало набатейской крашеной керамики П. Парр относит к I в. до н. э., когда она еще довольно «груба». Геометрический и растительный орнаменты наносятся темно-красной краской на светло-красном фоне, перед этим расписанном параллельными линиями. В I в. н. э. изображения становятся очень изящными; теперь они наносятся черной краской на красном фоне. Во II в. н. э. эта традиция продолжается, однако растительные элементы орнамента теперь упрощаются и становятся более массивными.

Какая из этих точек зрения наиболее обоснованна, очевидно, можно будет решить только после обнаружения нового материала.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Гибель Набатейского царства в 106 г. н. э. нанесла жестокий, непоправимый удар набатейскому обществу. Петра, как и другие набатейские города, превратилась в заурядное провинциальное захолустье, хотя, по-видимому, в 30-х годах II века н. э. она получила статус колонии и новое имя Адриана-Петра и носила пышные титулы метрополии и метроколонии [167, 41—66]. Раннесредневековый иудейский источник (Берахот, 17б) отмечает набатеев среди населения Суры в Месопотамии. Это сообщение свидетельствует о переселении на каком-то этапе компактных масс набатеев в другие страны Ближнего Востока и даже о сохранении в течение длительного времени преданий об их происхождении. Однако лишенные собственной политической организации, а после распространения христианства и собственной религии, набатеи полностью слились с арамейскоязычным эллинистическим населением Ближнего Востока. Не случайно в III в. н. э. они образуют в Хегре обособленную от окружающего арабского населения арамейскоязычную (насколько это отражают надписи) общину.

Не удивительно поэтому, что остальные арабы перестали видеть в набатеях арабскую, хотя бы по происхождению, этническую общность, а в их традициях — арабские традиции: по представлениям мусульманского средневековья, набатеи — это арамейское племя, доарабское население Ближнего Востока. Эти представления нашли отражение в сочинении «Китаб ал-филахат ан-набатийа» («Книга о набатейском земледелии»), которое написал в IX в. н. э. Абу Бекр Мухаммед ибн ʿАли ибн ал-Вахшийа ан-Набати, пытавшийся доказать, что культура «набатеев», т. е. древних вавилонян, превосходила современную ему культуру арабской Месопотамии [42, I, 242—243]. Арабские устные предания связывают все то, что находится в долине Петры, с Моисеем, который будто бы именно здесь добыл воду из скалы и создал источник ʿАйн-Муса, откуда вытекает и река Вади-Муса, а также с фараоном, который приказал почитать себя как бога и именно здесь сражался с Моисеем и Аароном [58, I, 79].

Среди руин путешественнику показывали «Замок фараона» (или «Замок дочери фараона»), а также сокровищницу фараона — Хазне. Л. де Лаборд рассказывал, что, проезжая мимо
 Хазне, бедуины обычно стреляли в урну, рассчитывая сбить ее

и завладеть хранящимися в ней богатствами [40, 57]. Медаин — Салех (древняя Хегра) превратился в местопребывание «языческого» Самуда, разгромленного в незапамятные времена [58, I, 135].

Полукочевые племена, живущие в долине Вади-Муса [55, 2], ведут свое происхождение от мифических иудейских предков [193, 27; 102, 3]. Создается впечатление, будто набатейское общество погибло, не оставив зримого следа, растворившись в чуждой массе.

Однако это впечатление обманчиво. Набатеи приняли заметное участие в строительстве ближневосточной эллинистической культуры, из которой впоследствии выросли европейская и средневековая арабская культуры. Этим и определяется в конце концов место набатеев в культурной истории человечества.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ —«Вестник древней истории», М.
ЗИАО —«Записки Императорского археологического общества». СПб.
AASOR —«Annual of the American schools of oriental researches», New Haven.
ARAB — D. D. Luckenbill, Ancient records on Assyria and Babylonia, vol. I—II, Chicago, 1926—1927.
BASOR —«Bulletin of the American schools of oriental researches», New Haven.
Caes. B. Alex.— Caesar, Bellum Alexandrinum.
Cass. Dio — Cassius Dio, Historia Romana.
CIS — Corpus Inscriptionum Semiticarum.
Clem. Alex. Strom.— Clemens Alexandrinus, Stromata.
DEPP —«Dura - Europos papyri and parchments», ed. C. Bradford Welles, R. O. Fink, J. Frank Gilliam, New Haven, 1959.
Diod.— Diodorus Siculus, Bibliotheca historica.
Diog. Laërt.— Diogenes Laërtius, Φιλοσόφων βίων καὶ δογμάτων συναγωγή.
DNPF — C. Dalman, Neue Petra-Forschungen und der Heilige Felsen von Jerusalem, Leipzig, 1912.
Epiph., Haer.— Epiphanius, Adversus haereseos.
FGH — Jacoby, Fragmente griechischer Historiker.
Fl. Ios., Antt.— Flavius Iosephus. Antiquitates Judaicae.
Fl. Ios., BJ.— Flavius Iosephus. Bellum Judaicum.
IEJ —«Israel Exploration Journal».
JS — A. Jaussen, R. Savignac, Mission archéologique en Arabie, Paris, 1908.
Luc., Ver. Hist.— Lucianus, Vera historia.
PEQ — «Palestine Exploration Quarterly».
Per. mar. Er.— Periplus maris Erythrai.
Plin., NH — Plinius, Naturalis histora.
Plut., Ant.— Plutarchus, Antonius.
Pomp. Mela. — Pomponius Mela, De chorographia.
P.-W. RE — Pauly's Realenzyklopädie der klassischen Altertumswissenschaft, bearb. von. G. Wissowa.
RB —«Revue Biblique».
RES — Répertoire d'épigraphie sémitique.
Sext. Empir., Ὑποτυπ.— Sextus Empiricus, Πυρρώνειοι ὑποτυπώσεις.
St. Byz.— Stephanus Byzantius, Ἐθνικά.
Strabo — Strabo, Geographica.
Suid. — ἡ Σοῦδα.
Vitruv.— Vitruvius, De architectura.
WM —«Wörterbuch der Mythologie», Stuttgart, 1954.

СПИСОК ЦИТИРОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амусин И. Д. Рукописи Мертвого моря, М., 1960.
2. Амусин И. Д. Кумранский комментарий на Осию,— ВДИ, 1969, № 3.
3. Андреев Ю. В. Мужские союзы в поэмах Гомера,— ВДИ, 1964, № 4.
4. Боровский Я. М. Краткий очерк греческой фонетики,— в кн.: П. Шантрен, Историческая морфология греческого языка, М., 1953.
5. Вальдгауэр Ф. Античная скульптура, Пг., 1924.
6. Вильскер Л. Е. О документах, найденных в Нахал-Хевер,— ВДИ, 1964, № 1.
7. Гранде Б. М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении, М., 1963.
8. Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии, М., 1967.
9. В. К., [Рец. на:] F. Altheim, R. Stiehl, Die Araber in der Alten Welt,— ВДИ, 1969, № 2.
10. Кауфман С. А. Об архитектуре древнего арабского народа набатеев и ее роли в развитии античной архитектуры,—«Вопросы всеобщей истории архитектуры», 1961, № 1.
11. Липец Р. С. Эпос и древняя Русь, М., 1969.
12. Лукас А. Материалы и ремесленные производства древнего Египта, М., 1958.
13. Лундин А. Г. Южная Аравия в VI веке, —«Палестинский сборник», вып. 8, 1961.
14. Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии, Тбилиси, 1959.
15. Моммзен Т. История Рима, т. V, М., 1949.
16. Пельман Р. История античного коммунизма и социализма, СПб., 1910.
17. Першиц А. И. Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX — первой трети XX вв., М., 1961.
18. Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII—XV веках, Л., 1966.
19. Пигулевская Н. В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV—VI вв., М.— Л., 1964.
20. Прозоровский Д. И. Набатеи и их монеты,— ЗИАО, т. II, 1887.
21. Соловьева С. С. Арабы в борьбе с Ассирийской военной державой в середине VII в. до н. э.,—«Вестник МГУ», сер. IX. История, № 1, 1971.
22. Тарн В. Эллинистическая цивилизация, М., 1949.
23. Хвостов М. История восточной торговли греко-римского Египта, Казань, 1907.
24. Шифман И. Ш. К характеристике набатейского частного права по эпиграфическим данным,—«Палестинский сборник», вып. II, 1964.

25. Шифман И. Ш. Правовое положение рабов в Иудее по данным библейской традиции,— ВДИ, 1964, № 3.
26. Шифман И. Ш. Эпиграфические заметки,—«Краткие сообщения Института народов Азии», вып. 86, М., 1965.
27. Шифман И. Ш. Царские и полисные земли в эллинистическо-римской Сирии,—«Палестинский сборник», вып. 15, 1966.
28. Шифман И. Ш. Пальмирские Септимии, потомки Цепперы (из истории общественных отношений в Пальмире конца II — первой половины III вв. н. э.),—«Эпиграфика Востока», вып. XX, 1971.
29. Abulfeda, Historia anteislamica, ed. H. O. Fleischer, Lipsiae, 1831.
30. Aly W. Strabonis Geographica, Bd 4, Bonn, 1957.
31. Altheim F., Stiehl R. Die Araber in der Alten Welt, Bd I, Berlin, 1964.
32. Arnim W. Athenodoros,— P.-W.RE, Bd II Stuttgart, 1896.
33. Avi-Yonah M. ʿAvdat (ʿAbdeh),— RB, 77, 1960, № 3.
34. ʾAbi-Yona M. ʾElat kep̄etaḥ la'oqeanos haHodi,— «'Elat», Yerušalayim, 5723.
35. Bachmann W., Watzinger C., Wiegand Th. Petra, Berlin — Leipzig, 1921.
36. Bennett C. M. The Nabataeans in Petra,—«Archaeology», 1962, vol. 15, № 4.
37. Bethe, Dioskuren — P.-W. RE, Halbbd. 9, Stuttgart, 1903.
38. Beyer H. W. Der syrische Kirchenbau, Berlin, 1925.
39. Bikerman E. Institutions des Séleucides, Paris, 1938.
40. de la Borde L. Voyage en Arabie Petrée, Paris, 1830.
41. van den Branden A. Histoire de Thamoud, Beyrouth, 1960.
42. Brockelmann C. Geschichte der arabischen Litteratur, Bd I, Weimar, 1898.
43. Brockelmann C. Grundriss der vergleichenden Grammatik der semitischen Sprachen, Berlin, 1907.
43a. Broome E. C. Nabaiati, Nebaioth and the Nabataeans: the linguistic problem,—«Journal of Semitic Studies», vol. XVIII, 1973, № 1.
44. Brünnow R. E., von Domaszewski A., Die Provincia Arabia, Bd I—III, Strassburg, 1904—1909.
45. Burkhardt J. L. Travels in Syria and the Holy Land, London, 1822.
46. Butler H. C. The Temple of Dūsharā at Siʿ in the Ḥaurân,— «Florilegium Melchior de Vogüe», Paris, 1909.
47. Butler H. C. Ancient Architecture in Syria, Section A: Southern Syria, Leyden, 1907—1921.
48. Cantineau J. Le Nabatéen, vol. I—II, Paris, 1930—1932.
49. Cantineau J. Cours de la phonétique arabe, Paris, 1960.
50. Čeriqoḇer A. Hayyehudim baʿolam hayyewani weharomi, Yerušalayim, 5721.
51. Clermont-Ganneau Ch. Recueil d'archéologie orientale, vol. I—VIII, Paris, 1888—1907.
52. Cleveland R. L. The Excavations of the Conway High Place (Petra) and Soundings at Khirbet Ader,— AASOR, vol. XXXIV—XXXV, 1954—1956.
53. Croswell K. G. C. A Short Account of Early Muslim Architecture, Harmondsworth, 1958.
54. Cumont F. Études syriennes, Paris, 1917.
 55. Dalman G. Petra und ihre Felsheiligtümer, Leipzig, 1908.

56. D a l m a n G. Neue Petra-Forschungen und der heilige Felsen in Jerusalem, Leipzig, 1912.
57. D e L a c y O'L e a r y. Arabia before Muhammad, London, 1927.
58. D o u g h t y Ch. M. Travels in Arabia Deserta, vol. I—II, London, 1936.
59. D u s s a u d R., M a c l e r F. Mission dans les régions désertiques de la Syrie Moyenne, Paris, 1903.
60. D u s s a u d R. Numismatique des rois de Nabatène,—«Journal Asiatique», 1904, X sér., vol. III—IV.
61. D u s s a u d R. La pénétration des Arabes en Syrie avant l'Islam, Paris, 1955.
62. E i s s f e l d t O. Das Alte Testament im Lichte der safatenischen Inschriften,—«Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», 1954, Bd 104.
63. F r a n k f o r t H. The Art and Architecture of the Ancient Orient, Baltimore, 1955.
64. G a r d i n e r A. H., P e e t T. E., C e r n y J. Inscriptions of Sinai, vol. I—II, London, 1952—1955.
65. G e r m e r-D u r a n d J. Antiquités de Pétra,—«Echos d'Orient», 1898, vol. I.
66. G l a s e r E. Skizze der Geschichte und Geographie Arabiens, Bd II, Berlin, 1930.
67. G l u e c k N. The Nabataean Temple of Qaṣr Rabbah,—«American Journal of Archaeology», 1939, vol. 43, № 3.
68. G l u e c k N. The Other Side of the Jordan, New Haven, 1940.
69. G l u e c k N. Nabataean Syria,— BASOR, 1942, № 85.
70. G l u e c k N. Nabataean Painting,— BASOR, 1956, № 14.
71. G l u e c k N. The Sixth Season of Archaeological Exploration in the Negeb,— BASOR, 1958, № 149.
72. G l u e c k N. The Seventh Season of Archaeological Exploration in the Negeb,— BASOR, 1958, № 152.
73. G l u e c k N. Rivers in the Desert, New York, 1959.
74. G l u e c k N. Deities and dolphins, London, 1966.
75. G r a e t z H. Die Anfänge der Nabatäerherrschaft,—«Monatsschrift für die Geschichte des Judentums», 1875, Bd XXIV.
76. G r o h m a n n A. Nabataioi,— P. - W.RE, Halbbd. 32, Stuttgart, 1935.
77. H a m m o n d Ph. C. The Nabataean Bitumen Industry at the Dead Sea,—«The Biblical Archaeologist», 1952, vol. 15.
78. H a m m o n d Ph. C. Nabataean New Year Lamps from Petra,— BASOR, 1957, № 146.
78a. H a m m o n d Ph. C. Petra,— «The Biblical Archaeologist», 1960, vol. 23.
79. H a m m o n d Ph. C. The Physical Nature of Nabataean pottery,— «American Journal of Archaeology», 1964, vol. 68.
79a. H a m m o n d Ph. C. Pottery from Petra,— PEQ, 1973.
80. H e a d B. V. Historia Nummorum, Oxford, 1911.
81. H e n g e l M. Judentum und Hellenismus, Tübingen, 1969.
82. H i t t o r f f I. J. Pompéi et Petra,—«Revue archéologique», 1862, vol. 6.
83. H i t t o r f f I. J. Mémoire sur Pompéi et Petra, Paris, 1866.
84. H ö f n e r M. Al-Kutba',— WM.
85. H ö f n e r M. Allah,— WM.
86. H ö f n e r M. Al-ʿUzzā,— WM.
87. H ö f n e r M. Aʿarra,— WM.
88. H ö f n e r M. Manat,— WM.

¹/₄6 Заказ № 1865

89. H ö f n e r M. Al-Qais,— WM.
90. H ö f n e r M. Šai' al-qaum,— WM.
91. H ö f n e r M., M e r k e l E. Dusares,— WM.
92. H o m m e l F. Ethnologie und Geographie des Alten Orients, München, 1926.
93. H o r o v i t z J. Koranische Untersuchungen, Berlin — Leipzig, 1926.
94. H o r s f i e l d G. and A. S e l a. The Rock of Edom and Nabatene,— «Quarterly of the Department of Antiquities in Palestine», 1938, vol. VII.
95. I r b y Ch. L., M a n g e l s J. Travels in Egypt and Nubia, Syria and Asia Minor, London, 1823.
96. J a u s s e n A., S a v i g n a c R. Mission archéologique en Arabie, Paris, 1909.
97. K a m m e r e r A. Pétra et la Nabatène, Paris, 1929—1930.
98. K e d a r Y. Ancient Agriculture at Shivtah in the Negev,— IEJ, 1957, vol. 7, № 3.
99. K e d a r Y. More about the Teleilât el-'Anab in the Negeb,—BASOR, 1964, № 176.
100. Q e d a r Y. Be'ayyat hatteluliyyot 'o «tuleylat 'al 'anab» baḥaqla'ut ha'atiqa banNegeḇ,—«Yedi'ot», ker. 20, 5716.
101. Q e d a r Y. Heḥaqla'ut haqqeduma beḥeḇel 'Aḇdat,—«Yedi'ot», ker. 23, 5719.
102. K e n n e d y A. B. W., Petra, its History and Monuments, London, 1925.
103. K i r k b r i d e D. A Short Account of the Excavation at Petra in 1955—1956,—«Annual of the Department of Antiquities of Jordan», 1953, vol. 2.
104. K i r k b r i d e D. Le temple nabatéen de Ramm,— RB, 1960, 67.
105. K o h l H. Kasr Firaun in Petra, Leipzig, 1910.
106. K o f f m a n, Die Doppelurkunden aus der Wüste Juda, Leiden, 1968.
107. K r o l l W. — P. - W. RE, Halbbd. 17, Stuttgart, 1914.
108. L a g r a n g e M.-J., Études sur les réligions sémitiques, Paris, 1903.
109. L a m p l P. Cities and Planning in the Ancient Near East, London, 1969.
110. L é v ê q u e P. Une chronologie nouvelle des Royaumes Sud-Arabes et du «Périple de la Mer Érythrée»,—«Revue des études grecques», 1962, t. 75.
111. L e v i D e l l a V i d a G. Una bilingue greco-nabatea a Coo,— «Clara Rhodos», 1938, vol. 9.
112. L e v y J. Wörterbuch über die Talmudim und Midraschim, Bd I—IV, Berlin — Wien, 1924,
113. L i p p e n s Ph. Expédition en Arabie Centrale, Paris, 1956.
114. L i t t m a n n E. Nabatäisch-griechische Bilinguen,— «Florilegium Melchior de Vogüe», Paris, 1909.
115. L i t t m a n n E. Nabataean inscriptions from Egypt,— «Bulletin of Society of Oriental and African Studies», 1953, vol. 15, pt. 1; 1954, vol. 16, pt. 2.
116. M a y e r s o n Ph. Ancient Agricultural Remains in the Central Negeb: the Teleylat el-'Anab,— BASOR, 1959, № 153.
117. M a y e r s o n Ph. The Ancient Agricultural Remains of the Central Negeb: Methodology and Dating Criteria,—BASOR, 1960, № 160.
118. M e r k e l E. A'arra,— WM.
119. M e r k e l E. Lykurgos,— WM.
 120. M i l i k J. T. Nouvelles inscription nabateéns,—«Syria», 1958, t. 35.

121. Milik J. T., Teixidor J. New Evidence on the north-arabic deity Aktab-Kutbâ,— BASOR, 1961, № 163.
122. Miller J. I. The Spice Trade of the Roman Empire, Oxford, 1969.
123. Morris Y. Masters of the Desert, New York, 1961.
124. Musil A. Die Arabia Petraea, Bd I—II, Wien, 1907—1908.
125. Musil A. Arabia Deserta, 1927.
126. «Die Nabatäer», München, 1970.
127. Negev A. Nabataean Inscriptions from ʿAvdat (Oboda),— IEJ, 1961, vol. 11; 1963, vol. 13.
128. Negeḇ ʾA. Parašiyyot betoledot ʿAḇdat,— «ʾElat», Yerušalayim, 5723.
129. Negev A. Oboda, Mampsis and Provincia Arabia,— IEJ, 1967, vol. 17.
130. Negev A. The Chronology of Middle Nabataean Period,— PEQ, 1969.
131. Negeḇ ʾA. Haḥap̄irot baKurnub (Mamšit),—«Qadmoniyot», ker. 5, 5729.
132. Palmer E. H. The Desert of Exodus, London, 1871.
133. Parr P. J. Recent Discoveries at Petra,— PEQ, 1957.
134. Parr P. J. Compte rendu des dernières fouilles,—«Syria», 1968, t. 45.
135. Parr P. J. The Nabataeans and North-West Arabia,—«Bulletin of the Institute of Archaeology of the University of London», 1970, № 8—9.
136. Petraček K. Gindibuʾ — Arbaija — ein Ṣafa-Araber? —«Archiv Orientalný», 1951, № 1.
137. Pirenne J. Un problème-clef pour la chronologie de l'Orient: la date du «Périple de la Mer Érythrée»,—«Journal Asiatique», 1961.
138. Pirenne J. Le Royaume sud-arabe de Qatabân et sa datation d'après l'archéologie et les sources classiques jusqu'au «Périple de la Mer Érythrée», Louvain, 1961.
139. Polotsky H. J. The Greek Papyri from the Cave of the Letters,— IEJ, 1962, vol. 12.
140. Poloṣqi Y. Šeloš teʿudot mearkeyonah šel Baḇata bat Simeʿon,— «ʾEreṣ— Yiśra'el», ker. 8, 1968.
141. Puchstein O. Die nabatäischen Grabfassaden,— «Archäologischer Anzeiger», 1910.
142. Rabinowitz J. J. A Clue to the Nabataean contract from the Dead Sea Region,— BASOR, 1955, № 139.
143. Rabinowitz J. Aramaic Inscriptions of the Fifth Century B. C. from a North - Arabic Shrine in Egypt,—«Journal of the Near Eastern Studies», 1956, vol. 15.
144. «Revue Biblique», 1957, № 74.
145. Rohde E. Der griechische Roman und seine Vorläufer, Leipzig, 1900.
146. Ronczewski K. Kapitolle des El Hasne in Petra,—«Archäologischer Anzeiger», 1932.
147. Rosenthal F. Die aramaistische Forschung seit Th. Nöldeke's Veröffentlichungen, Leiden, 1964.
148. Rosmarin T. W. Aribi und Arabien in den babylonisch-assyrischen Quellen,—«Journal of the Society of Oriental Ressearch», 1932, vol. XVI.
149. Rost P. Die Keilschrifttexte Tiglatpilesers III, Leipzig, 1893.
150. Rostowzew M. Zur Geschichte des Ost- und Südhandels im ptolemäisch-römischen Ägypten,—«Archiv für Papyrusforschung», Bd IV, 1906/7.
151. Rostovtzeff M. Caravan Cities, Oxford, 1932.

6* Заказ № 1865

152. R o s t o v t z e f f M. The Social and Economic History of the Hellenistic world, Oxford, 1941.
153. R ü p p e l E. Reisen in Nubien, Kordofan und dem petrüischen Arabien, Frankfurt am Main, 1829.
154. R y c k m a n s G. Les noms propres sud-sémitiques, Louvain, 1934.
155. Š a r o n D. Beḥinot p̄isiograp̄iyyot šel hatteluliyyot behar hanNegeb̲,—«Yedi'ot», ker. 23, 5719.
156. S a v i g n a c R., H o r s f i e l d G. Le temple de Ramm,—RB, 1935, 44.
157. S c h l u m b e r g e r D. Les formes anciennes du chapiteau corinthien en Syrie, en Palestine et en Arabie,—«Syria», 1933, t. 14.
158. S c h ü r e r E. Geschichte des Judischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi, Bd I, Leipzig, 1898.
159. S c h w a r t z E. Diodoros,— P. - W. RE, Halbbd. 9, Stuttgart, 1903.
160. S e g r e M. Postilla,—«Clara Rhodos», 1938, vol. 9.
161. S o u r d e l D. Les cultes de Hauran à l'époque Romaine, Paris, 1952.
162. S t a r c k y J. Un contrat nabatéen sur papyrus,— RB, 1954, 61.
163. S t a r c k y J. The Nabataeans,—«The Biblical Archaeologist», 1955, vol. XVIII.
164. S t a r c k y J. Pétra et la Nabatène,—«Supplement au Dictionnaire de la Bible», vol. VII, Paris, 1961—1962.
165. S t a r c k y J. Nouvelle épitaphe nabatéenne donnant le nom sémitique de Pétra,— RB, 1965, 72.
166. S t a r c k y J. La civilisation nabatéenne: état des questions,—«IX Congrès international d'archéologie classique», Damas, 1969.
167. S t a r c k y J., B e n n e t t C. M. Les inscriptions du témenos,—«Syria», 1968, t. 45.
168. S t r u g n e l l J. The Nabataean Goddess Al-Kutba' and her Sanctuaries,— BASOR, 1959, № 156.
169. S t u d n i c z k a F. Tropaeum Trajani, Leipzig, 1904.
170. «Syria», 1955, t. 32.
171. a t-T a b a r i. Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari, ed M. J. de Goeje, ser. I, vol. III, Lugduni Batavorum, 1882—1885.
172. T a r n W. W. Ptolemy II and Arabia,—«Journal of Egyptian Archaeology», 1929, vol. XV.
173. T ä u b l e r E. Der Nabatäerkönig Erotimus,—«Klio», 1910, Bd 10.
174. T h i e r s c h H. Die alexandrinischen Königsnekropole,—«Jahrbuch des Kaiserlich Deutschen Archäologischen Instituts», 1910, Bd 26.
175. T u s h i n g h a m A. D. Excavations at Dibon in Moab, 1952—1953,— BASOR, 1954, № 133.
176. T w e e d i e W. K. Ruined Cities of the East, London, 1859.
177. V a n d i e r J. Manuel d'archéologie orientale, vol. II, Paris, 1952.
178. V e r g e r A. Ricerche giuridiche sui papiri aramaici di Elefantina, Roma, 1965.
179. V i n c e n t H. Les Nabatéens, —RB, 1898, 7.
180. W a t e r m a n L. Royal correspondence of the Assyrian Empire, vol. I, Ann Arbor, 1930.
181. W e l l h a u s e n J. Reste arabischer Heidentums, Berlin — Leipzig, 1927.
182. W i n n e t t F. V. Excavations at Dibon in Moab, 1950—1951,— BASOR, 1952, 125.
183. W i n n e t t F. V., R e e d W. L. The Excavations at Dibon (Dhibân) in Moab,— AASOR, 1964, vol. 36—37.

184. W i n n e t t F. V., R e e d W. L. Ancient Records from North Arabia, Toronto, 1970.
185. W i s e m a n D. J. Fragments of Historical Texts from Nimrud,— «Iraq», 1964, vol. 26, № 2.
186. W o o l l e y L. A. Forgotten Kingdom, London, 1959.
187. W r i g h t G. R. H. The Nabataean-Roman Temple at Dhiban: a suggested reinterpretation,— BASOR, 1961, № 163.
188. W r i g h t G. R. H. Structure of the Qasr Bint Far'un, a preliminary review,— PEQ, 1961.
189. W r i g h t G. R. H. Quelques aspects de la architecture et de la sculpture,—«Syria», 1968, t. 45.
189a. W r i g h t G. R. H. Petra, Some Unusual Views,—«Zeitschrift des Deutschen Palästina — Vereins», 1972, Bd 88, № 2.
189b. W r i g h t G. R. H. The Date of the Khaznet Fir'aun at Petra in the Zight of an Iconographic Detail,— PEQ, 1973.
190. Y a d i n Y. Expedition D — the Cave of the Letters,— IEJ, 1962, vol. 12.
191. Y a d i n Y. Maḥane D — me'arat ha'iggerot,—«Yedi'ot», ker. 30, 5722.
192. Y a d i n Y. Mamleḵeṯ hannabaṭim, happroḇinqiya 'Araḇia, Petra we'En-Geddi le'or hatte'udot minNaḥal — Ḥeḇer,—«'Elat», Yerušalayim, 5723.
193. Y a n n a'it-B e n-Ṣ e ḇ i R., N e g e ḇ 'A. Sela' 'Edom, Tel—'Aḇiḇ, s. a.
194. Y a r o n R. Introduction to the Law of the Aramaic Papyri, Oxford, 1961.
195. Z i m m e r l i W. Die landwirtschaftliche Bearbeitung des Negeb im Altertum,—«Zeitschrift des Deutschen Palästina — Vereins», 1959, Bd 75, №2.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

SUMMARY

The Nabataean State and its culture (from the history of the culture of pre-islamic Arabia)

All investigations in the history and cultural history of the Nabataeans present a considerable interest for the Nabataean kingdom was one of the earlist and largest pre-islamic Arabic states. It has played a significant role in the formation of the Arabic civilization and in the history of Arabs. It is sufficient to mention here the fact that modern Arabic script goes back to that of the Nabataeans. As for Nabataeans themselves they were under the influence of the Aramaic and Hellenistic cultures of the Near East. Study of the Nabataean civilization shows a reciprocity of three different cultural traditions and the formation of a new syncretic culture.

It seems that the Nabataeans first appear in Southern Palestine and in Northern Arabia in the first half of the 1st millennium B. C. Despite the opinion of several scolars we suppose that Nabataeans (nbṭw) should be identified with the Biblical nĕḇayōṯ. The development of their ethnonyme caused «y» to drop in the position between two vowels and «t» changed to «ṭ». At the end of the 4th cen. B. C. Nabataea was invaded by the army of Antigonus, one of Alexander Diadochs, but he was unable to establish his power here and Nabataea remained independent.

During numerous wars with the neighbours in the 3rd-2nd cen. B. C. the Nabataean kingdom seized a vast territory expanding on the peninsula Arabia to the harbour Leuke-Kome and Hegra, Negev in Southern Palestine and vast territories beyound Jordan, and Damascus in Syria. It was at that period that the greater part of Nabataeans turned from nomadic cattle-breeding to a settled life of land-cultivators. In the middle of the 1st cen. B. C. Nabataea became dependent from Rome, but it retained a semblance of independence and a ruler of its own: The kings of Nabataea strived to enlarge the limites of their independence. They took the titles resembling to those of the Hellenistic kings to show their political independence from Rome. The Nabataean rulers

brought the Roman expedition in Southern Arabia to a failure. In the second half of the 1st cen. A. D. some territories of Nabataea were invaded by the bedouins and it was only through the deeds of the last king of Nabataea, Rabbel II, that the power of Nabataea was reestablished here once more; thus his title: «the one who brought to life and saved his people». We can suppose that Rabbel II wished to transfer his capital from Petra where the tribal institutions — the council and the assembly — were quite strong, to Bosra and so to consolidate his power as an absolute ruler. In the year 106 A. D. Rome put an end to the independence of Nabataea and annexing its territories formed Provincia Arabia.

As we have already mentioned the Nabataeans remained nomadic people as far as the 3rd-2nd cen. B. C. Their law prohibited the erection of houses, planting of trees etc. Only during the 3rd-2nd cen. B. C. they have turned to a settled life. Their main occupation being terraced farming, they used subterranean and rain-water for irrigation. Archaeological experiments carried in the Negev have shown the high efficiency of Nabataean farming. Excavations of separate agricultural complexes at Negev show that the middle farms formed the major part of the farms, though there were big as well as small ones. Different crafts florished in Nabataea — manufacturing of garments, ceramics etc. as well as the art of building. As far as we can judge by the remains of Nabataean houses which have been found at Hauran, they resembled fortresses, often with turrets, that served as a defence against the beduins. The ground-floor was used to keep cattle, and the first and second — for living. Nabataea was an important international trade-centre. There is a belief that Nabataea was the terminus of the Silk-way that led from China to the Near East. From Southern Arabia the goods were conducted by land and by sea to Nabataea; the searoute laid through the harbour Leuke-Kome where there was a Nabataean garrison. Here the tax (0,25) was imposed. From Petra the goods were transported to Gaza, where they were taxed again, but already by the Roman functionary.

The foreign observers mark that slaves were not numerous in Nabataea. As far as one can judge there survived the tribal system, e. g. the king had to report regularly to the assembly on his life and conduct; feasts were given by the king to his close and body-guards (survival of the customs of the man-bound). The free members of the community lived in the circumstances of dependence formed by the relations of mutual aid and protection. Legal institutions in the Nabataean society were those common to all the countries of the Near East. A most important

feature was a considerable freedom of women in the family and in the community.

The Nabataeans by origin were Arabs; the proper names and separate glosses in the inscription show that they spoke Arabic. But already in the middle of the I millennium B. C. they adopted the Aramaic, the common language of all the Near East, as their literary language.

The religion of the Nabataeans was a mix of religious cults of Arabs proper (the most important is that of Dushara and Shayʿ al-Qaum — the beduin god „that drinks no wine") and those common to all the nations inhabiting the Mediterranean coast of the Near East (Zeus-Hadad, Atargatis and others). We can find here the hellenistic cults, e. g. that of Tyche. In the Nabataean temple-architecture was prevailing the Syrian fashion.

We can judge the Nabataean architecture by the remains of the rock-sepultures copied the main features of the houses structure (with turrered roofs) and by the hellenistic temples and residential quarters (Kaṣr and others). The Nabataean architectors tried by all possible means to reproduce the feeling of space and depth.

In the fine arts the Nabataeans developed the hellenistic subjectes.

We know nothing about the Nabataean literature, but it is not excluded that one of the narrations about the voyage to the Isles of the Blessed was composed by a native of Nabataea.

After the year 106 A. D., when the Roman Provincia Arabia was founded, the Nabataeans merged with the rest of Aramaic population of Syria and Palestine. In the late Arabic the word „nabataean" was used to indicate the Arameans — the indigenous population of the Near East — as an antipode to the Arabs proper. But the civilization of Nabataea did not vanish without a trace; it laid the foundation for the magnificent edifice of the islamic Arabic culture.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

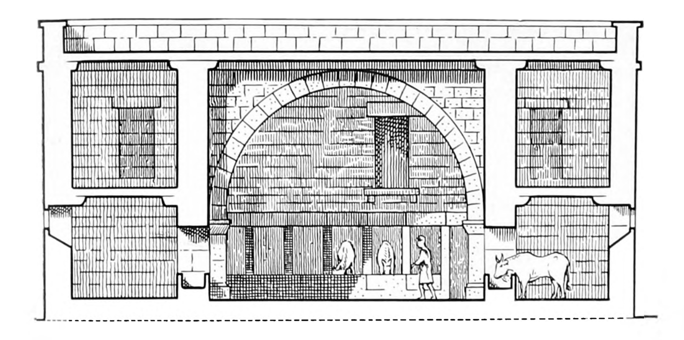


Рис. 1

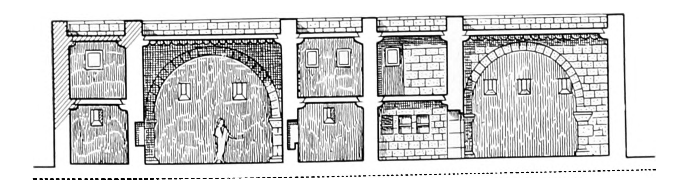


Рис. 2

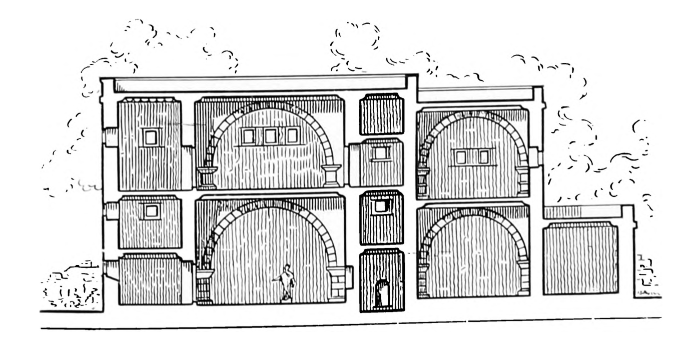


Рис. 3

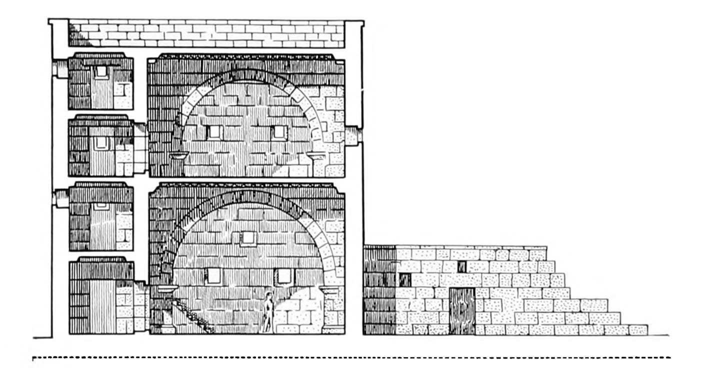


Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 8а

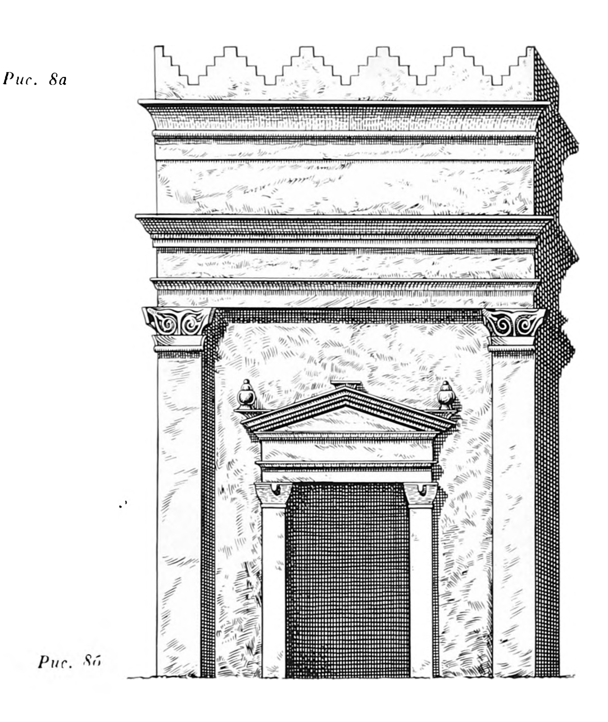


Рис. 8б

Рис. 9

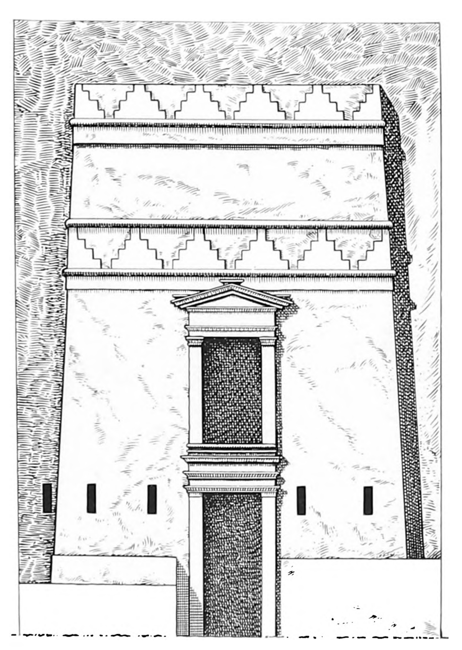
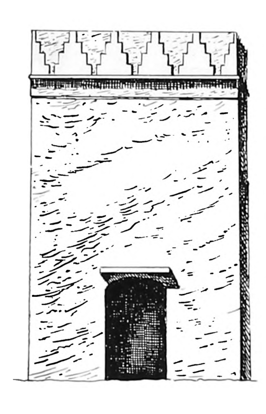


Рис. 10



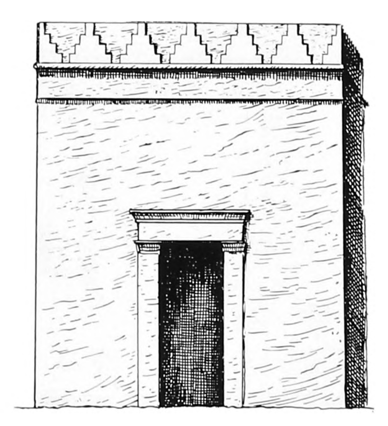


Рис. 11

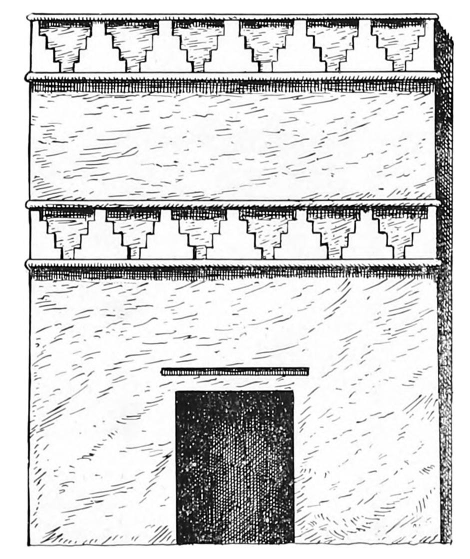


Рис. 12

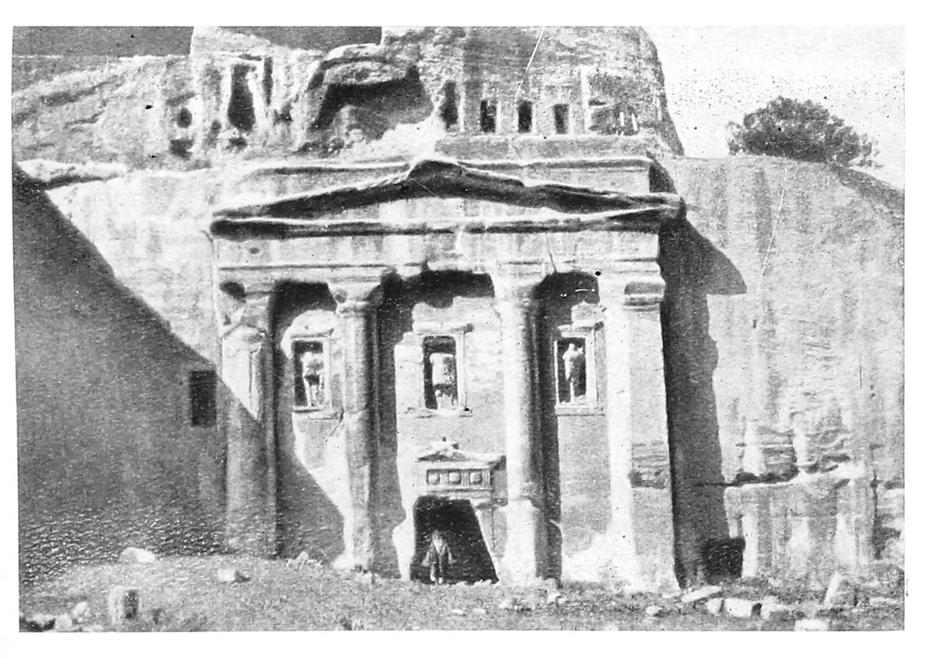


Рис. 13

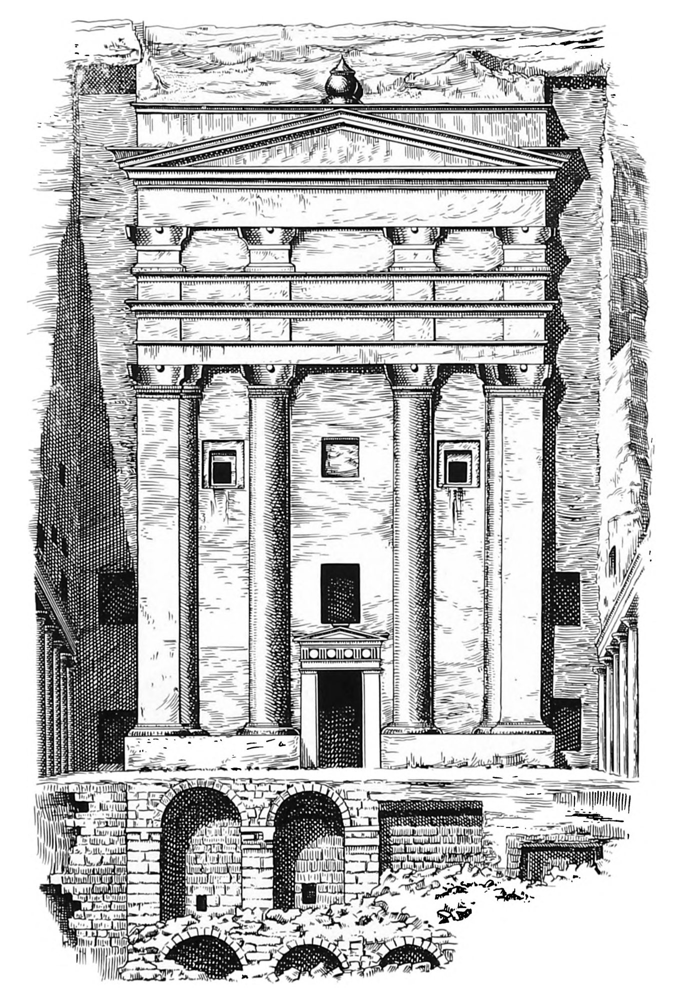


Рис. 14

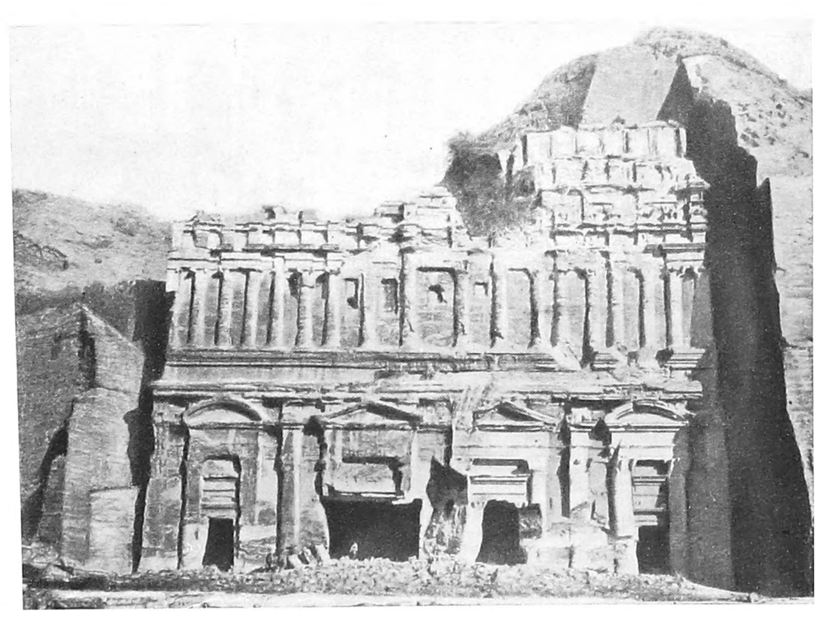


Рис. 15

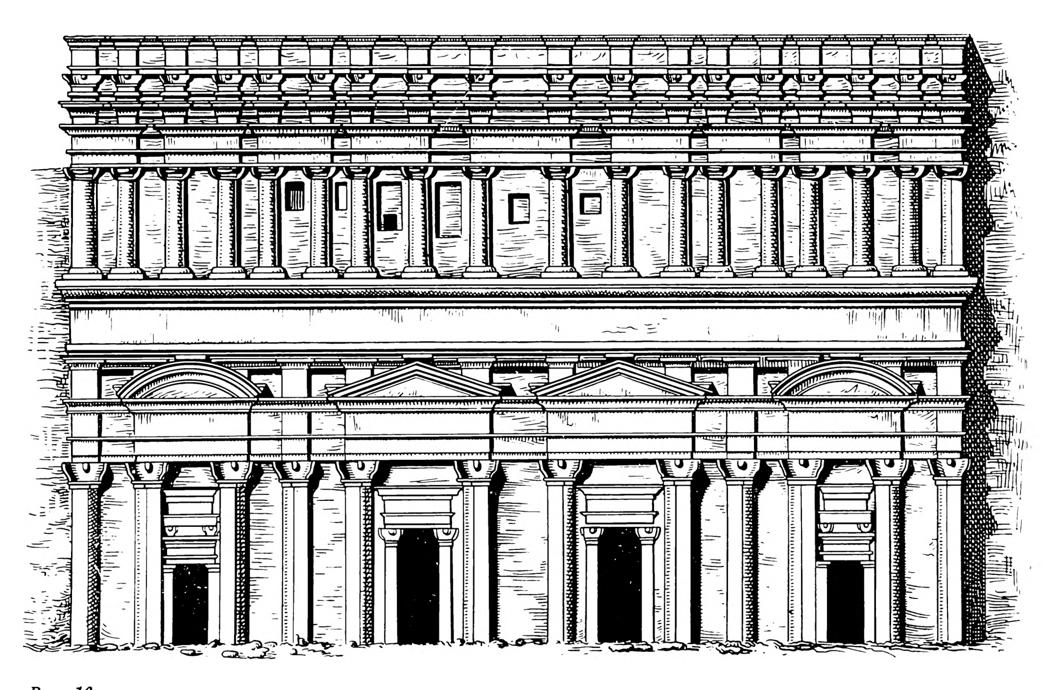


Рис. 16

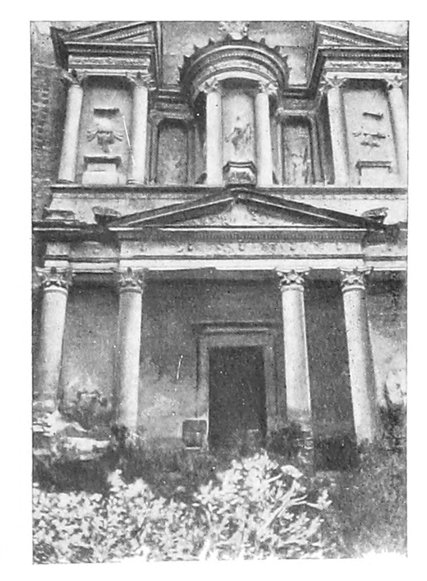


Рис. 17

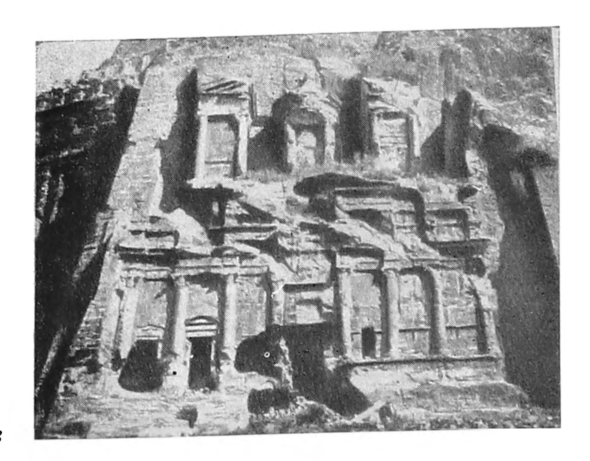
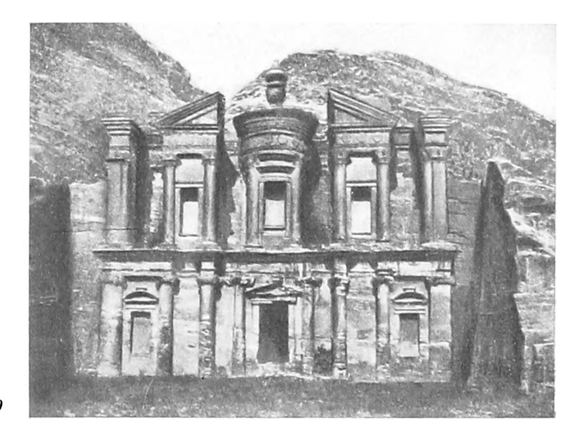
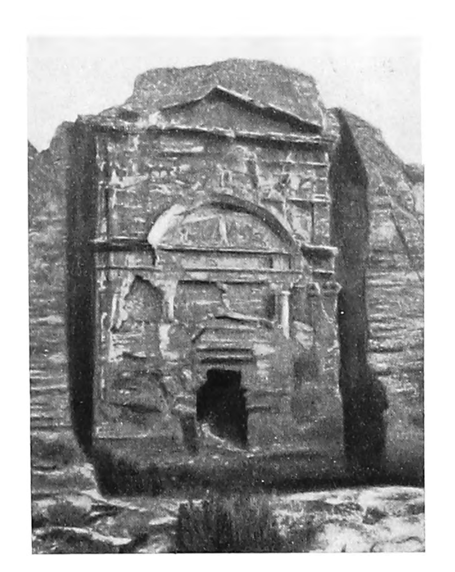


Рис. 18


Рис. 19


Рис. 20

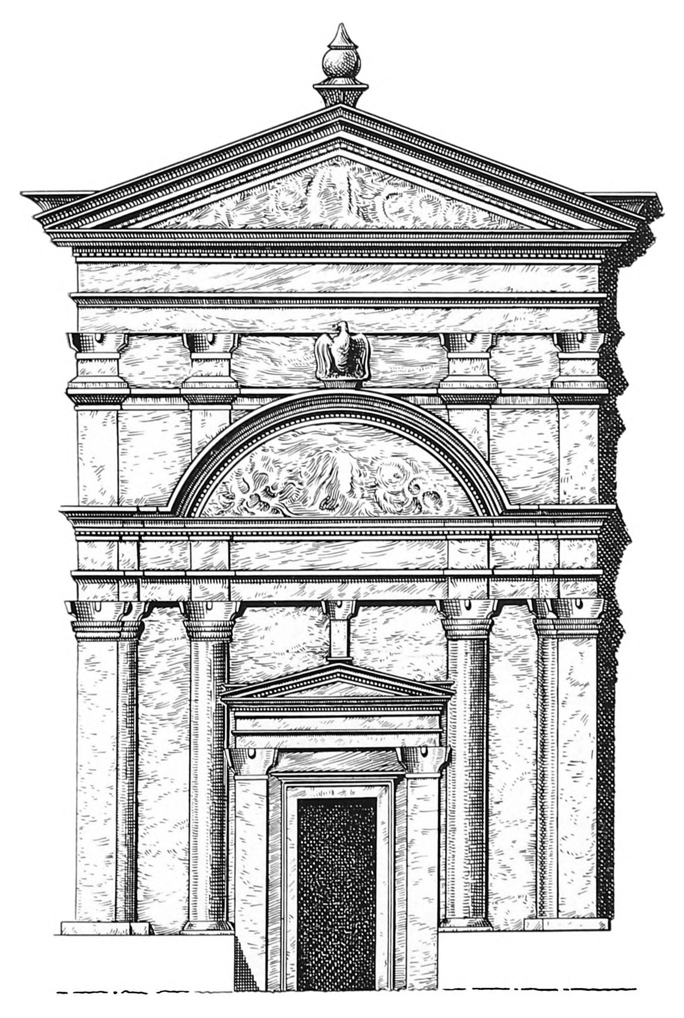


Рис. 21

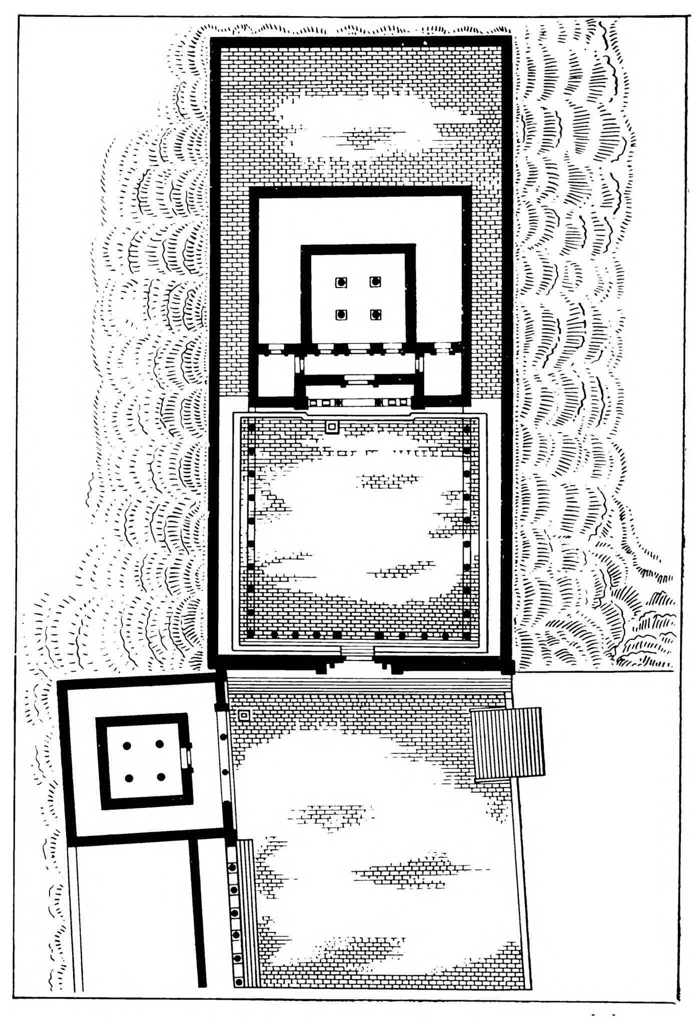


Рис. 22

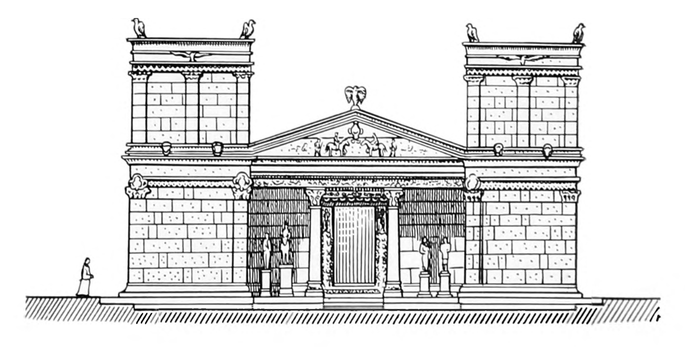


Рис. 23

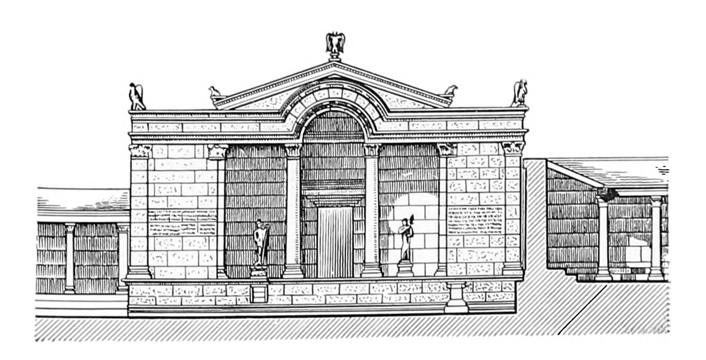


Рис. 24

Рис. 25

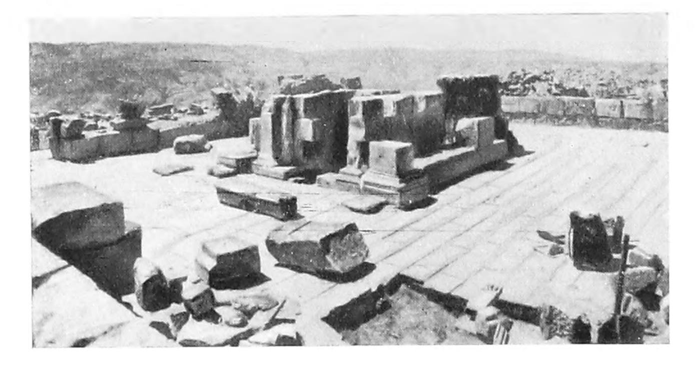


Рис. 26

Рис. 27

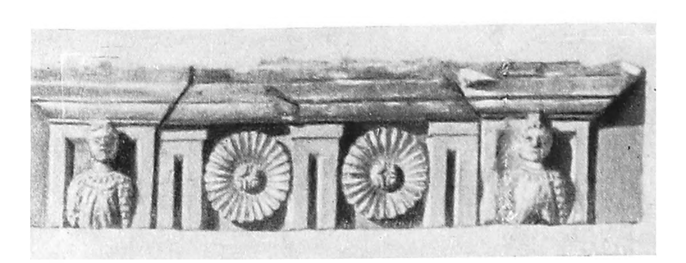


Рис. 28

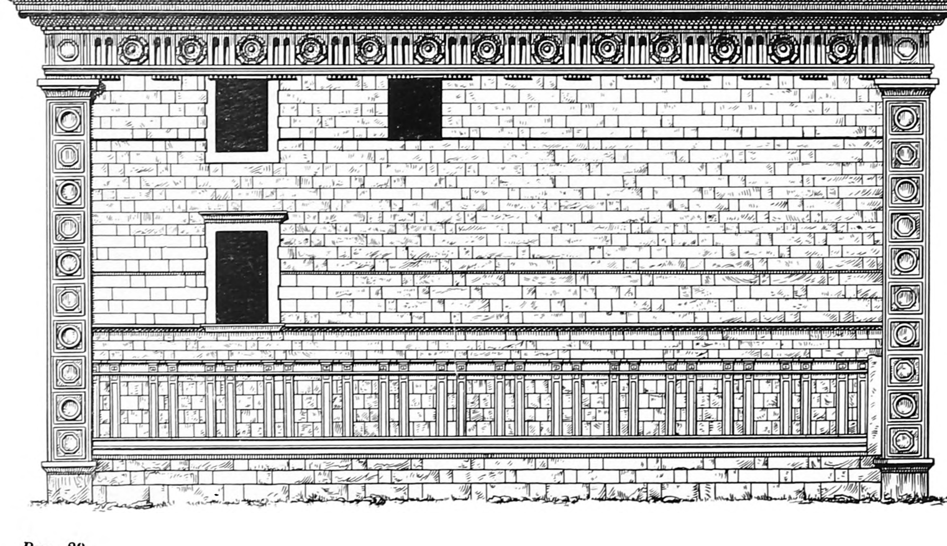


Рис. 29



Рис. 30

Рис. 31

Рис. 32



Рис. 33

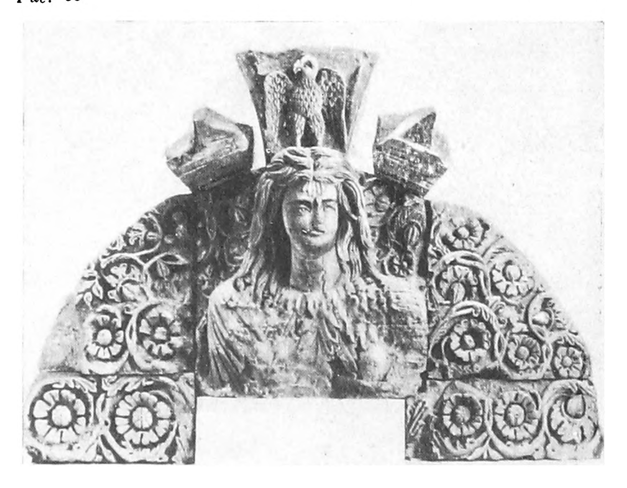
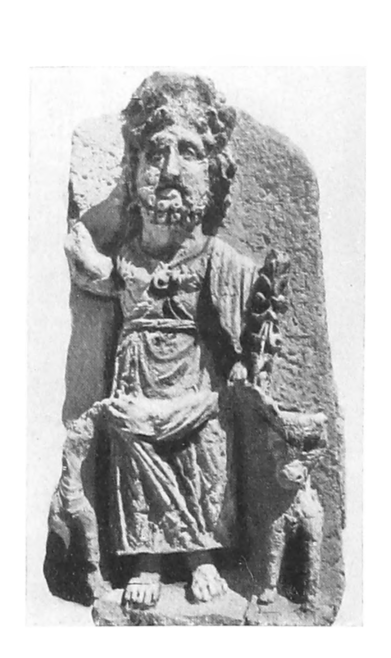



Рис. 34


Рис. 35

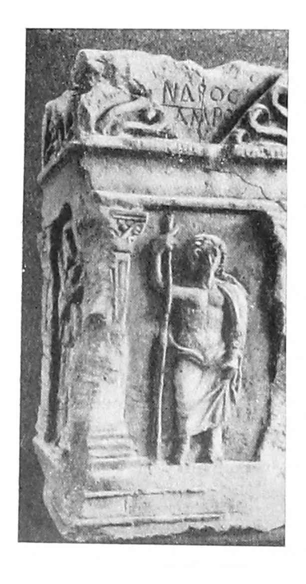


Рис. 36



Рис. 37



Рис. 38



Рис. 39



Рис. 40

Рис. 41а



Рис. 41б



Рис. 41в

Рис. 42

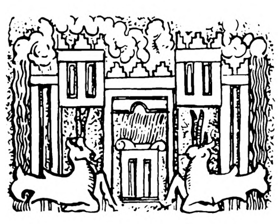
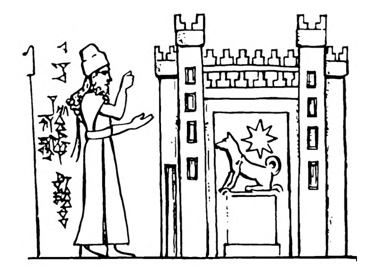


Рис. 43



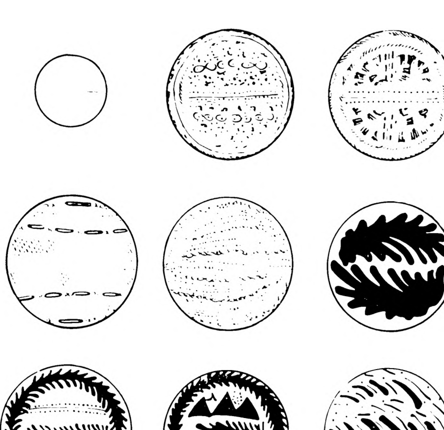


Рис. 44а

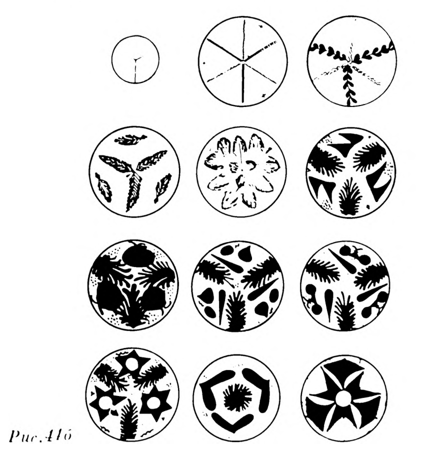


Рис. 44б

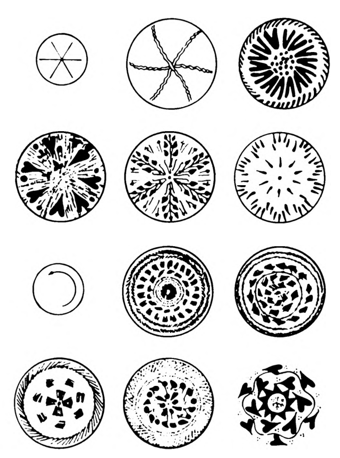


Рис. 44в

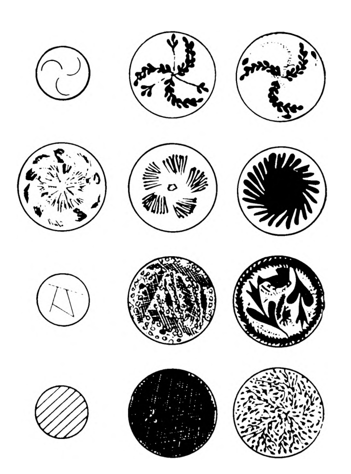


Рис. 44г

ОГЛАВЛЕНИЕ

Илья Шолеймович Шифман

НАБАТЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ЕГО КУЛЬТУРА

Из истории культуры доисламской Аравии

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения Академии наук СССР*

Редактор Т. М. Швецова
Младший редактор И. И. Исаева
Художник Э. Л. Эрман
Художественный редактор И. Р. Бескин
Технический редактор З. С. Теплякова
Корректор А. В. Шандер

Сдано в набор 20/II 1975 г. Подписано к печати 5/XI 1975 г.
А-10180. Формат 60×84$^{1}/_{16}$ Бум. № 2 Печ. л. 10,25
+ 2 п. л. на мел. бум. Усл. п. л. 11,39. Уч.-изд. л. 11,69
Тираж 3000 экз. Изд. № 3317 Зак. № 1865. Цена 1 р. 20 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

2-я типография издательства «Наука»
Москва, Шубинский пер., 10

Цена 1 р. 20 к.

Цена 1 р. 20 к.